THE WEEKLY MAGAZINE
СЕНТЯБРЬ № 39 1991
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097

ЗАТМЕНИЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 39 (3349)
21 — 28 сентября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Солнечная корона во время полной фазы затмения, г. Ла-Пас. Мексика. (См. в номере материал «Затмение солнца».)

Фото Сергея КРАСОТКИНА.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 02.09.91. Подписано к печати 17.09.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 824. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОГДА НАС В БОЙ ПОШЛЕТ ТОВАРИЩ ЕЛЬЦИН

Константин СМИРНОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»

Посреди ночи их вдруг подняли по тревоге, что все расценили как несомненное свинство. Утром надо было грузиться в эшелон и отправляться за 250 верст под Киржач — предстояли командно-штабные дивизионные учения. Технику помыли с вечера, как говорится, не первый год на транспорте, все в лучшем виде, непонятно, для чего горячку пороть? Да еще в четыре утра, когда самый сон.

Однако ж даже по первости стало ясно, что происходит что-то необычное. Офицера́ явились не то что хмурые, а какие-то чумовые — как с родных поминок. И тут пополз «свист», что, мол, вместо эшелона на Киржач пойдем своим ходом на Москву. Студенты, мол, возникают, что их служить заставить хотят, а они на это не согласны и потому возникли.

Молодым-то что, им развлечение, большинство Москву только в кино да по телеку видели, хоть и служат в сорока верстах. А те, кто знает, что главное в танке, глаза открыли — в понедельник утром по Минке на гусеницах в Москву?! Не говоря уж об асфальте, который, ясное дело, накрылся медным тазом, подобные прогулки железно сопровождаются не одной разбитой легковушкой — та же БМПэшка, чуть тронешь рычаги, начинает вертеться на шоссейке как вошь на сковородке и крушит все что ни попадя...

Но как ни крути, а приказ — он и в Африке приказ: залазь, заводи и шуруй хоть в Кабул, хоть в Москву, хоть к мамке на пышки. Поехали...

Только разве это езда? Сорок верст от «Тамани» тащились часа три-четыре. А уж как к городу подошли — и вовсе в час по чайной ложке.

Народ прямо очумел, когда танки и БТРы на улице увидал. Кричат, кулаками машут, фашистами ругают. Одна гражданка даже на трак плюнула. Ну, студенты, ядри их в корень... Но только тут стало яснеть, что это, наверное, вроде как не студенты виноваты, потому что на каждой остановке на броню лезли гражданские и травили, что, мол, Горбача убили, что Язов теперь главный и кэгэбэ всех маленько придушит. А некоторые, наоборот, хвалили, пора, говорят, эту мутоту кончать, а Горбача в расход. Мол, больше порядка будет и харча. Их тоже обругали, а одному деду в ухо обещали дать.

Короче, в Москве не понравилось. Даже молодым. А кому понравится, когда тебя «фашистом» матюгают?..

Задачу поставили — к Калининскому мосту выйти. Выйти-то вышли, только как народ не подавили — непонятно. Люди прямо пачками под траки да под колеса лезли, как чекану́тые. И все кричат: «Стреляй, гад!!!» Юмористы, честное слово: как стрелять, когда рожки пустые и боекомплект в обозе едет. И вообще: солдат ребенка не обидит.

Когда танки перед мостом поставили, гражданские опять на броню полезли и кругом обступили — не сдвинешься. Потом в траки арматуры напихали и давай баррикады строить. А те, которые на башню залезли, рассказывают, что у нас переворот, как в Чили, что Янаев, Язов и еще какие-то — гады, против народа пошли и чтоб офицеро́в не слушали, если они против Ельцина что приказывать будут. А Ельцин, говорят, за народ и будем его защищать. А кто против?

Вскорости пришел замкомбата майор Евдокимов и сказал, что Янаев ушел в отставку и этим переворотчикам скоро ханá. А танки велел к «Белому дому» переставить, что если кто на «Белый дом» полезет, так хоть и без боекомплекта, а все же танк. Ну, тут все сразу на броню полезли, девчонки солдатиков целуют, всю технику флагами русскими утыкали, харчей нанесли, а вечером даже вино предлагали. Так и стояли там два дня, а потом домой поехали, в Алабино.

Дома технику помыли, подмазали, где полагается, зачехлили и в парк поставили. А сами — по машинам и под Дмитров.

Тут, конечно, не вся «Тамань», но народу много, больше полтысячи. Да вообще в расположении осталось всего ничего — кто в целинных батальонах, кто вот так же Ельцину помогает. Жалко же, если харчи пропадут. Сеяли, пахали, а теперь пропадать? Неправильно это. Некоторые, конечно, говорят, что, мол, из-за денег солдатики тут пашут. Правильно, деньги тоже в хозяйстве нужны. Платит совхоз «Дмитровский» четвертак за норму. Норма вообще-то не слабая — 25 мешков свеклы на нос, 700 кило. Но если втроем — 75 мешков за день одной левой заделать можно.

Теперь четвертак этот. На харч идет 6 рублей из 25. Однако 4 рубля часть доплачивает. Стало быть, чистыми остается 23 рубля в день. Деньги, конечно, хорошие, если только получить их. Раньше солдат с заработка еще пять процентов на часть отдавать должен был. А вчера офицера́ наши с Москвы приехали, собрание какое-то в округе было, так там сказали, что больше этих денег забирать не будут. Если правда, тогда лафа.

Вообще жить тут можно. И в смысле харча: кормят нормально, обед, правда, в термоса́х в поле возят, но ежели по столовкам разъезжать, когда работать?

По быту тоже ничего — общага, хотя и тесновато. Телеки, правда, все поломанные, но из «Тамани» ребят-техников пригнали — за день четыре наладили.

С куревом только беда. То и дело «стрелять» приходится. Но офицера́ вчера сказали, что завтра машина придет — 30 тысяч пачек, по пять на нос привезут. Тогда живем.

И вообще хорошо. С утра в поле выедешь — красиво, раздолье тут. Это ж заливные луга, самая Россия. Русским-то что, они это и дома видели, в батальоне ребята и с Нижнего, и с Рязанской области, и с Башкирии. Много с Узбекистана, с Казахстана есть, у них-то места другие — песок да пустыня. Но вообще замполит, бывший, конечно, говорил, что, считай, вся армия по всей стране на поле вышла, урожай спасаем. По одному Московскому округу 28 тысяч военнослужащих! Сила!

Деньги, конечно, дело хорошее. Только, наверное, не в них дело. Это еще там, у «Белого дома», понятно стало, когда на душе легко. Потому что там с людьми были и теперь вот для них. Свекла тоже человеку нужна. С нее борщ хороший.

Совхоз «Дмитровский» Дмитровского района Московской области.

Ваиз ЮНИСОВ

НЕСОВЕТСКОЕ ЛЕТО

ЗАПИСКИ МОСКОВСКОГО РЕПОРТЕРА

Фото М. ШТЕЙНБОКА

Каким-то восьмым чувством чувствую, что одна тысяча девятьсот девяносто первый год от Рождества Христова станет переломным в нашем сознании и бытии.

Почему же тогда нет долгожданной радости в глазах людей, которую, по идее, должны были принести молодая демократия, митинги, референдумы и прочие атрибуты несоветской уже действительности? Наверное, потому, что люди поняли: старое общество рухнуло, и мы ежедневно спотыкаемся об его обломки, а новое будет неизвестно каким. По всей видимости, это будет варварский капитализм с большевистским оскалом на физиономии. Я это понял нынешним летом, когда бродил по душным московским улицам, убиваемый грохотом отбойных молотков, путешествуя от одной человеческой Души к другой...

Автор

* * *

Она была как всегда великолепна и изящна. «Мокрая химия» на голове придавала ее лицу неожиданный шарм и толику беззаботности.

— Что у тебя нового, Нинель? Ты стала нэпманшей?

— Нет, я не вышла второй раз замуж, не сложилось. Сын в школу ходит, в гимназию. Учится хорошо. А я? Я — валютная! Ты чего на меня так смотришь?

— Врешь ты все. Зачем на себя наговариваешь?

— А ты что думал: я такая же отличница «по жизни»? Думал, всегда будет так же, как в школе? Ни знания, ни диплом института никому не понадобились, работа — совершенно идиотская, зарплата — лучше не вспоминать (смеется): четыре килограмма черешни на нее можно купить. Я только один раз попробовала и поняла, что это самый легкий способ нормально жить. Да нет, вру, вру, вру. Не самый легкий, хотя занимает мало времени. Ну, а какой же самый простой? Мне недолго осталось, совсем чуть-чуть...

Последние ее слова потом долго вспоминал, с тревогой представляя, что бы это могло значить. А как помочь? Что сделать? Я позвонил:

— Ты не думай, я не Макаренко, но могу помочь.

Она мне рассказала «свою историю». Я так и знал: валюта, уголовщина, угрозы физической расправы. «И самое главное,— заревела Нинель,— я не могу обратиться в милицию. Спаси меня от них! Спрячь куда-нибудь!»

Сына мы отправили в Энск, а Нинель (имя изменено) я на время упрятал в психбольницу, к знакомому психоте-

рапевту: может быть, за месяц вылечат ее искалеченную душу? Жаль, что я не партийно-номенклатурный жулик, отмывающий деньги в банках. Я дал бы ей денег, чтобы она бросила свои валютные экзерсисы. Боюсь, что на руинах коммунистического «вчера» таких женщин, равно как и самоубийц, станет еще больше, и Москва вскоре будет походить на Калькутту, в которой мне довелось побывать два года назад. Трудно сказать, кого там больше: рикш, крыс или проституток.

* * *

Внук выдающегося партийного лидера, убитого сталинскими сатрапами, в гараже совместного предприятия хранит автомобили и мебель «под старину», купленные по одним ценам, а продаваемые по другим. Так, «Жигули» внучек берет по 60 тысяч за штуку в Тольятти, а здесь, в Москве, продает по 120. Неплохо устроился отпрыск: такому не страшен ни «социалистический выбор», ни «буржуазно-большевистская демократия». А вообще-то вновь вернулись времена денег, кои в каком-то сумасшедшем количестве зачем-то тиражирует Гознак. Появилось понятие «лишние деньги». Так, мой одноклассник Игорь Вавилов, который всю жизнь покупал лотерейные билеты ДОСААФ, играл тщетно в «Спринт» и «Спортлото», неожиданно для себя и для других нашел...17 тысяч рублей, аккуратно завернутых в целлофановый пакет. Игорь не стал заявлять об этом в милицию, а честно в течение двух недель просадил их в ресторанах.

* * *

Много было в Москве зрелищных мероприятий, доставивших всем нам радость: полет дирижабля над Совинцентром, приезд Софи Лорен с сыном, шоу на Красной площади великого кутюрье Пьера Кардена. Мне кажется, что если б именно сейчас к нам прилетел Матиас Руст, его бы никто не посадил за решетку.

* * *

Когда ноги занесли меня в зоопарк, я недосчитался гиппопотама, страуса, умиравшего еще прошлым летом, многих хищников. Водоплавающих не было на новой территории по уважительной причине: сам пруд то ли высох, то ли его осушили, на дне сейчас лежат железобетонные плиты. А ведь, помнится, года три тому назад был создан Фонд помощи животным, был всенародно объявлен его счет...

* * *

Молодой и пытливый, как совнардеп, гипнотизер Геннадий Гончаров считается специалистом в любовной магии и не отрицает, что человек может приворожить и охмурить другого человека своей любовью. Он считает, что если гнев и тоска передаются, то любовь, как не менее сильное чувство, переносится явно.

Итак, господа, запишите один гончаровский рецепт. Налейте стакан воды и сосредоточенно смотрите в него, как бы передавая и закладывая свою любовную информацию в воду. Надо очень хорошо представлять глаза вашей жертвы, как Он (Она) говорит, как жестикулирует, во что одевается (надо до малейшей подробности помнить и одежду), как спит, как берет телефон, смеется и плачет. Если у вас отменная память — успех гарантирован. Пусть жертва выпьет стакан околдованной вами воды!

...Не очень хорошо быть околдованным, но лучше быть околдованным любовью, чем страхом, злобой, ненавистью и завистью.

* * *

Невыносимо жаркое и бесперспективное лето: такое ощущение, что нашу «совковую» территорию проклял Господь Бог и подарил ее Сатане: в июне — июле практически не было дождей, земля вся рассохлась, хлеба так и не успели согнуться от тяжести ядреного колоса.

Человек с лицом Воланда говорил по телевидению, что из-за чересчур жаркой погоды, наверное, удастся собрать урожай только на семена.

И все-таки на этот раз уже не получится наши беды оправдать непогодой.

* * *

В Москве на улице Пятницкой открылась булочная с эмблемой австралийского кенгуру. Очередь стояла дикая: австралийские булочки вкуснее, питательнее, срок их хранения дольше. По всей видимости, такие булочные в ближайшее время будут на каждом шагу, поскольку все равно хлеб будет закупаться «у них».

* * *

В предчувствии Царя-Голода, неминуемо надвигающегося на СССР, в Москву прилетел мой добрый знакомый, американский летчик Мильерт Хармен. На своем крохотном «Бич Крафте» Хармен облетел весь мир, несколько раз бывал на Северном полюсе, совершил перелеты через Атлантический, через Тихий океан, через Бермудский треугольник, 17 раз посещал Союз в качестве пассажира, ибо сюда на частном самолете летать очень дорого: пошлина, установленная авиационным начальством, равна 2000 американских долларов (неужели у нас такая дорогая страна?).

Хармен прилетел в восемнадцатый раз для того, чтобы хоть как-то помочь таллиннским детям — он привез им 120 фунтов качественных продуктов — и чтобы «притормозить» забастовку советских авиадиспетчеров. Среди летчиков Мильерт очень известен, поэтому свою миссию в Таллинне он выполнил сполна: эстонские летчики отказались от забастовки.

— Почему вам так везет в жизни и все ваши планы сбываются?

— Потому что мой главный партнер и самый надежный компаньон — Бог,— улыбнулся старый пилот.

Это замечательно, что есть такие люди на Западе, как Хармен, может

быть, они-то и не дадут нам и нашим детям погибнуть! Если б это понимал товарищ Матвеев, начальник отдела международных сношений МГА СССР, то он не брал бы мзду с летчиков, желающих летать к нам с благотворительной целью, а, напротив, платил бы им гонорар за риск. Как репортер, который уже семь лет пишет о проблемах авиации, я знаю, сколь вероятно столкновение гражданского самолета с военным: практически все воздушные коридоры нашей «глубинки» оккупированы вертолетами и истребителями.

* * *

В июле в Москве-реке был найден целлофановый пакет с отрезанной головой мужчины. В июне на Курском направлении, в трех километрах, обнаружили ногу женщины. Остальные останки мужчины и женщины работникам милиции не попадались... Не усмотрите в моих заметках дешевой невзоровщины, но цифры и факты последнего лета Совдепии таковы: за два летних месяца в столице было совершено 84 убийства, 191 разбойное нападение, 118 изнасилований, около 300 грабежей, 140 человек утонули в водоемах. Цифры, не радующие и никаким образом не обнадеживающие, предоставил «Огоньку» заместитель начальника УВД Мосгорисполкома генерал-майор Лев Бельянский.

В этом году характерен рост зверских убийств. В этом я не усматриваю, что убийцы 1991 года все сплошь «джеки-потрошители»,— нет. Рынок на нашу землю приходит какой-то неотесанный, топорно-уголовный, поэтому конкурентов или людей, знающих много лишнего, и убирают первобытно-диким способом, снимая при этом кожу с лица или расчленяя вовсе. Пойди потом найди голову! Все спишут за сроком давности.

* * *

— Я только теперь понял, что твой репортаж о трупах не был сюрреалистическим,— схватился за голову коллега-журналист.

— Спасибо за признание,— отвечал я ему.— Но из чего ты это заключил? (Речь идет о материале «Из жизни морга», опубликованном 8 января с. г. Репортаж, вышедший в «Комсомольской правде», познакомил читателей с тем, как в городе Z извлекаются человеческие органы в моргах судмедэкспертизы и за валюту переправляются за рубеж.— **Ред.)**

— Я был в отделении милиции, и мне рассказали потрясающую вещь: участковым в подвале дома обнаружен труп восьмилетней девочки.

— И все?

— Нет, не все. В теле девочки не нашли ни сердца, ни печени...

...Ну, куда, Господи, пропадают наши сограждане, бедные москвичи и жители Подмосковья, ведь в каждом выпуске «Добрый вечер, Москва!» сообщается, что такой-то ушел из дому тогда-то и не вернулся...

Очень много среди пропавших москвичей, я заметил, детей 15—17 лет.

...Сатана не витает над нами — он живет в нас.

* * *

К своему стыду, я ни разу не был в Театре на Спартаковской площади, хотя он в двух шагах от моего дома. Однажды в воскресенье выбрал время и пошел в этот театр — узнать хотя бы об осеннем репертуаре. Труппа, к сожалению, была на гастролях, зато я увидел... мормонов, американских миссионеров. Мормоны читали свои проповеди прямо со сцены. Народу в театре было не очень много, видимо, потому, что реклама проповедей в московской прессе не была достаточной. А жаль! Проповедники говорили о том, чего мы не бережем и, кажется, давно позабыли,— о первооснове нашей жизни: о семье, о святости детских душ.

...Между прочим, успех процветания Римской империи заключался именно в том, что все бытие этих умных людей

опиралось на семейное начало, на «семейное право»: семья — род — курия — племя — народ.

Председатель Православного братства ученых и специалистов И. Шевченко считает, что и нам настала пора решать проблемы в направлении от семейного совета до Верховного, а не наоборот. И возродить понятие свободной родовой личности.

* * *

У входа в парк «Сокольники» в полдень в будний день лежал в дым пьяный абориген микрорайона и, размахивая веточкой, кричал на всю округу:

— Я не жид, товарищи, но я хочу в Израиль!

Кто-то из сердобольных посоветовал «путешественнику» для начала поехать в Одессу, где всего за семь тысяч ему поменяют национальность и фамилию. Человек поднялся на карачки и сквозь желтые одуванчики пополз по направлению к сиреневому кусту, к своей авоське, что-то бормоча под нос и тупо соображая, видимо, о том, где добыть такую сумму, чтобы стать евреем и получить жилье хотя бы в секторе Газа.

Вдруг я услышал совершенно дикий вопль. Кричал человек мужского пола в конце улицы Барболина, в здании медучилища. Взбегаю на второй этаж. Душераздирающие крики все сильнее и совсем рядом. Такое ощущение, что кого-то пытают.

Пациент вышел из дверей травмпункта, держась за спину.

— Что с вами делали? — интересуюсь.

— Вправляли позвонки,— еле молвил он, сгорбившись пополам.— Хожу уже на третий сеанс. Вроде бы получше стало. Говорят, надо восемь раз прийти к Дроздову, и все будет в ажуре.

Алексей Дроздов, знакомлюсь с ним, высоченный, коротко остриженный целитель, проводит сеанс в течение пяти — десяти минут. Поначалу, конечно же, я подумал: халтурщик. Тот, будто бы угадав мою мысль, как-то исподлобья улыбнулся и приказал: «Заходи и ложись на кушетку». Я разделся по пояс и лег. «Где болит?»

...А потом я кричал точно так же, как и мой предшественник. Алексей мял меня своими ручищами, как тесто, пересчитывая пальцами позвонки, вправляя смещенные диски на место и вбивая их пудовым кулаком и ладонью; у меня перехватило дыхание, когда этот великан стал выворачивать с хрустом голову — сначала направо, потом налево, потом поднимая ее кверху, будто бы пытаясь вырвать; пытка продолжилась тем, что он начал выворачивать в разные стороны обмякшие скорее от страха ноги (а вдруг надвое разорвет); напоследок он меня поднял и, несколько раз встряхнув, поставил на ноги:

— У тебя, как у всех, кто не плавает, легкое искривление позвоночника. Ерунда, дело поправимое.

На себе самом я убедился, что у Леши Дроздова — золотые руки: скованность в спине сошла через несколько сеансов, а я и не догадывался, в чем дело.

Алексей занялся мануальной терапией недавно, после того, как бросил свое нейрохирургическое отделение, в котором оперировал позвоночных больных около двадцати лет. Медлительность, поздняя диагностика и рутина советской медицины, невозможность профессионально и качественно сделать операцию, жалкое вознаграждение за риск, бестолковые дежурства, ну, и, безусловно, рост цен вынудили талантливого нейрохирурга уйти в кооператив. Сейчас он мечтает открыть свое дело и лечить москвичей.

— Французский прибор, который я хочу приобрести для своей клиники, делал бы стопроцентную диагностику, все остальное — дело моих рук и головы. Хочу пойти к мэру и попросить 170 тысяч долларов в кредит — столько стоит этот прибор.

— И когда же ты вернешь деньги?

— Через полтора года, я уже посчитал. В результате выиграют все.

* * *

Один из московских кооперативов, обосновавшийся при Минздраве СССР, разрабатывает проект по производству мужских половых членов из пластмассы. В Японии такая игрушка стоит 32 тысячи иен, в Америке — 150 долларов. Сколько будет стоить у нас? Тревожит, собственно, другое: наметившийся, как заметили сексопатологи, рост численности импотентов, что повлечет за собой массовые разводы.

* * *

Центр Москвы вновь превратился в некий Калашный ряд: здесь можно купить все — от банки меда до машины с ворованным цементом, не говоря уже о детской одежде, цена которой равна зарплате взрослого человека. Весь этот торговый хаос связан с уничтожением городским правительством киосков и ларьков на рынках. Новое руководство Москвы мотивировало свою акцию тем, что на рынках антисанитарная ситуация.

Теперь же антисанитарная ситуация на всех улицах города.

* * *

Прошедшее лето в Москве было чересчур «детским». Это я к тому, что взрослые политические игры лишили наших детей нормальных, на все лето, каникул: резко подорожали путевки в санатории, дома отдыха, дачи детских садов при районо и предприятиях. Увы, далеко не у всех родителей хватило средств, чтобы их детишки смогли наслаждаться морским и лесным воздухом в течение 1—2 месяцев. Дети младшего возраста слонялись по дворам как неприкаянные, а более старшего от безысходности занялись мелким бизнесом, то есть продажей газет, пирожков, арбузов.

Ну, что с нами происходит? У ГУМа и на Казанском вокзале дети продают презервативы и порнографическую продукцию: плакаты, буклеты, открытки, карты. Производителям и посредникам очень выгодно использовать детский труд, ведь они знают, что одиннадцатилетнего распространителя никто не привлечет к ответственности.

* * *

Слухи, посеянные газетой «Куранты», не подтвердились: нет в Москве никакого людоеда.

Действительно, он сидел в Бутырском СИЗО; действительно, его переправили по этапу, действительно, он сбежал. Но в настоящее время он арестован и находится в Фергане.

Вот уж точно: мир тесен! Людоеда Джумагалиева я лично в камерный глазок видел в Бутырском следственном изоляторе 22 февраля 1989 года. Невысокий, лысенький и вполне приличный человек лет пятидесяти ходил из угла в угол своей «хаты-одиночки», курил.

Тогдашний начальник Бутырки В. Семенов пояснил мне:

— А это очень редкий экземпляр. За два года съел семерых женщин. Сексуальный маньяк, так сказать. Подследственный насиловал и убивал своих гостей, а потом делал из них пельмени, причем мясо хранил у себя в холодильнике. Сексуальное удовольствие Джумагалиев получал от того, что наблюдал, как очередная жертва ест пельмени из мяса своей предшественницы.

Джумагалиев, как сейчас помню, сидел в камере, соседствующей с той, в которой в 1909 году «тащил» срок анархист Махно.

В августе 1989-го людоед сбежал из-под конвоя.

Трудно сказать, съел ли он еще когонибудь за эти два года, но, думаю, есть основания успокоиться: каннибал вновь за решеткой.

* * *

Абсолютный Разум, витающий над нашим бедным и измученным Отечеством, как бы сопротивляется неминуемости некой катастрофы, и люди вынуждены обращаться к Богу, ищут для себя «экологические ниши» и спасение. Неспроста при Первой Градской больнице и храме царевича Димитрия основана община сестер милосердия. Сейчас в нее вошли 26 девушек, 10 пока еще держат своеобразный экзамен. Вскоре при общине, больнице и храме откроется медучилище с уклоном в миссионерство. Это очень доброе начинание, точнее, возрождение того, что было уничтожено в свое время.

* * *

Возвращение имен и переименование улиц, площадей, переулков и станций метро доведены до абсурда, и теперь в Москве путаются не только приезжие, но и коренные жители: их поколение уже не помнит толком, что и как называлось раньше.

* * *

Талоны — величайшее «достижение» нашей азиатской перестройки. В первых числах июля у жэков Москвы вытянулись очереди на получение прожиточного минимума.

Мне надо было получить четыре талона на себя и свое семейство, которое, не выдержав душной суматохи лета, отбыло на природу. Утром я направился за государевой милостыней. У жэка стояли пятеро сограждан, с недоумением читавших расписание выдачи талонов. Я пристроился к ним и тоже начал изучать документ: оказывается, талоны можно получить лишь два раза в неделю, причем в строго отведенное время, удобное лишь тем, кто не работает. На следующий день мне стало дурно от очереди (городское правительство оценило ежемесячную потребность человека в 10 пачек сигарет, 1,5 килограмма сахара и теперь уже в 2 бутылки водки). Пришлось отложить приятную минуту еще на неделю.

В следующий раз я был умнее и пришел за час. Но, как выяснилось, московский наш народ еще предприимчивее и прибыл к жэку на два часа раньше, и очередь оказалась в два раза длиннее прежней. Я решил стоять до последнего, потому что подобные ходки могут продолжаться до бесконечности.

Люди между тем стали записывать свои порядковые номера на левых ладонях и бежать в ближайший гастроном, чтобы на правой ладони записать свой номер в очереди за сахарным песком... Через полтора часа я получил, точнее, купил за сорок копеек пачку талонов и двинулся к винному магазину: я имел полное право купить целых 8 бутылок водки пол-литрового розлива или 12 флакончиков, разлитых в посуду из-под пепси-колы. Но и там, у магазина, уже парилась на жаре толпа. Узнав, что просто так водку не купить, а только в обмен на пустую тару, я направился обратно домой — искать посуду. Бутылок из-под кефира, шампанского, сухого вина, пива скопилось много, но, увы, они не подходили для натурального обмена. Пришлось взяться за перелив нетронутого зелья в графинчики, баночки и бидончики. Таким образом были освобождены пять бутылок, и вновь я побрел к магазину, размышляя над тем, что трех-то у меня недостает. Сомнения по поводу трех нехватающих бутылок разрешил частный бизнес, развернувшийся по жестким законам советского капитализма: оборотистые алкаши-грузчики, набравшие пустых бутылок в других регионах СССР, где нет московского идиотизма, наладили продажу пустой тары из-под водки по три рубля за штуку.

Недолго думая, я купил за девять рублей три пустые бутылки и встал в очередь, ведь мой порядковый номер уже вышел на финишную прямую.

Сахар за июль я так и не купил, он перестал поступать со складов в магазины. Видимо, товарищ Ф. Кастро решил наказать нас за отступничество от коммунизма, призрак которого все еще продолжает бродить на тростниковых плантациях Кубы.

Чуть позже я узнал, что сахар нынче — самый ходовой товар на московских биржах. Практически везде его можно получить в обмен, например, на автокран «Ивановец».

* * *

В июне 21-го дня из Саратова мне позвонил знакомый журналист Сашка Зазыбин и сообщил весьма странную и роковую новость о том, что трагически оборвалась родословная рода Чернышевских: покончила жизнь самоубийством внучка великого социалиста-утописта. Она выбросилась из квартиры первого секретаря обкома партии Муленина, а через три дня, приняв смертельную дозу яда, за матерью последовал и ее сын.

Так летом 1991-го закончился «пятый сон» Веры Павловны, дикий и кошмарный, длившийся в нашем обществе больше семи десятилетий. А что дальше? Окончательно ли мы проснулись? Я всячески избегал каких-либо политических аналогий и объяснений происходящему, но некоторые моменты в деятельности высших кремлевских кругов нагнетали некое предгрозовое затишье, которое обязательно чем-то разрешится. Но чем? И когда все это прорвется?

Июнь — июль — август

(Последняя строка настоящих заметок написана 17 августа, в канун «коричневого» переворота.)

Американский летчик Мильерт Хармен в Москве. Фото В. АХЛОМОВА

**Павел НИКИТИН,
собственный корреспондент
«Огонька»**

Фото Николая ЛАСКОВА

ОБКОМ СЖИГАЕТ МОСТЫ

ЗАМЕТКИ ПОНЯТОГО

о том, какие задачи ставились перед парткомами в дни путча и как они по команде «отход» покидали «боевые позиции», оставляя после себя только пепел...

Чтобы стать понятым, достаточно оказаться в нужный момент у следователя под рукой. Следственная группа Ростовской городской прокуратуры со свеженьким ордером на обыск обкома партии собиралась на дело. Им позарез нужны были понятые. И я стал одним из них.

КАК КАЗАКИ ДВОРЕЦ ШТУРМОВАЛИ

У входа в обком партии стоял казак. Красные лампасы на защитного цвета галифе. Черные хромовые сапоги бутылочкой. На гимнастерке, перехваченной тугой портупеей, погоны, отливающие в лучах солнца серебром. Из-под фуражки с коротким казачьим козырьком кудрявится смолистый чуб.

— Куда?! — уставив на нас черносливовые глаза, загораживает он вход.

«Корочки» работников прокуратуры не приводят его в священный трепет. Лишь после перепалки следственная группа проникает в здание. Но казак еще долго следует за нами, настаивая на необходимости его, казака, контроля за деятельностью прокуратуры.

Казаки чувствуют себя в обкоме хозяевами. Неделя прошла, как они штурмом взяли партийный дворец. Создатели ГКЧП арестованы, а казаки из обкома не уходят. И, похоже, не собираются.

По-разному встретил переворот донской «Казачий круг». Атаманская верхушка из Москвы приказала «всему казачеству не высовываться, форму не надевать, на баррикады не ходить, а тех казаков, кто пошел, осудить». Молодые ростовские казаки приказу не подчинились. Хорошо, рассказывают, держался атаман Ростовского округа Попов. Он как ни в чем не бывало ходил по городу в полной форме и спокойно уверял всех, что «эти подонки и трех дней не просидят»...

Когда переворот рухнул, казаки взяли обком партии в кольцо. Не с целью свести счеты с коммунистами. А для защиты. В здании обкома до революции была городская дума. Казачество, решив, что возбужденные победой ростовчане вот-вот начнут громить здание, взяли его под охрану. Зачем бить чужое, если оно вот-вот станет своим?

Планы казаков переменил запах гари. К нему сначала отнеслись спокойно, решив, что во дворах где-то подожгли свалку. Но когда на головы стал падать пепел, казаки вскричали и бросились на штурм.

Атака была стремительной. Хлипкий милицейский кордон смяли в один миг.

Обкомовские обитатели, увидев растекающуюся по коридорам и лестницам гудящую толпу, бросились наутек. Казаки отлавливали беглецов и обыскивали, заподозрив, что партийные вельможи не просто смазывают пятки, но и выносят с собой секретные документы. Но вместо бумаг в портфелях и сумках то и дело попадалась... пшенка. Это была последняя партийная «дачка», и от нее спешили избавиться как от компрометирующего свидетельства партпривилегий.

А документы жгли в подвале. Оттуда густо валил дым и черными бабочками летел пепел. У печки суетились солидные люди. Их схватили.

Молва уверяла, что казаки наказали поджигателей шомполами, но есаул Собченко, активный участник штурма обкома, опроверг эти измышления. У казаков, сказал он, не бывает шомполов — только нагайки.

Глаза его были красны — то ли от бессонницы, то ли от «красного вина победы» над контрреволюционными силами.

УНИЧТОЖИЛИ ВСЕ, ЧТО МОГЛИ

Сейчас в обкоме тихо. Даже наших шагов не слышно. Толстые, ворсистые дорожки, расстеленные по тускло блестящему паркету, гасят их. Молчат часы. Они стоят, показывая разное время. Молчит бесчисленное множество телефонов. Цветы увядают в горшках. Их некому поливать.

Обыск начинается с кабинета одного из секретарей обкома. Отпираем дверь. Взору открываются огромные апартаменты с комнатой отдыха, телевизором, холодильником. На журнальном столике недопитая чашка чая. Надкушенная конфета на блюдце. На полу россыпь тщательно измельченных бумаг.

Хозяин кабинета, похоже, уничтожил все, что хоть как-то компрометировало обком. Довольствуемся малым, тем, что в спешке или по причине малозначительности осталось неуничтоженным. Под руки попадает стенограмма какого-то совещания, на котором один из работников обкома предлагал отпечатать листовки, призывающие не подчиняться указам Президента России. Бумага прилагается к делу. Вдруг даст толчок, выведет на что-то более интересное? К тому же надо выяснить, что за совещание было в обкоме. Говорил ли Н. то, что приписывается ему?

Раскладываем на столе обрывки бумаг, пытаясь прочесть разорванный текст. Это тезисы чьего-то выступления, полностью прочитать его невозможно. На обрывках ругань в адрес Горбачева за «отход от социалистического пути», «оппортунизм». «Выстрел в Александра Невзорова,— читаю далее,— это ответ реакции на...» Здесь текст обрывается.

Зато стенограмма «совещания с руководителями областных ведомств и секретарями партийных комитетов областных ведомств» целехонькая. Следствию она не нужна, исключительно ради личного интереса — о чем они там говорили, когда дело шло к путчу,— пробегаю по бумаге.

Стон: «Демократы что хотят, то и делают». Один из ораторов всплакнул по прошлому: «Раньше обком все держал под контролем, заслушивал руководителей...» Лицо, представляющее КГБ, доложило о свете надежды: «У нас два человека вышли из КПСС, зато вступили три». Кто-то из начальства посоветовал: «В пропагандистской деятельности руководствуйтесь «Советской Россией»...».

Обращаю внимание на номер «Правды», лежащий на рабочем столе. Газета замахрилась по сгибам. Сразу видно, не один раз читана помещенная в ней большая директивная статья о Борисе Ельцине. Красным подчеркнуто то, на что партдеятели особо налегали в своих выступлениях. Ельцин, оказывается, настолько туп, что на пресс-конференциях «не понимает» самых элементарных вопросов и к тому же «слабо устойчив к стрессам».

Перебираю партийный тлен, и кошмар прошедших лет возникает передо мной: комсомольские, партийные съезды, вожди с кашей во рту, томительная бесконечность их бесстыдных речей... Неужели это кончилось навсегда? Неужели не сон: обыск в обкоме партии, казаки?

СЛОВА И ДЕЛА

Чем был переворот? Чем угодно — актом отчаяния, инерцией самонадеянности,— но только не минутным затмением. Просветление на партию и не сходило. Перестройка для нее была самоистязанием. Это было видно по вечно кислым лицам партвождей — будто их всех разом стала мучить зубная боль. Ну кто, скажите, добровольно согласится поделиться властью? Отрезать себе руки?

Заговор давно зрел в партийной среде. Говорили одно — делали другое. Суесловили о деполитизации армии, КГБ, МВД, о многопартийности, но палец о палец не ударили, чтобы отлить слова в металл дела. Сейчас громче всех кричат об угрозе подавления инакомыслия. Они, которые всегда ставили собственные политические убеждения превыше всего! Вот директива из документа, обнаруженного работниками прокуратуры в кабинете помощника первого секретаря Ростовского обкома: «В работе с кадрами советской власти и управления, народного хозяйства, общественных организаций необходимо сосредоточить особое внимание на более скрупулезном изучении предлагаемых кандидатур, **в первую очередь на их политических взглядах и убеждениях»**.

Секретная «Ориентировка по проведению политической работы в связи с событиями в Прибалтике» (оказывается, была такая) предписывает делать в оценке прибалтийских событий «основной упор» на «обусловленность определенной нерешительности действий Президента СССР М. С. Горбачева прежде всего его попытками найти политические методы решения проблемы». Конечно, Горбачев им мешал. Они ненавидели его. Конечно, они хотели дать ход «неполитическим методам». 19 августа для обкомов, горкомов, райкомов было праздничным днем.

«ОБЕСПЕЧЬТЕ УСТОЙЧИВУЮ РАБОТУ!»

После того как в Ростовский обком партии пришла шифрограмма из секретариата ЦК КПСС, выражающая поддержку ГКЧП, началась работа. Первому секретарю обкома Суслину из КГБ доставили текст постановления № 1 ГКЧП. Первым по ранжиру постановление получил член ЦК КПСС, генеральный директор п/о «Ростсельмаш» Ю. Песков. Он распорядился направить его в типографию объединения. Уже утром огромного размера листовками с постановлением самозваного комитета было оклеено все объединение. Начальники цехов начали утренние планерки с коллективного чтения агиток хунты. Этого показалось мало. Генеральный директор издал приказ, в котором «в целях недопущения беспорядков, защиты объектов жизнеобеспечения, содействия стабильности работы заводов объединения» предписывалось **«создать из числа ВОХР специальные группы, переведя необходимое количество стрелков на казарменное положение»**. Член ЦК КПСС поставил под знамена ГКЧП собственное войско.

А обком тем временем расширял поле своей деятельности. Директор од-

ного из секретных институтов рассказал, как вскоре после начала переворота ему позвонил первый секретарь обкома Суслин. Партийный руководитель резко попенял на то, что в институте поторопились выполнить Указ Ельцина о департизации, и потребовал незамедлительно восстановить партком, добавив, что это впоследствии «зачтется».

В райкомы летели телефонограммы: «Обращаем внимание РК КПСС на следующее. Некоторые представители партии «Демократическая Россия» пытались оказать давление на органы печати с целью публикации указов Президента РСФСР, в которых население призывается к актам гражданского неповиновения мерам, принимаемым ГКЧП. Все это, на наш взгляд, может дестабилизировать обстановку, привести к беспорядкам и введению в связи с этим чрезвычайного положения в области».

Провинции в планах переворотчиков отводилась важная роль. На это указывает шифрограмма секретаря ЦК КПСС, члена политбюро О. Шенина. В ней ставилась задача «содействовать обеспечению порядка, устойчивой работе трудовых коллективов».

Пока ГКЧП разбирался с центром, провинция должна была молчать, работать как ни в чем не бывало. Это было бы лучшей поддержкой хунте.

Партийные комитеты, используя любимое средство — демагогию и ложь, стали накидывать на провинцию смирительную рубашку.

Из заявления Ростовского горкома КПСС (в нем ни слова о ГКЧП, но ясно, куда оно клонит): «Важно не допустить развала производства, крепить порядок и дисциплину, общественную нравственность, усилить борьбу с преступностью и коррупцией. В этой сложной обстановке мы призываем коммунистов, трудящихся, всех жителей города сохранять спокойствие, не допускать никакой конфронтации, содействовать поддержанию порядка, осуществлять бесперебойную работу предприятий, организаций».

Москва ощетинилась баррикадами — ростовчан призывают «не допускать никакой конфронтации», чтобы затем взять их, безропотных, в конторах, на заводах, в институтах и погнать в трудовые лагеря имени героев ГКЧП.

Сознавая малость своих сил, ростовские сторонники движения «Демократическая Россия» тем не менее уже в 9 часов утра 19 августа организовали Штаб защиты конституционного строя. Так они его назвали. Они не ждали никаких разъяснений. Для них все было ясно. Уже к вечеру, используя «самиздатовские каналы», они размножили 15 тысяч листовок с Указом Президента России!

Но город не восстал. Не забастовали ни один завод, ни одна контора. Слова, сказанные руководителем Кузбасского стачкома на митинге у «Белого дома»,— «одним шахтерам ГКЧП не одолеть» — не долетели до Ростова, упав подранком на булыжники московских баррикад.

Провинция молчала. Партийные комитеты справились с задачей, поставленной ЦК КПСС.

«КОММУНИСТЫ НЕ СДАЮТСЯ!»

Сегодня они кричат о своей непричастности к случившемуся. Читаю заявление Ростовского обкома партии, принятое уже после провала переворота. Оказывается, обком не имел «достаточно четкой информации о происходящих событиях в стране, о позиции ЦК КПСС». Так и написано! Будто не было в программе «Время» кадров, взволновавших всю страну,— Борис Ельцин на танке, будто их родной город не был оклеен Указами Президента России. И шифровок, ясных и четких, из «горячо любимого, ленинского ЦК» не было! Обком... уже примазывается к победе над путчистами! «Сегодня,— цитирую заявление,— когда восторжествовала справедливость и законность, мы можем честно сказать: нам не в чем себя упрекнуть».

Переворот сорван, но до победы еще далеко. Отсутствие кольца защитников коммунистической перспективы вокруг опечатанного здания ЦК на Старой площади говорит только о том, что кольцо это как было, так и осталось на горле страны. Нина Андреева, полковник Петрушенко, таксист из Харькова Сухов, дружный коллектив «Советской России», ростовский и другие обкомы, горкомы КПСС, советские помещики, люмпенизированные академики — несть числа сочувствующим изменникам, фанатикам тоталитарного коммунизма, силам, которые истощили страну.

Это только для слепых трепыхал на ветру лозунг «Во всем виноваты демократы!». И без шестой статьи Конституции КПСС продолжала править бал. «22 тысячи руководителей партийных, советских и общественных организаций находятся под партийным контролем» — это откровение из найденного нами отчета орготдела Ростовского обкома КПСС. 22 тысячи руководителей находились под партийным колпаком! Только в одной Ростовской области! Еще одно откровение из того же отчета: к дню переворота 26 (это больше половины) первых секретарей райкомов и горкомов партии совмещали свою верную службу с должностями председателей районных и городских Советов! А вот как соотносятся силы в областном Совете: из 297 мест 197 за партийной номенклатурой!

Два дня заседала сессия областного Совета, чтобы избавить область от услуг партийно-номенклатурного президиума, который, признав ГКЧП, создал оперативную группу для выполнения его решений. Два дня партийные вельможи сражались за сохранение своих позиций. К середине работы сессии пришел Указ Президента РСФСР об отстранении от должности председателя президиума, председателя областного Совета бывшего второго секретаря Ростовского обкома Иванченко. Но и это не произвело впечатления. Лишь на исходе дня, к вечеру, президиум и его председатель были смещены, да и то не по причине недоверия: Совет принял у них почетную отставку.

...Нет, сами они не уйдут, думаю я, слушая, как идет допрос первого секретаря Ростовского обкома партии Суслина.

Следователь интересуется: какие бумаги секретарь уничтожал в своем кабинете и почему?

— Никаких документов я не уничтожал,— отвечает Суслин.— Занимался обычной уборкой, избавлялся от лишних бумаг, вот и все.

— Двор обкома партии был устлан пеплом,— говорит следователь.— Откуда он взялся? Какие бумаги сжигались и по чьей команде?

— Что жглось, я не знаю,— отвечает секретарь.— Я никому команд на уничтожение бумаг не отдавал.

Суслин еще не знает, что заместитель управделами обкома Геннадий Гончаров дал показания, из которых выходит, что Суслин был отлично осведомлен о том, что сжигалось и по чьей команде. Распоряжение об уничтожении документов поступило по телефону из ЦК. Все шифровки, хранившиеся в обкоме партии, были превращены в пепел. Три из них, поступившие в обком во время переворота, Суслин сжег лично в своем кабинете.

— Что вас понудило уничтожить шифровки? — интересуется следователь.

Суслин заламывает руки:

— Совесть. Я не имел морального права показывать шифровки коммунистам и призывать их следовать им.

Он оборачивается за поддержкой ко мне.

И все-таки я отвожу взгляд. Мы можем пожалеть наших большевиков, но уже никакая сила не заставит нас поверить им.

Ростов-на-Дону — Москва.

Вячеслав СЕРБИН

ТАМ ХОРОШО, ГДЕ ВАС НЕТ

Когда москвичи узнают, что я живу в США, они обычно вздыхают: «Счастливец... Повезло...» Как-то стало само собой подразумеваться, что США — страна с красивой и легкой жизнью, где нет и следа проблем, под грузом которых задыхается СССР.

Спорить не приходится, на Западе (я говорю о США) есть масса хороших вещей. Сейчас все уже знают и о супермаркетах, заваленных горами продуктов, и о магазинах, где можно купить все доступное воображению, и о многих других благах экономики «свободного рынка».

Но можно ли сравнивать жизнь в разных странах только по уровню материального благосостояния? Ведь в понятие «качество жизни» входит и многое другое — общественный транспорт, уровень безопасности, качество школ, телевидения...

Знаю: пытаться разбавить бочку дегтя ложкой меда — задача неблагодарная; и все же хочется добавить ложку доброго о Москве в те бочки критики, которые ежедневно выливаются на ее голову. Быть может, это поможет москвичам хоть немного уменьшить комплекс ущербности. Мне, как бывшему москвичу, становится иногда обидно за Москву, когда ей вообще отказывают в какихлибо положительных чертах.

Я прожил почти 40 лет в Москве, а два года из пятнадцати лет в США — в Нью-Йорке. Думаю, что это позволяет мне провести сравнение жизни в двух городах.

ГОРОД глазами ньюйоркца...

Проследим час за часом день среднего ньюйоркца и сравним его с днем среднего москвича.

В качестве среднего ньюйоркца выберем жителя района Астория. В Нью-Йорке есть районы и более фешенебельные, и несравненно худшие, чем Астория. Разница между лучшими и худшими (такими, как Гарлем, Верхний Бронкс, часть Бруклина) раз в десять резче, чем в Москве между, скажем, Ленинским проспектом и Текстильщиками. В качестве среднего москвича возьмем жителя района около станции метро «Сходненская», хорошо мне знакомого.

Итак, утро... Наши «средние» выходят из дома и направляются к станции метро. Первое, с чем они имеют дело,— погода.

В Нью-Йорке куда больше солнечных дней, чем в Москве, но и намного больше дней отвратительных. Зимой — пронизывающий влажный ветер с Атлантики, слякоть, дождь, снег; летом — часто изнуряющая жара, неделями по 35—36 градусов с высокой влажностью. К тому же атмосферное давление скачет как сумасшедшее. Очко в пользу Москвы с ее преимущественно хоть и серой, и со своим набором пакостей, но гораздо более устойчивой погодой.

Теперь наши «средние» спускаются в метро. Это, пожалуй, единственный аспект, где преимущество Москвы разительно и неоспоримо. Я слышу много сетований по поводу того, что московское метро становится хуже и грязней; но и такое, какое оно есть,— сказка по сравнению с нью-йоркским.

Нью-йоркское метро очень неглубокое; вы спускаетесь на десятка три ступеней и попадаете на мрачную, плохо освещенную, замусоренную, заплеванную платформу. Над головой — железные балки, некрашеный цемент, кабели, под ногами — бетон. Зимой на станции сквозняки и холодней, чем наверху, летом жарче, иногда просто нечем дышать. Поезда в часы «пик» идут часто, в другое время их можно прождать 8—10 минут.

Еще один бич нью-йоркского метро — застарелый запах мочи на переходах. Дело в том, что нью-йоркское метро работает круглосуточно и так же круглосуточно в нем живут бездомные. Нередко это психически больные люди или наркоманы. Нормальные люди в случае нужды обеспечиваются мощной системой государственной благотворительности — «вэлфэр». По законам о правах личности бездомным нельзя запретить жить где им заблагорассудится. Общественных туалетов в метро нет, а полицейского к каждому бездомному не приставишь...

Возможно, это даст повод для размышлений некоторым советским законодателям. Здесь случай, когда права личности, доведенные до абсурда, вступают в явное противоречие с правом общества жить в чистоте. Не так-то просто найти разумный компромисс...

Сами поезда нью-йоркского метро вполне приличны, хотя и грязноватые, и исписаны «граффити» — надписями фломастером, но зато они, как правило, оборудованы кондиционерами, и дышится там легко, особенно после удушливой атмосферы станций.

Но вот наш ньюйоркец выходит на станции назначения — предполагаю, что где-то в деловом центре. В нос ему ударяет перегар бензиновых паров от машин, запрудивших улицы; их здесь раз в десять больше, чем в Москве. Но, как ни странно, дышится все же легче, чем москвичу, вышедшему из метро в центре или в районе Садового кольца. Почти все американские машины снабжены каталитическими конвертерами, удаляющими наиболее вредные вещества из выхлопных газов. Очко в пользу Нью-Йорка.

Наконец, наш ньюйоркец пришел на

работу, в контору большой фирмы. Все помещения — с кондиционерами, удобно спланированы, на столе перед большинством служащих — персональные компьютеры. Если по ходу работы понадобилось заказать какие-либо материалы, оборудование, заключить сделку — все решается за несколько минут по телефону. По эффективности работы — очко в пользу Нью-Йорка.

В течение рабочего дня ньюйоркец едва ли перекинется со своими сослуживцами больше чем парой слов. «Социальных клубов», на которые иногда похожи места работы в Москве, в ньюйоркских фирмах не сыщешь (за исключением государственных учреждений).

Рабочий день кончен. Предположим, что наш ньюйоркец решил после работы купить продукты, хотя, как правило, он для этого отводит вечер или конец недели.

Про американские супермаркеты читатель, наверное, знает достаточно. В любое время года в них найдешь любые продукты — мясо, овощи, фрукты, включая самые экзотические.

В это время москвич рыщет по пустым магазинам в надежде достать хоть что-то. Полновесное очко в пользу Нью-Йорка.

Но вот наши «средние» возвращаются домой, ньюйоркец — в Асторию, москвич — в одну из «спален» Москвы.

Сейчас в Москве постоянно можно слышать жалобы по поводу замусоренности и неухоженности «спальных» районов, разбитых стекол в подъездах, хулиганства. Но мало кто представляет себе, что сами по себе эти «спальни» — уникальное явление, которое не увидишь не только в Нью-Йорке, но и в других столицах мира.

В сходненской «спальне» москвич идет домой от метро по широчайшему бульвару Райниса с десятком рядов деревьев. Высокие дома разбросаны в зеленых массивах вольно, оставляя место для больших дворов, где играет детвора. У меня, когда я попадаю в одну из этих «спален», будь то район Сходненской, Профсоюзной, Речного вокзала, Преображенской или Юго-Западной станции метро, всегда возникает ощущение успокоенности.

Ньюйоркец идет от метро по улице с маленькими лавочками по сторонам (большинство жилых районов выглядит очень провинциально). На тротуарах — обрывки газет, окурки, банки из-под пепси. Дома стоят впритык; дворы — узкие каменные колодцы с мусорными баками. Само понятие «ребята с нашего двора» в США отсутствует. Играющих на воздухе детей не увидишь (в бедных районах немало молодежных банд, проводящих на улице все время).

Правда, в Нью-Йорке существуют и другие «спальни» — богатые пригороды, где люди живут в собственных домах, стоящих на зеленых участках. Но, чтобы жить там, надо иметь доход гораздо выше, чем у нашего «среднего» ньюйоркца. Так что по качеству «спален» — очко в пользу Москвы.

Ньюйоркец пришел домой. Если вы ожидаете, что его квартира — некий комфортабельный «люкс», то вы ошибаетесь. Как правило, она старая, довольно запущенная, с изношенными системами, хотя по площади на душу населения раза в два больше, чем у москвича.

Около 75 процентов наемных квартир в США — очень давней постройки. Еще во времена второй мировой войны был принят закон о контроле над квартирной платой, который ограничивал ее рост. Но стоимость содержания домов и налоги на недвижимость росли гораздо быстрее, и дома стали приносить все меньше дохода. Война кончилась, но закон не отменили.

Любопытно, что в районе Верхнего Бронкса еще недавно стояли целые кварталы солидных 15—16-этажных заброшенных домов, выглядевших, как после бомбежки. Они перестали приносить доход, и владельцы просто бросили их. Эти дома с отключенными коммуникациями превратились в прибежище бродяг, наркоманов, уличных банд. Любой из них можно было купить у города за один доллар при условии выплаты накопившихся налогов, что могло составить несколько миллионов.

В конце концов люди, имеющие капитал, перестали вкладывать его в строительство квартир для сдачи внаем. Хотя закон о контроле над квартирной платой охватывал не более одной пятой жилплощади США, риск, что построенный дом с течением времени подпадет под него, отпугивал бизнесменов.

В результате в США стала развиваться нехватка сдаваемой внаем жилплощади, квартирная плата начала быстро расти, намного обгоняя темпы инфляции, а качество содержания квартир резко ухудшилось.

Эта история может служить предостережением при проведении социальных реформ. Непродуманные действия по «социальной защите» могут привести к результату прямо противоположному желаемому.

Пообедав (обедают в США после работы, в 6—7 часов вечера), наш ньюйоркец садится за телевизор. Это основное занятие американцев в часы досуга — и взрослых, и детей.

Телевизионные новости начинаются с убийств, изнасилований, пожаров и дорожных катастроф. Далее следуют всякие национальные беды — очередной экономический спад, инфляция, безработица. Хорошие новости телевидением почему-то игнорируются.

Дальнейшие передачи — либо «шоу» с одними и теми же действующими лицами, либо гангстерские и полицейские фильмы, фильмы ужасов, и все это каждые несколько минут прерывается бесконечным потоком рекламы — «покупайте, покупайте, покупайте...».

Опять-таки я слышу от москвичей немало нареканий в адрес телевидения. Сам я обычно смотрю передачу «Добрый вечер, Москва!». И должен сказать, что по уровню культуры эта передача несравненно выше того, что видит американец. А главное — она гораздо добрее, в ней нет той атмосферы насилия и жестокостей, которой пропитаны американские передачи. Телевидение — очко в пользу Москвы.

Теперь обратимся к финансовым делам нашего ньюйоркца. По статистическим данным, доход средней американской семьи из четырех человек составлял в 1990 году около 30 тысяч долларов. В больших городах эта цифра выше, и мы примем 36 тысяч. После всех вычетов и налогов «на руки» остается около двух тысяч в месяц.

Квартира обходится примерно в 800 долларов в месяц. Выплаты за телевизор, мебель, электронику (все покупается в кредит) — около 300 долларов (если нет автомобиля). Счета (газ, электричество, телефон) — 150. Питание на четверых — 350. Школьные расходы (включая школьный автобус — детей в США возят в школы на автобусах) — 100 долларов. Одежда, обувь и прочие хозяйственные расходы — 150 долларов. Транспорт — 70 (проезд в метро стоит доллар двадцать). В сумме набегает 1920 долларов. А еще развлечения, отпуск... Так что, скажем, пойти в театр (билет — 40—60 долларов) ньюйоркец может нечасто.

Вдобавок к этому большинство ньюйоркцев владеют машиной, хотя для меня остается загадкой, как они выкраивают на нее деньги из бюджета и, самое главное, для чего она им. В центр на ней не поедешь — найти парковку невозможно. В уик-энд за город — можно, конечно, но поставить там машину разрешается только в общественных парках, в соседстве с сотнями других. Но хуже всего — возвращение: вечером в воскресенье можно простоять несколько часов в многокилометровых пробках, образующихся на шоссе, ведущих к Нью-Йорку.

Остается поговорить еще о двух составляющих «качество жизни» — о школах и уровне преступности.

Общественные школы средних и бедных районов Нью-Йорка — очень плохие. В них нет ни обязательных программ обучения, ни дисциплины, ни экзаменов. В результате ученик может окончить школу, едва научившись читать. Зато почти все проходят через курение марихуаны, и многие переключаются на более «серьезные» наркотики.

Есть частные школы, гораздо более высокого уровня, но стоимость обучения там около 10 тысяч в год, и нашему «среднему» ньюйоркцу они не по карману. Здесь, несмотря на все упреки в адрес московских школ, очко в пользу Москвы.

Проблема преступности в Нью-Йорке очень серьезна, и все же, мне кажется, самое худшее — это тот психологический эффект, который создают пресса и телевидение, смакуя подробности преступлений; в результате ньюйоркцы живут в постоянном страхе, который не вполне обоснован. В Нью-Йорке есть действительно опасные районы, куда по вечерам лучше не соваться; но в остальном уровень преступности, я думаю, не выше, чем, скажем, в районе Чертаново в Москве. Я жил не в очень благополучном районе и ездил по «плохой» линии метро, но ни разу не был свидетелем преступлений или насилий.

Еще два слова о чистоте города. В Москве все жалуются на грязь. Но все познается в сравнении. Нью-Йорк в целом — гораздо более грязный город, чем Москва.

Возвращаясь к «качеству жизни», я считаю, что нынешняя проблема дефицита всего самого необходимого в Москве все же перевешивает чашу весов в пользу Нью-Йорка. Но если бы удалось решить эту проблему, а также проблему экологии (и в первую очередь очистки воздуха от вредоносных компонентов выхлопных газов), Москва могла бы превратиться в одну из лучших столиц мира.

США

Анатолий РУБИНОВ

...и москвича

Пять знакомых шведских журналистов, проведя в Москве неделю, пришли от нашей жизни в восторг. Оказывается, здесь есть все! Оказывается, Москва — самый дешевый, самый благополучный город мира! Они напишут в своих газетах, что собственными глазами видели в магазине десятки сортов лучшего сыра и нежнейшей колбасы, что сами покупали за свои кровные по скромнейшим ценам банки австрийского пива, американские сигареты и многое из того, что в Стокгольме, известном своей дороговизной, доступно не всякому.

Мои шведские коллеги добавят ко всему этому, что видели изобилие и в частных домах, где они ужинали. Им совестно, что, поверив своим газетам и телевидению, без конца рассказывающим о пустых полках в магазинах, они захватили с собой сахарок, сырок, колбаску...

Я не стал их разубеждать — из патриотических соображений. И еще потому, что это безнадежно. Им, людям другого мира, и не объяснишь, например, что такое талон на сахар, за которым надо идти в РЭУ, а потом в магазин, где сегодня его отоваривают. Что такое РЭУ — растолковал бы, а вот как перевести слово «отоварить» — в словарях его нет.

Я, правда, заикнулся было о «дефиците», а мой друг Кристиан В. не знал, что это, подумал, что я говорю о государственном бюджете. Он очень любит политику и начал оживленно спрашивать, как сходятся у нашего правительства дебет с кредитом. Стало ясно, что мне никогда не удастся объяснить даже то, почему за один доллар, обмененный им в гостинице «Россия» на 27 рублей, можно купить килограмм лучшего мяса на рынке и почему в «России» в очереди стоят только иностранцы — неужели советские люди не понимают всей выгоды такого обмена долларов на рубли? И как объяснить иностранцу, почему едва ли не в любой нашей квартире при всей нашей нищете все же исхитряются угостить гостя салатом из крабов и где-то отыщут, займут, выпросят баночку икры, широким жестом выставят ее на стол, но с видом пресытившегося богача, которому опостылела роскошь, сами, однако, есть ее не станут.

Бог с ними, с иностранцами, в самом деле, «умом Россию не понять», но почему так быстро забыли науку нашей жизни те, кто родился здесь, кто сорок лет, как, например, американец В. Сербин, жил с нами?

Боюсь, что, оторвавшись от наших будней, В. Сербин не поймет, что «сравнивать жизнь в разных странах только по уровню материального благосостояния» все-таки можно. И нужно. Сытый голодного не разумеет — при неотоваренном талоне на сахар не захочешь смотреть даже прекрасную, выше американского уровня передачу «Добрый вечер, Москва!». А пойдешь на прогулку по нашим магазинам, заходя в каждый из них, кроме «Березки», где шведские журналисты наслаждались дешевизной бакалеи и гастрономии, будешь спрашивать сердитых, кидающихся на покупателей продавщиц: «Песок за июль даете?»

Прекрасное свойство у памяти — она не держит зла! Вот уже житель Нью-Йорка заступается за нашу Москву, ему обидно, когда ей отказывают в ее достоинствах. Ему ли это делать? И нам ли, любящим ее и такой, преподавать уроки? Сначала нас пугали ужасами империализма — теперь хотят доказать, что ужасы нашей жизни все-таки не так значительны, что в наших бедах есть даже преимущества. Американский автор ведет счет на «очки», забивая поочередно голы в ворота обоих городов.

Оказывается, погода в Москве лучше, чем в Нью-Йорке. Счет 1:0. Автор забыл, что у нас еще и балет лучше, но помнит, что московское метро лучше нью-йоркского. Москвичи не вынесли бы неглубокое метро с заплеванной платформой — не вынесли бы, потому что, как сообщает статистика, у нас самая большая «подвижность городского населения». Вы знаете, почему? Конечно, не оттого, что поездки в метро — это наше хобби. У москвичей заметно меньше автомобилей, чем у ньюйоркцев. Не увидел В. Сербин и то, что почти у всех наслаждающихся по вечерам подземными поездками в руках тяжелые хозяйственные сумки и подозрительно увесистые «дипломаты». К чему бы это?

Заметил ли бывший москвич, что в столичном метро словно бы прибави-

Окончание см. стр. 25

«А Я МАЛЕНЬКИЙ ТАКОЙ...»

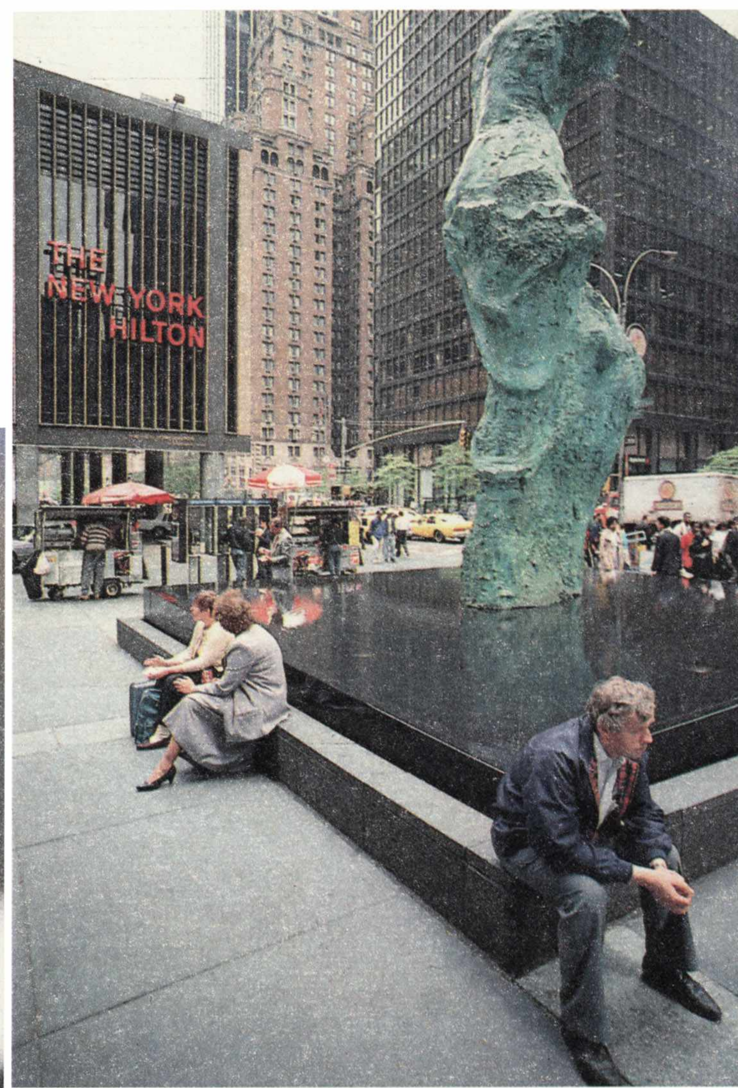
ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ НЬЮ-ЙОРКУ

Нью-Йорк? Это еще не Америка. Нью-Йорк — это вообще не Америка!

Так еще или вообще? Ну, это смотря с какой стороны ты попадаешь в Нью-Йорк. Если снаружи, извне, из другой страны, с иного континента — тогда «еще». Так тебя вежливо предупредят американцы, чтобы ты паче чаяния не принял этот сумасшедший город за ту страну, которую аборигены (пусть и не в исконном значении этого слова) чтят, и холят, и лелеют, и безумно любят, и гордятся ею. Ну кому бы, спрашивается, приходило б в голову, без высочайшего повеления, без никакого нажима, с поводом и без

вывешивать государственный флаг над своим крыльцом, увенчивать им письменный стол или водружать полосато-звездное знамя на флагшток? Приходит, и даже многим. Но это там, в Америке, в глубинке, как сказал бы русский мужик, чтоб доходчивее было. Нью-Йорк тоже может позволить себе такую роскошь, как символ страны. Но может обойтись и без этого. Этот город с бетонными челюстями небоскребов отнюдь не сентиментален. Не до того. Миллионы и миллионы жизней, миллионы судеб ежедневно сливаются здесь в единый конгломерат. Конгломерата все равно не получается. Да и как может выплавиться нечто единое, если здесь, хоть

и на обширном, но все-таки ограниченном пространстве, как на огромном перекрестке мира, этот мир и толчется. Нью-Йорк — город эмигрантов? Верно. Эмигрантам проще осесть здесь и легче акклиматизироваться. Почему? Да все потому, что в большом городе никому и ни до кого нет дела. Это в маленьком либо уж ты свой, либо уж явно чужой. Здесь, в Нью-Йорке, своих ищут по признакам землячества (бывшего). Нашел — ты в своей тарелке (пусть и маленькой), не нашел — дело хуже. Впрочем, тоже не пропадать. Такой тьмы бродяг и рож, отмеченных всеми пороками, присущими человечеству,

я не встречал даже в Москве. А вот что точно не как в Москве — это воздух. Возможно, в жару и в Нью-Йорке нечем дышать. Но если градусник не скаканул сумасшедше кверху, почти всегда ощущается легкий морской бриз (в полукилометре от Уолл-стрита чистейшая водная гладь), и никогда ни запашка бензина.

Когда мы с приятелем, отягощенные один фото-, а другой видеокамерой, вышагивали очередной десяток километров по Даунтауну, по Манхэттену, я намурлыкивал песенку, шибко известную в записях у нас (но почему-то не знакомую моему ныне американскому приятелю): «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой...» Я ему долго втолковывал, что это Вилли Токарев, самый известный у нас певец из Нью-Йорка. «Ах, Вилли! Он, кажется, поет в таком маленьком ресторанчике...» Видимо, ресторан был на самом деле не столь громок, что я сразу же забыл его название.

Ну, Вилли, ладно. А что небоскребы? Что сам-то Нью-Йорк? Да как вам сказать! Это, конечно, не Америка. Но и без него Америки нет.

Походил по Нью-Йорку и поснимал его Лев ШЕРСТЕННИКОВ.

Фото Владимира КУЧЕРОВА

Быть музыке

Владимир
АЛЕЙНИКОВ

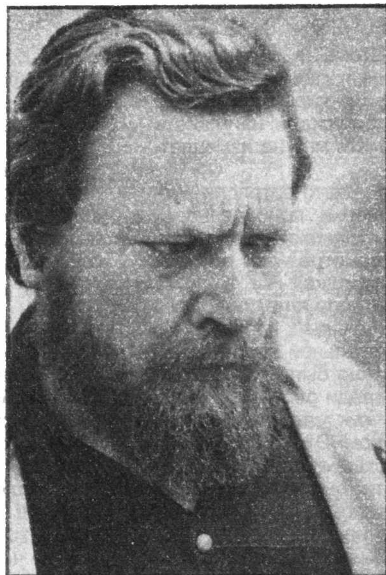
Владимир Алейников — известнейший московский самиздатовский автор, один из организаторов шумевшего в середине 60-х годов неподцензурного литературного содружества СМОГ (Смелость, Мысль, Образ, Глубина), яркий поэт, написавший многие сотни стихотворений, но десятилетиями не имевший возможности напечатать ни строчки, поэт, никогда не шедший ни на какие конъюнктурные идеологические приманки. Годами Алейников был бездомен, жил, не имея ни денег, ни угла, ни своего письменного стола. Десятилетиями его стихи были известны лишь узкому кругу любителей и энтузиастов поэзии Москвы, Ленинграда, Украины.

Это тяжело, почти что невероятно: не иметь шанса печататься, то есть объективизировать свою творческую продукцию, для того чтобы поступательно развиваться, и при этом все же сохранить дар, развить его; трансформировать — в зрелости — свое лирическое начало.

Владимир Алейников — из тех поэтов, перед которыми, кажется, никогда не стоял умозрительный вопрос формы, стиля: традиция, скажем, или авангардизм, эксперимент или работа в каноне. Форма у Алейникова — органическое производное вдохновения. Отсюда уникальная внешняя непринужденность, ненасильственность лирического потока.

Слава Богу, в тяжелейшие десятилетия безвременья Владимир Алейников выжил...

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

НЕ ПОДНИМАЯ ГЛАЗ

Дайте дорогу были —
Что мы ей возразим? —
Там виноград укрыли
От ненавистных зим.

Близких душе догадок
Там непочатый край,
Сумрак до ласки падок,
Точно вороний грай.

Там воробьиный щебет
Запеленал птенцов,
Словно из глины лепят
Пленников и льстецов.

Там из песка строенья
И островки стыда,
Чтоб, испытав струенье,
Плавно текла вода.

Незаменим напевный,
Светлый ее почин,
Чтобы итог плачевный
Был узелком причин.

Звездной касаясь пыли,
Не поднимая глаз,
Дайте дорогу были —
Что ей теперь до вас?

К ОСЕНИ

I

Среди голых равнин на виду
посреди королевского сада
я широкой тропой поведу
чернокрылых зверей Цареграда

ты не жди — я жилец у жары
будут осени толки на завтра
где на желтых шарах кожуры
задержались обрывки азарта

я не только живу небогат
но в краю леденящей печали
канцелярским узлом виноград
собирались измучить вначале

и как пятна горят на щеке
промелькнуло оленей виденье
и маячит внутри привиденье
словно пальцы белы на курке.

II

Буду жить пока в наряде
свищет осени лафа
в переулке дождь зарядит
вербу выронит строфа

карандаш рябины баловень
по складам в такую рань
черным грифелем разбавлен
ближней рощи ураган

сумерки мигрени знак
отдышавшись просят слова
с Божьей помощью готовы
по пятам и ни на шаг

на бревенчатом балу
гусляры пьяны настолько
чтобы потчевать настойкой
засыпая на полу.

III

Матрос отворил наудачу
двустворчатой дверцы крыло
и волны устали судачить
что осенью весла свело

пожар мостовых не украсишь
румяный фонарик верней
свежа и пронизана настежь
высокая чаша дождей

зеленою пленкой прикрыта
травы желтизна и минут
распевы раскаты разбиты
и кровли измором берут.

ПРОВОЖАЮ ОПЯТЬ

Словно перья крыла, облака надо мной расплескались,
Там, на западе, влага туманным поводит плечом.
Зажигают огни. Наконец-то и ты отыскалась,
Безымянная грусть. Остальное уже ни при чем.

На земле в этот час восклицают играючи дети.
Горизонт розоват — и лиловое врозь с голубым
Никогда, никогда не бывает у нас на примете,
Пусть ты вновь одинок иль, напротив, отныне любим.

Ничего, ничего не отыщется. Вечер нахлынет.
Утешаешься ты даже слабым пожатьем руки.
Этот свет из очей — ни за что он тебя не покинет.
Отчужденью назло и рассудку всегда вопреки.

Провожаю опять. Расстаюсь поневоле с цветами.
Остаюсь, как и встарь, с теплотой незажженной свечи.
Занавески дрожат. И проходят созвездья над нами,
И уходят от нас, и уйдут. Но пока что — молчи.

БЫТЬ МУЗЫКЕ

I

Из детских глаз, из вешнего тепла
Восходит это чувство над снегами,
И если жизнь к окошку подошла,
Быть музыке и шириться кругами,

Быть музыке великой и звучать,
Так бережно и пристально тревожа,
И если ты не знаешь, как начать,
То рядом та, что к людям всюду вхожа.

II

Быть музыке! Попробуй повторить
Лишь то, что в почках прячется упорно,
И если мы умеем говорить,
То этим ей обязаны, бесспорно;
Попробуй расскажи ей о листве —
Нахлынет и в наитье не оставит
Моленьем уст, не сомкнутых в молве,
Покуда мир иную почву славит.

III

Седеют волосы — и сердце сгоряча
Забьется трепетно и жарко
В неизъяснимости поющего луча
Подобьем Божьего подарка,
И мы, живущие, как птицы, на земле,
Щебечем солнцу гимны без надзора,
Покуда изморозь, оттаяв на челе,
Не станет вдруг порукой кругозора.

IV

Быть кровной связи с вещим и живым,
Быть нежности, что время не нарушит,
Склонясь наставником к постам сторожевым,
Где добрый взгляд который год послужит,
Где имя верности сумеем прошептать —
Разлуки минули, и полнятся кладбища,—
А срок отпущенный успеем наверстать,
Как тени, навещая пепелища.

V

Но Муза кроткая не так уж и проста,
Души заступница, и, боль превозмогая,
Идем за ней к подножию креста —
Благослови, подруга дорогая.
Не забывай меня! Я нынче не клянусь,
Но свято верую в старинные обряды,
И если я когда-нибудь вернусь,
Пусть очи вспомнятся, и руки будут рады.

VI

Пусть в этой музыке, где полная луна
Сияет медленно под сенью небосвода,
Беда-разлучница поет, отдалена,
Не требуя для песни перевода,
Пусть вызов счастия в неистовых звездах
Звучит без удержу — дарованное право,
Подобно яблоне в заброшенных садах,
Само не ведает, насколько величаво.

VII

Пусть вызревающая семенем в ночи
Исходит суть от замысла и риска,
Покуда нам не подобрать ключи
К чертогу памяти, затерянному близко.
Прости, отшельница! Пусть странными слывем,
Но дух все выше наш, хоть плоть нагую раним.
Почти отверженные — мы переживем,
Почти забытые — мы с веком вровень встанем.

СЧАСТЛИВЫЙ ОХОТНИК

Фазиль ИСКАНДЕР

...Здесь у моря, прогуливаясь по зеленым холмам Гудаутского района, я мысленно то возносился к небесам, то снова возвращался к вчерашнему неприятному впечатлению. Но день был чудесный. По глубокому осеннему небу плыли медленно тяжелые коршуны. Одни долго кружили над холмами, другие летели прямо в сторону моря. Снизу от подножия холмов раздавались глухие шлепки выстрелов. Там охотились на перепелов.

Глядя на осенних коршунов, проплывавших по небу, я придумал такой образ. Предположим, духовная жизнь заключается в том, чтобы человек как можно чаще глядел на небо. А материальная жизнь заключается в том, чтобы изучать полет птиц и вылавливать их. В таком случае выполнение именно духовной задачи и создавало бы лучшие условия для выполнения материальной задачи.

В столь ясной выгоде веры, к сожалению, можно убедить разве что охотника. На самом деле так оно и есть. Вера выгодна, но ее выгода приходит только к тому, кто поверил, не думая о выгоде.

Все птицы выгоды летают под небом, но впервые поднять глаза человек должен для того, чтобы взглянуть на небо, а не потому что в нем летают птицы. Только так устанавливается правильное соотношение между масштабом неба и разумной выгодой.

Как раз в это мгновенье на тропинке появился человек. Судя по всему, он только что занимался изучением полета птиц, и притом вполне успешно. За плечом у него торчало охотничье ружье, а за поясом, покачиваясь с обеих сторон и волочась крыльями по земле, висели два неимоверных коршуна.

В некоторых селах Абхазии едят коршунов и даже засаливают их на зиму. Так что, если принять мое рассуждение о материальной задаче человека, можно сказать, что он только что ее решил. При этом отчасти прихватив и духовную задачу, ибо нельзя убить летящего коршуна, не глядя на небо. Впрочем, о своих духовных склонностях позже он сам мне рассказал.

Мы поравнялись. Мой встречный был человеком среднего роста, очень плотного сложения, с добродушным, широким деревенским лицом. Одет он был в серую ковбойку, перепоясанную широким охотничьим ремнем, в брюки галифе и сапоги. Звали его, как позже выяснилось, Руслан.

Я поздоровался с ним по-абхазски, и он охотно со мной разговорился. Мы беседовали с ним, переходя с абхазского на русский и наоборот. Но прежде чем мы разговорились, он вдруг застыл, всем своим обликом показывая, что ждет, когда я приступлю к обряду поклонения его пернатой добыче.

И тогда я молча, с видом знатока, который и сам, случалось, удачно целился в парящих орлов, ощупал одного из необъятных коричневых коршунов. Крылья были еще теплые.

Да, бывало, и мы, как бы говорил я, щупая коршуна. Бывало. Но не таких больших. Нет, что правда, то правда — такие большие не попадались. Я даже расправил ему крылья, но размах крыльев превосходил ширину моих распластанных рук. Нет, нет, такие огромные не попадались. Даже тот амазонский кондор был, пожалуй, поменьше. Амазонский или кордильерский? Не важно. Всех не упомнишь. Главное — был поменьше. Честность прежде всего.

Пока я с молчаливым и опытным восхищением манипулировал его добычей, он с доброжелательной терпеливостью ждал и даже для удобства моего ощупывания оттопырил руку, под которой висел коршун. Так женщины с доброжелательной терпеливостью дают другим женщинам ощупать свой новый наряд.

Не зная, что с ним делать еще, деловито шурша его огромными крыльями, я приложил одно из них к своей рубашке, как давний любитель орлиных тканей, с небезосновательными капризами выбирающий подходящую, мол, были времена, нашивали и мы пернатые одежды.

Видя его изумление, я не поленился наклониться и, набрав побольше воздуху, зачем-то подул коршуну в грудь, раздувая ему пух и перья и стараясь добраться до его жилистой телесности.

Черт его знает, зачем я это сделал! Кажется, где-то, когда-то, может быть в Чегеме, я видел нечто подобное. Да, конечно, но такое проделывали с живыми курами, чтобы проверить их жирность. И если она была недостаточной, кур отпускали нагуливать жир. Впрочем, и дули, если память мне не изменяет, в гузку.

Эта моя последняя операция просто потрясла Руслана. Такой изощренной проверки полноценности своей добычи он не ожидал. Он тревожно застыл. Но когда я выпрямился и прямо посмотрел ему в глаза, он понял, что и здесь все в порядке.

Я решил, что обряд закончен, если я не собираюсь спланировать с этого холма на крыльях коршуна. Но не тут-то было. Руслан с трогательной готовностью оттопырил другую руку, что можно было понять так: не обижай второго коршуна, доведи обряд до конца.

Мне ничего не оставалось, как залезть под его руку и заняться вторым коршуном. Этот коршун был поменьше первого, но я и ему расправил крылья, как бы в суетливой надежде хотя бы здесь наконец сравняться с Русланом своими охотничьими подвигами. Но и тут сравняться было невозможно.

И у этого коршуна, хотя он был поменьше первого (отсюда и лучик надежды), размах крыльев превосходил ширину моих распластанных рук. Бедняга Руслан продолжал стоять со старательно оттопыренным локтем, вероятно, уже уловив причину моих якобы тайных волнений и даже явно болея за меня, ждал, чем окончится мой сумрачный осмотр. Я сложил коршуну крылья и слегка покачал головой: нет, такого у нас не бывало.

— А дуть не будешь? — спросил Руслан.

— Из одной стаи? — осведомился я, как широко мыслящий специалист.

— Да,— ответил Руслан.

Я махнул рукой в том смысле, что если уж они из одной стаи, можно не проверять. Руслан оценил и мою суровую честность, и отсутствие крохоборства в оценке телесности второго коршуна, раз уж они из одной стаи. В порыве великодушия он предложил мне на закуску одного из коршунов и даже сделал руками движение с тем, чтобы снять его с пояса.

Однако должен при этом заметить, что руки его двинулись в сторону коршуна, который был поменьше первого, но, разумеется, намного превосходил тех коршунов (так уж получалось), которых я когда-то добывал прямо с неба. Я оценил его порыв, но решительно остановил его попытку.

— Ты разбираешься в коршунах,— удивился Руслан,— но, может, ты из тех отсталых абхазцев, которые их не едят?

— Нет,— сказал я,— что ты! Я не из тех отсталых абхазцев, которые не едят коршунов. У нас в Чегеме мясо коршунов было любимым блюдом. Бывало, дедушка крикнет кому-нибудь из сыновей:

— Пойди-ка постреляй коршунов. Что-то соскучился по коршунятине.

Все это было чистейшим враньем. Я как раз относился к тем чегемцам, которые никогда не ели мяса коршунов и всегда находили случай высмеивать коршуноедов. Читатель может подумать, что я продолжаю нечто подобное, но это не так.

— Сразу видно, умный человек был твой дед,— сказал Руслан.— Но есть еще такие отсталые абхазцы, которые презирают мясо коршунов. Но если твоя хозяйка тыквоголовая дура и не может приготовить сациви из коршуна, а это тебе не курица, при чем тут бедный коршун? А если на зиму засолить — не надо никакой другой закуски — шоколад.

Я решил отойти от коршунов, чувствуя в этой теме некоторую опасность для себя. Я спросил у него, где он работает.

— Я в милиции работаю,— сказал он и жестом наместника показал в сторону приморской долины.— в трех санаториях дежурю...

И хотя санаториев отсюда не было видно, я знал, что они есть. Опять идея видимого и существующего.

— Но дело не в этом,— продолжал он,— я как работник милиции должен бороться за справедливость. И я борюсь. Но я ненавижу отсталых людей, даже если они абхазцы! Когда я вижу отсталого человека, мне до того противно, что я отворачиваю голову. Вот так прохожу!.. Не обязательно в коршунах дело. Вообще ненавижу отсталых людей. Но тех, которые презирают коршунов, в особенности. Некоторые ученые люди говорят, что скоро совсем плохо будет. Есть будет нечего. А тут тысячи, тысячи коршунов осенью пролетают в сторону Турции. Почти даром пролетают. Слушай, а турки коршунов едят?

— Не знаю,— сказал я.

— А где ты живешь?

— В Москве.

— Я два раза был в Москве,— важно сказал он,— первый раз десять лет тому назад. Второй раз в прошлом году. И что интересно. Десять лет тому назад было полно голубей в Москве. А в прошлом году я их не видел. Что, съели?

— Не думаю,— сказал я,— пока до голубей не дошли.

— А чем ты занимаешься? — спросил он.

— Я книгу пишу,— сказал я.

— О чем ты пишешь,— оживился он,— о нашей абхазской истории или о чем попало?

— В основном о нашей абхазской истории,— сказал я и, снижая пафос, добавил,— но иногда о чем попало.

— Молодец, что ты пишешь о нашей абхазской истории! — воскликнул он.— Целую тебя за это, учти, в любое место! Но иногда, когда лишнее время, пиши о чем попало тоже. И такое, наверное, кому-то надо. Но молодец, что ты пишешь о нашей абхазской истории!

Видимо, ему так понравилось, что я в основном занимаюсь абхазской историей, что он снова решил подарить мне коршуна.

— Слушай,— сказал он грозно,— клянусь моими обоими детьми, обижусь, если не возьмешь вот этого!

Он рванулся обеими руками к своему поясу, но на этот раз в сторону огромнейшего коршуна. Такого гонорара у меня не бывало.

— Нет! — схватил я его за руки.— Спасибо, дорогой. У нас тут нет возможности заниматься коршуном. Мы в гостях.

— Слушай,— он твердо посмотрел мне в глаза,— может, ты стесняешься сказать, что никогда не ел коршунов? Я не такой. Я не обижусь. Это не значит, что ты отсталый человек, это значит, что ты жил в Москве. Даже если, когда ты жил в Абхазии, не ел коршунов, я не обижусь. Ты пишешь абхазскую историю, а это для меня все! Но тогда напиши честно: я жил в отсталом селе Чегем, где не ели коршунов. А если найдется такой человек, который откроет тебе глаза на вкус коршунов, ты и о нем честно напиши!

— Нет,— сказал я,— спасибо! Я с детства ел коршунов. Я даже жарил их на вертеле!

— Как на вертеле? — воскликнул он изумленно.

Если я что и жарил на вертеле, так это кукурузные початки и цыплят. В доме дедушки жарить на вертеле коршуна было бы все равно, что жарить ворону. Но отступать уже было некуда.

— Очень просто — на вертеле,— повторил я, окунаясь в пучину лжи,— как индюшку.

— Индюшка — это одно,— сказал он почти язвительно,— а коршун совсем другое. У него мясо жесткое. Его надо хорошенько проварить.

— А вино для чего,— вскинулся я, перебрасываясь на французскую кухню, о которой, как я думал, у него сведения еще более смутные, чем у меня,— мы, чегемцы, сначала коршуна вымачиваем в вине.

Отрывок из романа «Человек и его окрестности», который полностью будет опубликован в журнале «Знамя».

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Сутки! А потом жарим на вертеле. У нас так принято было.

— Постой! Постой! — крикнул он и ударил меня по плечу, как бы умоляя притормозить.— Какое именно вино? «Качич», «Изабелла», «Цоликаури»?

— Любое! — воскликнул я, как и все лгуны, пафосом прикрывая ложь. И с ужасом думая: увяз!

— А в чаче вымачивать коршуна можно? — воскликнул он, как бы пытаясь освоить все варианты нового чегемского мышления.

— Нет,— сказал я строго,— чачей можно только запивать.

— Это я и так знаю,— кивнул он,— но вымачивать коршунов в вине перед тем, как жарить на вертеле, — до этого ни один человек у нас не додумался. Недаром говорят, что чегемец, на сколько он торчит над землей, на столько он еще и под землей.

На абхазском языке поговорка эта означает великую хитрость, а иногда и коварство. Я решил все-таки увести разговор от этих проклятых коршунов, пока не попался.

Я спросил у него, не знает ли он человека, который ловит и приручает ястребов. И вдруг он улыбнулся мне неожиданной блаженной улыбкой. Широкое лицо его расплылось в безмерной доброжелательности. Он весь расслабился и, безвольно наклонив голову, молча смотрел на меня несколько секунд.

Я понял, что экстаз коршуноведенья опал. Омовение коршуна в вине перед тем, как смачно насадить его на вертел, сладостно доконало его. Поэма кончилась. Впрочем, небольшие фрагменты всплывали и позже.

— Такой человек перед тобой,— сказал он тихо и вразумительно,— я как раз иду к своему шалашу... А вот и моя сорокопуточка...

С этими словами он расстегнул рубашку и осторожно вытащил маленькую сорокопутку, как у нас говорят, со шпагатом на лапке. Птичка казалась сильно смущенной нашими разговорами о коршунах. Он намотал на ладонь шпагат, оставив с полметра свободным. Тряхнул ладонь. Сорокопутка взлетела и завибрировала над ним, как теплый пропеллер. Мы пошли.

— Добрая,— кивнул он на птичку,— я ее только что кормил кузнечиками.

Вот и шалаш. Он был покрыт и устлан сухим папоротником. Мы нагнулись и ступили в него. Руслан, стоя на коленях, снял ружье и приладил его в угол. Потом снял свой охотничий пояс с двумя огромными коричневыми коршунами, подволок их к другому углу шалаша и уложил рядом.

Было жарко. В шалаше пахло прелым папоротником. Руслан стянул с себя ковбойку, высунул руку из шалаша, отряхнул рубаху и аккуратно набросил на коршунов, как-то разом снизив их орлиную сущность до облика прикорнувших под пледом старушек.

После этого он вынул из кармана спичечный коробок и достал из него два кусочка воска. Все это время я держал сорокопутку. Он взял ее у меня из рук и неожиданно ловко прикрепил к векам птички по шлепочку воска. Операция, вероятно, была безболезненна, но грубовата. Это, оказывается, делают для того, чтобы сорокопутка не видела налетающего ястреба и не пряталась от него. Руслан распутал шпагат и пустил птичку под сетку. Она пробежала несколько шагов и, взлетев, затрепыхалась под ней.

По-видимому, не всякая птица проявляет такую беспрерывную волю к жизни, играет. Именно поэтому сорокопутка лучше других птиц привлекает ястребов. Вероятно, чем живей себя ведет живое, тем оно заманчивей для хищника.

Мы уселись лицом к сетке, поглядывая на гряду живописных холмов по ту сторону цветущей долины. Слева в конце долины, как это всегда видится, когда смотришь с высоты, как бы наваливалась огромная стена моря.

Когда Руслан снял рубашку, я заметил на его предплечье довольно внушительный шрам.

— Что это? — кивнул я на шрам после того, как мы уселись.

— Ха! — усмехнулся он.— Это было три года назад. Я дежурил в санатории на танцах. И вижу, один парень, главное, из моего села, пристает к приезжей девушке. Она не хочет с ним танцевать, а он пристает. Я отвел его в сторону и строго предупредил, чтобы он не хулиганил.

Вроде отстал, а потом опять за свое. Она не хочет с ним танцевать, а он пристает. Грубо пристает. Я отвел его в сторону и предупредил, что ему будет плохо, если он не бросит хулиганить.

И что же? Он то ли думал, что я забудусь, то ли решил своим ребятам доказать, что может силой приручить девушку. Опять пристает. Скандал.

Теперь что делать? Если бы в санатории был КПЗ, я бы отвел его туда. Но в санатории нет КПЗ. Если бы у меня была машина, я бы отвез его в город, в милицию. Но машины у меня нет. Приходится своими руками разбираться. И поэтому я его вывел из клуба и по-отечески дал по морде. Больше он в клубе не появился. Думаю: вправил ему мозги. После танцев иду домой, а я ночую у себя в деревне.

Смотрю, возле моего дома стоят несколько парней, и он среди них. Прямо на дороге стоят, пройти нельзя. Подхожу. Слово за слово. И вдруг этот негодяй выхватывает нож и бьет меня. Я, слава Богу, успел плечо подставить.

Певец патриархального Чегема, то есть я, был сильно удручен услышанным.

— Как,— говорю,— юный абхазец бьет ножом односельчанина, который в два раза старше него?

Руслан замер и посмотрел на меня круглыми от удивления глазами:

— Да ты что, с луны свалился! Да они родную мать палками забьют! Такие у нас хулиганы сейчас!

Но тут у меня в голове мелькнула спасительная догадка: береговая полоса! Здесь люди быстрее подвергаются порче: соблазны курортной жизни. Когда хочется защитить мысль, которая тебя грела, всегда быстро находятся доводы.

Руслан продолжал:

— Кровь из меня, как из-под крана. Я пришел домой. Мне перевязали руку. На следующий день лежу. Приходит целая делегация его родственников. Деньги обещают. Все на свете обещают, только чтобы не жаловался властям. Нападение на милиционера при исполнении служебных обязанностей — это дай Бог сколько дадут. И они это знают. Умоляют меня. Но я говорю:

— Я жаловаться никуда не пойду. Но, когда рана заживет, мы с ним будем драться. Три свидетеля с его стороны, три с моей. Пусть покажет на кулаках, на что он способен.

— Зачем драться,— удивляются они,— возьми лучше деньги. У тебя молодая жена. Маленький ребенок. Деньги всегда нужны.

— Нет,— говорю,— никаких денег. Только так.

И вот мы встречаемся в честном бою. Он такой бычок, но глупый. А я еще школьником имел первый разряд по борьбе. Одним словом, я его отмутузил. От души отмутузил. Такой кайф получил, как будто одним выстрелом пудового коршуна свалил. Вот откуда этот шрам... Тише! Пригнись!

Я пригнулся, ничего не понимая. Руслан тоже пригнулся и задергал шпагатом. Сорокопутка быстро-быстро завибрировала крыльями, как бы вися в воздухе. Выглядывая из-под шалаша, я вижу, что небо над сеткой чистое, никаких ястребов.

А он смотрит в сторону параллельного холма, который от нас примерно в одном километре. И кивает мне и показывает рукой, дескать, там, там, ястреб. Я вглядываюсь изо всех сил и долго ничего не вижу. Наконец мне показалось, что на фоне зеленого холма сверкнуло крыло какой-то птицы.

Даже если это был ястреб, думаю, невероятно, чтобы он оттуда мог заметить нашу сорокопутку. А мой спутник смотрит на противоположный холм и долго от него чего-то ждет, заставляя играть свою птицу.

— Улетел,— сказал он наконец и перестал дергать за шпагат.

— Неужели он оттуда мог нас заметить? — удивился я.

Как-то мне всегда казалось, что орлы далеко видят, озирая местность с большой высоты. А здесь, если мы действительно видели одну и ту же птицу, ястреб мелькал возле противоположного холма на нашем же уровне.

— Конечно,— сказал он уверенно,— он все видит! Просто он случайно не посмотрел сюда. Если бы посмотрел — крышка!

Да,— сказал он, перестав дергать за шнур и давая успокоиться своей птичке,— ты удивляешься хулиганам. А сколько воров, если б ты знал. Считай, что у нас каждый третий сидел. Куда смотрит власть? Что там бебекает Верховный Совет?

— А что? — говорю.

— Скажем, человек ворует. Суд доказал. Дай ему положенный срок. Выпустили. Снова ворует. Суд доказал. Дай ему срок. Выпустили. Он опять ворует. Что толку его сажать? Такого человека надо расстрелять! Такой человек для общества не годится. Конченый человек.

— Но это, Руслан, слишком,— говорю,— нигде в мире нет такого закона.

— А где в мире так воруют?

— Кажется, нигде.

— Вот поэтому я и говорю,— продолжал Руслан,— нужен такой закон. Но это нельзя делать внезапно. Это будет нечестно. Предупредить. Тех, что и раньше по три-четыре раза сидели за воровство, не надо трогать. А вот нового ворюгу, когда его сажают, надо честно предупредить: второй раз попадешься, еще так-сяк, а третий раз — расстреляем. Тогда он после второго раза, если потянется воровать, подумает: нет, нет. Меня расстреляют.

Ты же знаешь, в милиции тоже шахер-махер делают. А я не могу. У меня руки чистые. Я получаю около трех сотен. Но разве в наше время на это можно прожить, тем более рискуя жизнью? А если б этот дурак из пистолета выстрелил? Плечо не подставишь!

Жена и двое детей в городе живут на частной квартире. Сто рублей плачу. Фактически я живу за счет крестьянского труда. Санаторий рядом с нашим селом. Там дежурю, прихожу домой к отцу. Пашу, мотыжу, собираю урожай. За счет этого живем. Кто я, милиционер или крестьянин? Сам не знаю.

Видимо, я помрачнел, что ли, он вдруг широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

— Не бери в голову,— сказал он,— обидно, конечно, но живем. Как видишь, и на охоте бываю. Перепелки, коршуны в сезон — сколько хочешь. Свадьбы родственников тоже не пропускаю... Как ты думаешь, турки коршунов едят?

Видимо, вопрос этот его сильно волновал и он забыл, что уже спрашивал меня об этом.

— Думаю, нет,— сказал я,— у них сейчас неплохо с едой. А что?

— Сейчас у нас, слава Богу, еще ничего. Но я думаю о будущем. Если придет голод, армия нам должна помочь.

— Как так армия? — не понял я.

— Я уже все обдумал,— сказал он,— если армия даст тридцать — сорок вертолетов в сезон перелета коршунов, спасемся. Вертолеты будут с моря прижимать к берегу коршунов, чтобы они подольше не перелетали в Турцию. А в это время население будет стрелять и стрелять по коршунам. Кто не умеет — научим. Засолить пятнадцать — двадцать коршунов — небольшая семья запросто может перезимовать. Но это если турки в самом деле не едят коршунов. А если едят, будет некрасиво: чужой кусок изо рта вынимаем.

— Уверен, что не едят,— сказал я,— у меня есть знакомый издатель, я могу ему написать...

— Напиши,— сказал он,— но прямо не вываливай. Напиши, мол, я слыхал, что турки не едят свинину. А вот коршунов едят?

Он задумался, глядя на небо, где, взмахивая тяжелыми крыльями, коршуны медленно и беспрепятственно двигались в сторону Турции, не подозревая о замыслах, которые зрели в голове Руслана. Некоторые из них доверчиво и долго кружились над холмами, а иногда даже садились на деревья.

— Ты в Бога веришь, Руслан? — спросил я.

— Конечно,— ответил он и с серьезным удивлением взглянул на меня,— а кто это все сделал, если не Бог: горы, море, леса, человека, животных? Некоторые говорят — природа. Но это же глупо. Это все равно, что женщина скажет, что она сама от себя забеременела. Или кто-нибудь придет на усадьбу моего отца и скажет: «Ты смотри, Руслан, какая хорошая кукуруза у тебя сама выросла!» Как сама? Я же знаю, через чей труд она выросла! Так и это.

— Как ты думаешь, Руслан,— спросил я,— Бог следит за нашими делами?

— Никогда! — воскликнул Руслан с такой силой, что сорокопутка сама вспорхнула и стала трепыхаться под сеткой.— Учти, только отсталые люди так думают! На хрен мы ему сдались, чтобы он за нами следил! Учти, у него миллион таких планет! Он, как хороший, строгий отец, поставил на ноги и человека, и природу: живите, плодитесь, дружите! А мы что? Посмотри, что делается хотя бы у нас на Кавказе? Если бы он все это видел, хороший плевок полетел бы на Землю. Но пока что только люди плюют друг на друга.

— А что человек из себя представляет, Руслан? — спросил я, решив довести до конца нашу философскую беседу.

— Хитрый, как коза,— просто ответил Руслан, как о чем-то давно решенном.

И вдруг широкое лицо его расплылось в нежной, мечтательной улыбке. Я понял, что он вспомнил идеального человека. Так оно и оказалось.

— Лучше я расскажу тебе про своего сына,— продолжая улыбаться, взглянул на меня Руслан.— Шесть лет. Уже хитрый, но кушает плохо. Коршунятину, правда, грызет, как тигренок. В меня. А так кушать не любит. Хозяйка моя мучается с этим.

И вот что интересно. Иногда я с работы прихожу домой, когда хозяйка моя заставляет его кушать. И он с ходу смотрит мне в глаза и все понимает. Все! Иногда после дежурства прихожу злой, как собака. И тогда он сам кушает, потому что я могу зарычать на него. А это он не любит. А если прихожу добрый, капризничает, отворачивается от ложки.

И вот я только вошел, еще слово не успел сказать, а он прямо мне в глаза — чтобы узнать, кушать ему или капризничать. И при этом, учти, ни разу не ошибся!

...Ты сейчас смеяться будешь... Я тебе расскажу. Мы с ним в загадки играем. Иногда прихожу с работы, ложусь на диван, а он садится мне вот сюда на живот и начинаем друг другу загадки загадывать. Кайфуем! Однажды он мне говорит:

— Папа, что надо выпить, чтобы хорошо себя чувствовать?

— Вино,— говорю я.

— Нет,— говорит он,— лекарство. Ты проиграл.

Случайное, конечно, совпадение, а хозяйка моя так хохочет, как будто он меня купил. А на самом деле он меня спас однажды...

Руслан задумался, глядя вдаль и покусывая стебелек папоротника. Потом отбросил его и, взглянув на меня неожиданно загоревшимися карими глазами, почти выкрикнул:

— Слушай, я тебе расскажу такое, что ты ни в одной книжке не прочтешь. Это чудо, учти! Но ты наш и ты должен об этом знать.

Два года назад сюда в санаторий, где я дежурю, приехала одна женщина из Москвы. Медсестра. Полная, белая, красавица. И я в нее влюбился. И я ей, оказывается, понравился, но я не знал. Я стал как сумасшедший. На кровати рядом с женой закрою глаза: она перед глазами. Белая, полная — смеется. Приезжаю на дежурство — она опять перед глазами. Теперь живая! Белая, полная — смеется.

И я не выдержал и наконец сказал ей, что жить без нее не могу. И она согласилась. И мы договорились жениться, и я попозже к ней перееду в Москву. Я нанял комнату рядом с санаторием, где живет персонал. Неудобно входить к ней в номер санатория. Я все-таки официальная личность. И поэтому нанял комнату.

Я думал, дома незаметно будет, потому что санаторий, где я дежурю, рядом с моей деревней и я чаще ночевал у отца. До города, где жила моя семья, пятнадцать километров, а машины у меня нет. И я чаще ночевал у отца, тем более на усадьбе приходилось работать. Отец старый.

Но я мучаюсь. Рано или поздно придется жене сказать правду. А я ее тоже люблю и тем более от сына, Тимурчика, умираю. Девочки тогда еще не было. Но как сказать ей? В чем она виновата? Ни в чем, и без Люси тоже не могу жить. Люся ее звали. Медсестрой работала в солидной московской больнице. Я стал как чокнутый. Закрою глаза, она перед глазами: белая, полная — смеется. Открою глаза — она тут как тут.

Пока я мучился, как жене рассказать о том, что случилось, оказывается, ей уже донесли. Нашлись люди, я даже знаю кто, но теперь это не важно. Да. Ей донесли. Но она мне ни слова не сказала. Оказывается, бедная, когда узнала, три дня ничего не могла есть. Крошки хлеба не могла взять в рот. Разве я об этом забуду? Знает, но мне слова не говорит. Приду — подаст, уберет. Но молчит. Я думал, она что-то чувствует, но она, оказывается, уже все знала. А я еще не знал, что она все знает.

Теперь Тимурчик. За полгода до этого мы всей семьей ехали из нашей деревни в город. Нас вез мой товарищ. У него своя машина. И вдруг на повороте он как-то зазевался, не удержал руль. Машина съехала в кювет и перевернулась вверх колесами. А мои сзади сидели. Я еле-еле вот так перекрутился и спрашиваю:— Вы живы?

— Бессовестные, не смотрите сюда! — кричит моя жена. Оказывается, когда машина перевернулась, у нее юбка тоже перевернулась, и она сразу себя не может привести в порядок, потому что неудобство, машина перевернута.

Ну, раз так кричит, думаю, значит, жива, тем более Тимурчик жив и только глаза испуганные. Мы с товарищем кое-как вышли из машины. Я отодрал заднюю дверцу и на руках обоих вынес из машины. Что интересно — ни у кого ни одной царапины! Так удачно перевернулись.

Мы с товарищем хохочем, вспоминая слова моей жены. А она не смеется. И нам от этого еще смешней. Тимурчик тоже смеется, хотя четыре года, что он может понимать? Но раз мы смеемся, он понимает, что весело, и сам хохочет. А мы с товарищем смеемся, потому что жена моя таким голосом сказала: «Бессовестные, не смотрите сюда!» — как будто мы нарочно перевернулись, чтобы у нее юбка задралась. Слушай, тут авария, думаю, жива ли семья, а она про свою юбку. И никак до нее не доходит, почему мы смеемся, и от этого нам еще смешней. И Тимурчик хохочет, хотя, конечно, ничего не понимает.

Я останавливаю всякие машины, но троса ни у кого нет. Наконец попался грузовик с тросом, мы перевернули машину и выволокли ее из кювета. И поехали дальше. У машины только задняя дверца помялась, больше ничего не было. С тех пор мой сын ни по-русски, ни по-абхазски слово «веревка» не говорит. Он говорит: трос. Он думает, веревка и трос называются одинаково.

И вот после этого случая мой сын несколько раз просил меня рассказать, как это было. Приставал, дергал меня:— Упала машина! — Я ему рассказываю, а он хохочет, вспоминая, как это было весело.

И вот, когда это у меня с Люсей все началось, дом мой, конечно, почернел. Жена молчит. Я думаю, она что-то чувствует, хотя она, оказывается, уже все знает.

Мы с Тимурчиком играем. Я ему читаю детскую книжку, но когда ухожу или когда мать его кладет спать, он у меня обязательно просит: — Упала машина! — Лежит и слушает, как я ему рассказываю, но уже не смеется, как раньше. Лежит такой серьезный и слушает, слушает. Как будто хочет мне что-то сказать. Но что он мне может сказать? И тем более не смеется. Тогда зачем об этом вспоминать? Но я терплю, потому что свою вину перед ребенком чувствую.

И каждый раз прихожу, чтобы рассказать жене правду, и не могу. Хотя сейчас люди испортились, но в нашем роду строгость. Придут старшие родственники с моей и с ее стороны и спросят: «За что жену бросаешь? Если хромая, косая, куда смотрел, когда женился? Если характер скандальный, почему не предупредил? Мы бы собрались и сказали ей: — Сникни. Иначе покажем тебе дорогу к твоему отцу!»

Но я ничего такого за женой не замечал и мне нечего было сказать им. И я, мучаясь, в конце концов решил рассказать жене правду, порвать с нашим родом и уехать жить в Москву, куда Люся звала. Здесь все равно спокойно жить не дадут.

И вот с этим я в последний раз пришел в свой дом. Думаю, или сегодня все скажу, или смерть. Держусь. Играю с Тимурчиком. Решил, дождусь, когда он уснет, и потом все расскажу жене. Она на кухне. Мы с ним вдвоем. Играем, потом я ему книжку почитал, а потом он меня тащит к дивану, и я уже знаю, что он хочет.

— Упала машина,— говорит и ложится, продолжая держать мою руку. Разве до этого мне сейчас? Но что делать, не могу обидеть ребенка. И рассказываю, а он слушает, слушает, но не смеется. А вид такой серьезный, как будто он что-то хочет мне сказать. Но что ребенок может мне сказать?! Тем более я мучаюсь: как открыться жене? И я тихонько начинаю психовать, но держусь. Только закончил, как он опять мне приказывает:

— Упала машина!

Я опять рассказываю, а он держит меня за руку и так серьезно слушает, как будто не знает, что дальше будет. Ждет. А чего ждать?

Еле-еле второй раз дотянул. Это же надо быть взрослым, чтобы понять то смешное, что там случилось И тем более он не смеется. Ну, перевернулась машина. Ну, остались живы. Ну, тросом выволокли ее. А он так внимательно и серьезно слушает. Только я закончил, он в третий раз приказывает:

— Упала машина!

И тут я не выдержал. Бросил его руку и заорал:

— Надоела мне твоя машина! Спать тебе пора!

— Нет! — закричал он в ответ и так громко заплакал, что мать прибежала.

Она взяла его на руки. Успокаивает. А он ревет и сквозь слезы смотрит, смотрит на меня, задыхается и повторяет:

— Упала машина! Упала машина!

Истерика. По-абхазски даже такого слова нет. Я дальше ничего не помню. Помню только, ушел и хлопнул дверью изо всех сил. В тот вечер я крепко выпил. Очень крепко. Но я голову никогда не теряю. Прихожу к Люсе. Она знала, что у меня сегодня предстоит тяжелый разговор с женой. И решила, что этот разговор был и поэтому я крепко выпил. И ничего не спросила. Думает: завтра сам расскажет.

Я в первый раз лег отдельно с тех пор, как мы соединились. Сразу заснул, как убитый. И вдруг среди ночи просыпаюсь, как будто меня кто-то толкнул в бок. Крепко толкнул. Сердито толкнул: — Не спи!

Я просыпаюсь. Голова ясная, как этот день. А ведь я много выпил. И это было чудо, и я сразу понял, что хотел сказать мне мой мальчик. И я даже удивился, как это я так долго не мог его понять!

Мой мальчик хотел мне сказать: пусть будет так, как раньше, когда перевернулась машина. Сначала страшно, а потом весело. И он, бедный, почувствовал, что в нашем доме настало страшное, но не настает веселое. И он, мой мальчик, все это время меня толкал в эту сторону. А я не понимал: — Упала машина!

Я вскочил, как сумасшедший. Одеваюсь. Люся проснулась. Испуганно спрашивает в темноте: — Что случилось? — Прости, Люся,— говорю,— я не могу без своего сына!

Ночью пешком прошел пятнадцать километров. Чего я только не передумал тогда. Стучу в дверь в пять часов утра. Жена открывает. Молчит. И я молчу. Иду прямо к сыну. Раздеваюсь и ложусь рядом с ним. Он почувствовал меня. Зашевелился. Одной рукой обнял меня за шею и, не просыпаясь, я это точно заметил, сладким голосом говорит:— Упала машина...

Добился своего. В следующую ночь мы вбили еще один крепкий гвоздь в наш семейный дом, и родилась дочь. Так и живем с тех пор. Сын спас нашу семью.

Руслан замолк и задумался. Пока он рассказывал, его простое, широкое лицо на глазах преображалось от воодушевления. Сейчас это было победное, прекрасное, античное лицо. Однако через минуту оно стало угасать, как предвечернее небо, и вскоре приняло обычный вид.

Справа от того места, где мы сидели, из-за изгиба холма появилось небольшое стадо овец. Сгрудившись и перестраиваясь внутри себя, оно медленно по косогору холма двигалось к его подножию — беззвучно льющаяся шерсть по неподвижной шерсти выцветающих трав.

Раздалось знакомое блеяние. Потом еще. Еще. Еще. Но гораздо знакомей самого блеяния был его отзвук грусти в груди. Но почему? Напоминание детства? Напоминание об уходящей жизни? Но ведь я помню, что и в детстве оно казалось мне грустным.

Может, в этом блеянии мы ощущаем тоску безъязыких по языку? Тогда тем более непонятно, почему бы человеку так печалиться, услышав блеяние овцы или мычание коровы? У человека ведь есть язык? И все-таки, вероятно, дело в том, что каждый человек в той или иной мере чувствует свою неизъяснимость. Многоголосье нашего всемирного блеяния лишь подчеркивает его одинокость. И только любовь, как в случае с Русланом и его сыном, время от времени продлевает эту неизъяснимость.

Тут случилось неожиданное, хотя именно этого мы должны были ожидать. Раздался какой-то воздушный шум. Я опомнился только тогда, когда ястреб чмокнулся в сетку и яростно забился в ней, взмахивая, выгибаясь и выламываясь рыжими крыльями. Руслан вскочил и, припав к сетке, выпутал из нее ястреба. Бедная сорокопутка от страха замерла и серым комочком лежала под сеткой.

Руслан присел под шалашом, держа ястреба в одной руке, зажав его сверху ладонью. В желтых ястребиных глазах полыхали ненависть и ужас. Когти вытянутых лап вздрагивали, пытаясь вцарапаться в воздух.

— Ястреб не тот,— сказал Руслан, оглядывая его.

— Почему? — спросил я.

— Такой сорт. Тупой. Сколько ни учи, ничему не научишь. Он не может привыкнуть к человеку.

— Дай подержать,— попросил я и осторожно, чтобы не оцарапаться о когти, взял у него ястреба. Горячее, легкое тело ястреба дрожало под моей ладонью. В желтых, полыхающих глазах, в горячем, легком теле так и пульсировало: ужас и ненависть. Ужас, ненависть.

— Так что же делать с ним? — спросил я.

— Брось, поймаем другого.

Я вышел из шалаша и не без удовольствия подбросил этот комок ужаса и ненависти. Панический, резкий, радостный вымах крыльев, и он, словно не веря своему счастью, быстро, быстро набирает высоту. Это длится, может быть, пять, может быть, семь секунд, не более. И вдруг раз!

Все забыл, распластал крылья, парит прямо над нашей головой: ничего не случилось, ищет себе добычу. Не хватало только одного: снова спикировать на нашу сорокопутку. Но, подхваченный воздушным потоком, он скрылся из глаз.

Его мгновенное преображение было так неожиданно, так смешно и так точно определяло тип жизни всего живого в отличие от человека.

Только человек живет памятью и воображением. Каждый раз настоящее человека — это место встречи памяти и воображения. И потому, чем точнее человек соответствует своей сущности, тем суженней у него пространство настоящего.

Чем ограниченней человек, тем полноценней он живет настоящим, когда оно нормально. Но именно по той же причине, чем ограниченнее человек, тем быстрее он духовно гибнет от дурного настоящего, потому что ему не помогают память и воображение. Кому особенно хорошо, когда хорошо, тому особенно плохо, когда плохо. Впрочем, люди Библии этого уже не знали.

Мне надо было идти. У меня была назначена встреча с друзьями. Я попрощался с Русланом. Он назвал дни, когда бывает в своем шалаше, и пригласил меня к себе в деревню.

— Я тебе приготовлю коршуна по-чегемски,— сказал он,— только предупреди за сутки. Я его вымочу в собственной «Изабелле».

— Нет,— сказал я,— мы будем гостить у тебя дома. Ты мне сначала приготовь коршуна по-гудаутски, а потом мы посмотрим...

— Идет,— сказал он и крепко пожал мне руку.

Я ушел. К сожалению, мы тогда так и не встретились. Мне пришлось срочно уехать в Мухус. Но я надеюсь, что мы еще встретимся и я наконец испробую коршуна, приготовленного не только по-гудаутски, но и по-чегемски.

В последнем случае прошу считать меня изобретателем этого блюда, и если оно войдет в мировое меню, я должен быть вознагражден по всем законам частного предпринимательства, которые мы, покряхтывая и отбрыкиваясь, кажется, все-таки осваиваем.

■

В феврале 1943 года меня под Ростовом ранило в голову, и я оказался в фашистском плену. Совершил побег, меня поймали и этапом погнали в Донбасс. В г. Иловайске я уже не мог идти и понимал, что скоро меня уничтожат. Нас и так осталось из тысячи только семьсот человек. Жители Иловайска решили нас подкормить. Ко мне подошла женщина и предложила зайти во двор, отсидеться в сарае до вечера. У нее было четверо детей, муж, я понимал, что подвергаю ее опасности. Фашисты шастали по улицам и искали беглых пленных.

Она меня помыла в корыте, а муж ее меня стал брить и заметил: «Что это у тебя волосы на висках растут, как у евреев пейсы. Как звать тебя?»

Настя, купая меня, наверное, заметила, что моет не христианина, а иудея, но смолчала. А муж ее Ефим Семенович сказал: «Не дрейфь, я из Гуляй-Поля, родины батьки Махно, мои родители еще в гражданскую спасали жидов в нашем погребе...»

И хоть я назвался Николаем Ивановичем Корнеевым, мы больше к этой теме не возвращались. Однако, когда у меня была малярия и температура доходила до 40 градусов, я в бреду называл имена дворовых товарищей — Додик, Перец, Сролик. Ефим Семенович удивился: «Что с тобой вчера было? Ты говорил какие-то еврейские слова».

И снова молчок.

Моя спасительница Анастасия Дмитриевна Рогожина и ее муж Ефим Семенович выходили меня, достали документы, привлекли в свидетели соседей, которые в полиции поклялись, что знают меня с детства как брата Настеньки. Никто никого не выдал. А я, Вольфсон Бениамин Борисович, еврей из Гомеля, провоевал до 1945 года, много раз ранен, трижды орденоносец, окончил Ленинградский университет, сейчас на пенсии, живу в Ялте. Все эти годы мы переписывались с Анастасией и Ефимом Рогожиными, я им помогал, чем мог. Теперь мы дружим семьями, как самые близкие, дорогие люди. И пусть внуки мои и рогожинские знают, что в мире есть человеческое братство, которое выше всего и ближе всего к единственному в Мире Богу, и проверяется это тогда, когда одному из людей угрожает фашизм.

Б. ВОЛЬФСОН
Ялта

■

Сегодня на космодроме Байконур все отчетливее проявляются многие болезни нашего общества, которые раньше скрывались за победными репортажами об успехах.

Может возникнуть вопрос: что же тут удивительного по нынешним временам? Удивительного, может быть, и мало, а вот потери материальных ресурсов велики. В недрах космодрома ржавеют сотни (сотни!) километров старых, заброшенных кабелей, которые никому не нужны и которые не спешат выкопать, превратив в деньги. А ведь это тысячи тонн меди и свинца. Территория вокруг стартовых площадок завалена разнообразными «отходами производства» — тысячи тонн металлоконструкций, содержащих черные и цветные металлы, уникальные блоки, начиная со схемных решений и заканчивая деталями ракет и космических аппаратов. Все это — десятилетиями под жарким небом Казахстана.

Если попытаться одним словом охарактеризовать Байконур, то это — контрастность. Она проявляется во всем: запуск носителей и мирных спутников, которые выводятся на орбиту, самые передовые современные ракетные системы — и такая отсталость и допотопность в обслуживании этих систем. Рекордные по продолжительности пилотируемые полеты — и дряхлые, морально и физически устаревшие коммуникации города Ленинска, которые создавались на скорую руку, без глубокой проработки проектов. В результате постоянные аварии теплоэнерговодоснабжения, на устранение последствий которых уходят немалые затраты.

Правильно говорили древние: скупой платит дважды. Нет у космодрома настоящего хозяина. Сейчас в основном хозяйничают Министерство обороны и предприятия военно-промышленного комплекса. Они защищают свои, узковедомственные интересы под видом выполнения государственных задач. Изделия, выпускаемые ВПК, представляют собой удивительный сплав передовых идей и технологий с устаревшими разработками 60—70-х годов. Обслуживанием существующих систем занимаются военные, вся организационно-штатная структура у которых построена по принципу: чем больше подчиненных, тем выше воинское звание командующего.

Постоянно боремся со следствиями, не задумываясь над причинами, их порождающими. А они в следующем: работник должен получать плату не за занимаемую должность, а в прямой зависимости от результатов своего труда. Может быть, когда за конкретную работу будут платить конкретные деньги, что-то изменится на космодроме Байконур и его отдача будет не в пример сегодняшней?

Думаем, что после августовских событий появится единственный, но настоящий хозяин, который рачительно распорядится имеющимся и превратит космос в прибыльную отрасль экономики.

А. АХТЯМОВ, С. ГОРБУНОВ
Ленинск

Анатолий КРАВЦОВ

Этот материал готовился к печати до переворота, и многое из того, о чем здесь идет речь, воспринималось как предупреждение, которое может быть, и не сбудется. Но сбылось. Все, что таилось в порах общества, в недрах аппарата, проявило себя в течение трех августовских дней.

ПРОПОЛИС, ИЛИ КАК ХОРОШО БЫТЬ ГЕНЕРАЛОМ

Много ли у нас в СССР военных? А среди них — генералов? Много ли генералов и офицеров среди штатского люда? Вопрос отнюдь не такой странный, как может показаться на первый взгляд. И вообще, насколько военизировано наше общество?

Понаблюдайте за различными всесоюзными собраниями. Сколько разноцветных лампасов, крупных звезд на погонах! Порою кажется, что это не съезд партии, не депутатское обрание, а совещание генералов. Некоторое представление о степени военизации нашего общества дают заседания Верховного Совета СССР. Вспомните, как при обсуждении закона об общественных организациях решалась судьба политорганов в Вооруженных Силах. Обеспокоенные генералы очередями выстраивались у микрофонов. Отстояли: обошлось лишь переименованием главного политуправления.

Назовите хотя бы одно невоенное союзное министерство, делегировавшее в корпус народных депутатов тринадцать заместителей первого лица, как то сделало Министерство обороны. Правда, и заместителей министр заимел немало — пятнадцать. Не будь конституционного запрета на депутатство министров, быть бы всем им депутатами, и министру обороны, конечно, как в добрые старые времена.

Да зачем так высоко брать? Всмотритесь в утреннюю московскую толпу. Едва ли не каждый десятый — в форме и при звездах. У многих другие военные признаки: у одних — брюки с кантами, у других — ботинки спецпокроя, практичная плащ-накидка. А ведь, кроме того, многие переодеваются и выглядят в толпе вполне штатскими.

Взять хоть военпредов. До 1964 года они ходили на службу в военной форме, потом их замаскировали: проходные пересекали, казалось бы, вполне цивильные люди, но со следами кокард на шапках, в брюках с кантами, а то и в шинелях без погон. Сейчас таких огрехов не заметишь.

А сколько их, военпредов? На каждом предприятии оборонного профиля — военная приемка. На некоторых — две, а то и три. Каждое представительство возглавляется, как правило, полковником. А в цехах и отделах сидят подполковники, майоры. Майор в Вооруженных Силах — это как минимум командир батальона с не одной сотней подчиненных. На заводе майор чаще всего не особо обременен подчиненными.

Идешь порой по заводской территории и видишь: вот чинно следует в свой цех группа офицеров, а вот звено из трех майоров шествует в конструкторский отдел. И те, и другие неотличимы по одежде от технологов и мастеров, от контролеров и конструкторов, все в штатском. Правда, попадаются в заводском потоке и люди в форме. Вот солдаты военно-строительного отряда, закрепленного за заводом, идут с лопатами и ломами копать траншею. А там группа строителей-солдат слоняется без дела.

А вот офицер из Котлонадзора чинно топает к своему котлу высокого давления. Размеренно и неторопливо шествуют с иголочки одетые лейтенанты, капитаны. Это пожарный надзор. Прошествовал офицер-ревизор из специальной службы, опекающей завод...

Такая картинка — обычная фотография обычного рабочего дня обычного гражданского предприятия. Не будет преувеличением сказать, что вся экономика у нас буквально пронизана военными, контролируется ими. И не только экономика. Есть военные с дирижерскими палочками. Есть с кистями художников. Сотни офицеров сидят в Москве в редакциях военных газет и журналов. Да и, казалось бы, в сугубо гражданских средствах массовой информации имеются военные действительной службы.

Кроме действующих военных, на административную, общественную, культурную и иную жизнь влияют офицеры-отставники, запасники. Не секрет, что ими сплошь заняты штатские должности начальников отделов кадров предприятий и учреждений, режимных и мобилизационных подразделений, секретных отделов, бюро пропусков, охраны и многих других служб. Выходя в запас и отставку, офицеры и генералы не идут к станку, к кульманам, тракторам, а заполняют совсем другие ячейки хозяйственного организма, привнося в него присущие армейским людям метастазы бюрократизма, косности, дог-

матизма, перестраховки, коими за время службы они надежно пропитались.

Ни в одной другой стране мира, даже самой милитаризованной, нет такого засилья военных и нет такого их влияния на всю политическую, общественную, экономическую, духовную жизнь.

У нас принято говорить о военно-промышленном комплексе, но правильней иметь в виду военно-промышленно-партийный комплекс.

Обратимся к такому явлению, как прикомандирование военнослужащих действительной службы из Министерства обороны к другим ведомствам. Оно приобрело столь небывалый размах, что пришлось отразить это явление в проекте концепции военной реформы. Там содержится такая задача: «...рассмотреть возможность сокращения... около 50 процентов офицеров, прикомандированных для выполнения работ оборонного характера к гражданским министерствам и ведомствам».

50 процентов — показатель относительный. Назовем абсолютные цифры. По состоянию на декабрь 1990 года на действительной военной службе вне Вооруженных Сил СССР числилось 3111 человек (генералов — 82, офицеров — 3029).

Действующие офицеры и генералы работают в 45 ведомствах, министерствах и организациях.

Не одно воинское соединение можно укомплектовать генералами и полковниками, правящими службу в министерствах военно-промышленного комплекса. В Минрадиопроме, например, служат 404 офицера и 7 генералов. В Минавиапроме, Минрадиопроме, Минсудпроме и других министерствах оборонных отраслей промышленности, вместе взятых,— 30 генералов и 540 офицеров. Но вот, казалось бы, вполне гражданское ведомство — Минавтосельхозмаш. Там один генерал и восемь офицеров. И уж в совсем штатских министерствах — иностранных дел, здравоохранения, медицинской промышленности — тоже не обошлись без военных. Там в общей сложности три генерала и 191 офицер.

А зачем в Госкомиссию Совмина СССР по продовольствию и закупкам прикомандировали одного генерала и 17 офицеров? Зачем они в Минрыбхозе, Госкино СССР? Имеют своих военных и Министерства внешних экономических связей, финансов, Госкомгидромет СССР, Госавианадзор СССР и даже Академия наук СССР.

Солидную связку с Минобороны имели ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. 29 аппаратных чиновников получали там к своим окладам доплату за воинское звание (у полковника она составляет 180 рублей, у генерал-майора — 300 рублей).

Бедная старушка из вологодской глубинки, попавшая 23 января в павловский капкан, не имея возможности уехать в свою деревню, чтобы обменять заветные две сторублевки, не догадывалась, что эти ее сбережения — сущий пустяк, они в полтора раза меньше ежемесячной доплаты за звание генералу, который «служит» в ЦК КПСС.

Семь офицеров и три генерала были прикомандированы к ЦК КПСС (плюс еще 17 генералов и офицеров на общественных началах). Еще два генерала — к ЦКК КПСС, там же — полковник. Республиканские партийные структуры также имеют действующих военных. Не они ли составляли военную часть Комитета национального спасения и разрабатывали неуклюжий кровавый сценарий захвата Вильнюсского телецентра?..

Когда в ЦК КПСС под давлением извне расформировали военный отдел, его работники не «пошли в народ», а перекочевали в хозяйственные и государственные структуры. Бывший член Политбюро ЦК КПСС, отвечавший за военные дела, хотя и не носивший погон и лампасов, не попав в новый состав ЦК КПСС, был спокойно устроен в аппарат генеральных инспекторов Министерства обороны.

В парламентском комитете по делам обороны и госбезопасности (теперь уже расформированном) также достаточно было генералов и генеральных. Этот комитет был «укреплен» также семью членами ЦК КПСС и членом Политбюро ЦК КПСС — секретарем всеармейского парткома. А возглавлял его бывший секретарь обкома КПСС.

Зная все это, стоит ли удивляться тому, что за два года законотворческой работы союзного Верховного Совета так и не появились законы о конверсии, обороне, статусе военнослужащих и другие законы по военной реформе. Не утверждена даже сама концепция военной реформы.

Как видим, Министерство обороны, с которым КПСС поделилась кадрами, укомплектовав главное военно-политическое управление, не осталось в долгу и передало часть своих кадров КПСС, причем на самые горячие участки работы. Все эти генеральные директора, генеральные конструкторы и другие штатские генералы от промышленности вместе с военными пронизывают все наше общество. Эта прослойка, как прополис в улье, приклеивает все, что должно быть приклеено. Но в отличие от улья, где численность трутней саморегулируется пчелиной семьей и не может превысить определенного биологически необходимого критического значения, наша советская семья, несмотря на все сокращения и реорганизации, никак не может избавиться ни от лишних трутней, ни от излишка этого «прополиса». А все потому, что «пасечник» — та же КПСС.

Геворк МАРТИРОСЯН,
собственный корреспондент «Огонька»

10 БАЛЛОВ ПО ШКАЛЕ ЦЕНТРА

Эпицентром горя окрестили журналисты Армению, когда 7 декабря 1988 года, в 11 часов 41 минуту, здесь произошло разрушительное землетрясение. Но уже спустя два дня все чаще стало мелькать другое определение: эпицентр вселенского сострадания. Мир откликнулся на беду армянского народа всем теплом человеческого сердца. Сейчас, спустя 2 года и 10 месяцев после этого страшного дня, в пору применить новый эпитет: эпицентр равнодушия и несбывшихся надежд...

* * *

7 декабря 1988 года меня, тогда еще редактора республиканской молодежной газеты, впервые вызвали на бюро в ЦК КП Армении.

Это были дни, когда карабахское движение на глазах наливалось мускулами, когда Театральная площадь Еревана каждодневно гремела митингами, а уличные шествия требовали всеобщей забастовки. Сумгаитская рана испепеляла сердца. Люди требовали у центра решения карабахской проблемы, суда над убийцами...

Пресса работала под бдительным оком местного партаппарата. На подмогу ему были брошены испытанные бойцы идеологического фронта из ЦК КПСС. В республиканские издания командировались опытные газетные волки, знающие толк в демагогии и партийной публицистике. Официально — для оказания невостребованной помощи местной прессе, а на самом деле — для негласного контроля. Словом, теневые редактора.

Несмотря на это, в мощном идеологическом заслоне нашлись бреши: в местных газетах нет-нет да и проскакивали материалы, совершенно безобидные на сегодняшний взгляд, но криминальные по тем временам. Партаппарат видел в них то чрезмерный плюрализм, то непартийный подход в оценке событий, то даже попустительство врагам перестройки. Вот и бюро решили собрать, чтоб постегать нерадивых редакторов.

В приемной в ожидании неминуемой экзекуции с непредсказуемым концом курили молча и все. Наконец около одиннадцати редакторов пригласили в зал. Началось чтение длинного, нравоучительного документа. Кто-то уже успел побледнеть, кто-то, напротив, воспрял духом — задели, но не сильно, а кто-то с напряжением ждал своего часа. Документ был зачитан до середины, как вдруг раздался глухой, отдаленный взрыв.

Огромное, построенное на века главное здание партии закачалось с такой легкостью, будто оно было сколочено из фанерных щитов. Тяжеленная хрустальная люстра, нависающая над членами бюро, пустилась в пляс с устрашающей амплитудой. Все оцепенели.

Сколько длились эти толчки — минуту, пять, десять?.. Да разве сейчас вспомнишь. Голову сверлила одна мысль: не взорвалась ли АЭС?

Люстра все же удержалась. Пол обрел привычную твердость. Все разом оживились. Землетрясение? Склад горючего? АЭС? Война?..

Объявили небольшой перерыв. Люди ринулись к телефонам.

Я набрал номер редакции. Сотрудник, взявший трубку, с нарочитой беспечностью сообщил, что теперь-то он хорошо представляет ощущение человека, решившего переждать океанский шторм на самой верхотуре корабельной мачты. Его можно было понять: редакция занимала последний, пятнадцатый этаж Дома печати.

Рядом раз за разом накручивали телефонные диски секретари райкомов партии. Но безуспешно — связи с районами не было.

В те минуты никто из нас и не подозревал, какое великое горе пришло на армянскую землю.

* * *

— ...Не смогли наши горы уберечь нас от беды. Слепая стихия не пощадила ни стариков, ни взрослых, ни даже детишек в классах. Десятки тысяч гробов, десятки тысяч искалеченных, изуродованных людей... За что эта Божья кара? Мало ли горя видел на своем веку армянский народ?

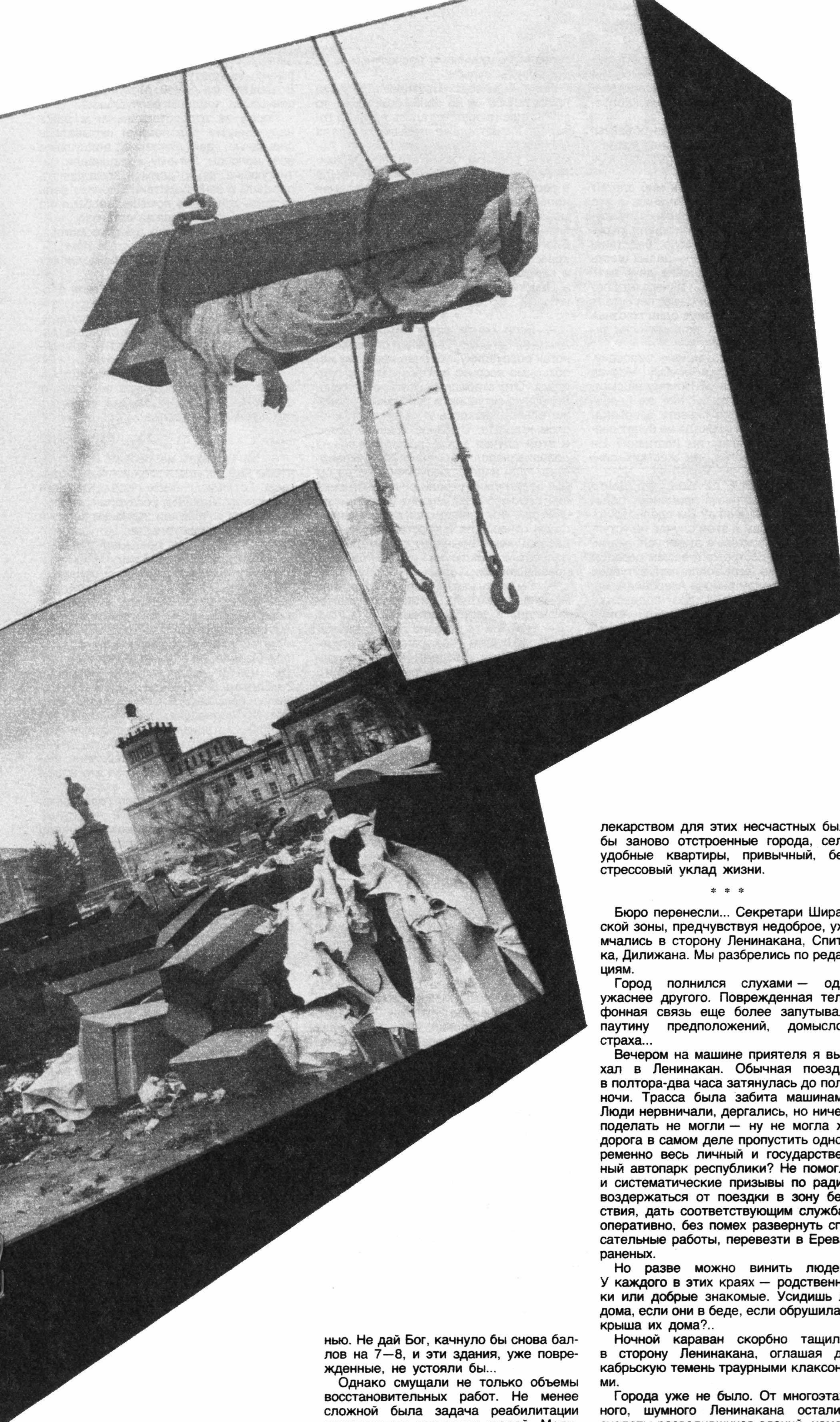
Даже спустя столько времени Рубену Чифталаряну нелегко говорить о землетрясении. Но ему приходится это делать ежедневно и ежечасно. Такая у него работа.

В дни расчистки завалов Чифталарян был министром Госагропрома республики, перевидел и пережил столько, что хватило бы, наверное, на несколько человеческих жизней. Судьба распорядилась так, что теперь он первый заместитель Председателя Совета Министров республики. Координирует восстановительные работы в зоне бедствия. А это более трети всей территории республики.

Экстремальная ситуация тех черных декабрьских дней ушла в прошлое, но я бы не сказал, что жизнь Рубена Чифталаряна стала от этого легче.

— Землетрясение разрушило 21 город, 342 села. Полностью остались без крова более 530 тысяч человек из миллиона, проживающего в этом регионе. Остальные продолжают жить в уцелевших зданиях, ежеминутно рискуя жиз-

Фото Юрия ПАВЛОВА

нью. Не дай Бог, качнуло бы снова баллов на 7—8, и эти здания, уже поврежденные, не устояли бы...

Однако смущали не только объемы восстановительных работ. Не менее сложной была задача реабилитации психического состояния людей. Медицина так до конца и не определила: какие изменения произошли в их сознании, чем это чревато в будущем?

Я не медик, но уверен, что лучшим лекарством для этих несчастных были бы заново отстроенные города, села, удобные квартиры, привычный, бесстрессовый уклад жизни.

* * *

Бюро перенесли... Секретари Ширакской зоны, предчувствуя недоброе, уже мчались в сторону Ленинакана, Спитака, Дилижана. Мы разбрелись по редакциям.

Город полнился слухами — один ужаснее другого. Поврежденная телефонная связь еще более запутывала паутину предположений, домыслов, страха...

Вечером на машине приятеля я выехал в Ленинакан. Обычная поездка в полтора-два часа затянулась до полуночи. Трасса была забита машинами. Люди нервничали, дергались, но ничего поделать не могли — ну не могла же дорога в самом деле пропустить одновременно весь личный и государственный автопарк республики? Не помогли и систематические призывы по радио: воздержаться от поездки в зону бедствия, дать соответствующим службам оперативно, без помех развернуть спасательные работы, перевезти в Ереван раненых.

Но разве можно винить людей? У каждого в этих краях — родственники или добрые знакомые. Усидишь ли дома, если они в беде, если обрушилась крыша их дома?..

Ночной караван скорбно тащился в сторону Ленинакана, оглашая декабрьскую темень траурными клаксонами.

Города уже не было. От многоэтажного, шумного Ленинакана остались скелеты развалившихся зданий, каменные завалы...

В память врезалась детская коляска, придавленная металлическим столбом. Уголок кровати под горой камней, и чья-то уже безжизненная рука...

...Мужчина у костра заботливо укрывал одеялом два изуродованных детских трупа и чуть слышно приговаривал: «Ну, укройтесь, ну, пожалуйста, простынете ведь...»

...Толпа у разрушенного жилого дома возбужденно гудела. Где-то там, в каменном плену, люди. Живые! Звали на помощь. Но как голыми руками справиться с многотонными панелями? Сын одной из заживо погребенных отрешенно повторял одно и то же: «У нас же в подвале все есть — и лом, и лопата, и молот. Но как их достать? У нас же в подвале есть все...»

...Женщина, привязанная к стулу. Рядом — молчаливые люди. У женщины дома, за обеденным столом, погибли двое детей и муж. Сама же спаслась случайно. За минуту до землетрясения вышла в магазин за хлебом... Женщина пыталась покончить с собой.

Порой мне кажется, что в ту, первую, ночь землетрясения мертвые передали живым все свои напрасные уже силы, всю свою никому уже не нужную любовь, свое сострадание...

Откуда брались силы у грузинских парней, первыми прибывших в зону? Работали до изнеможения, голыми руками ворочали здоровенные глыбы...

У французских спасателей, примчавшихся в Армению со специально натренированными собаками. Сколько людей спасли и сколько часов спали французы в эти дни?..

У швейцарцев и омичей, поляков и ленинградцев, австрийцев и паренька из Москвы по имени Денис, купившего билет до Ленинакана на свою институтскую стипендию...

Я бы книгу составил из имен всех, кто помог Армении в лихолетье, кто подставил ей свое плечо, помог обрести веру в жизнь, вновь поверить в силу своих гор.

* * *

Известная истина: люди сдаются, когда их покидает надежда.

Армения выстояла потому, что надеялась и ей помогли друзья.

Конечно, помощь эту трудно переоценить, но нужно отдать должное и силе духа самих жителей. Слезы были выплаканы в первую ночь и на всю жизнь. Надо было жить, преодолеть свое горе и на пепелище возводить новый Ленинакан, новый Спитак, новый Артик...

Чифталарян вспоминает подробности спасения людей, расчистки завалов, строительства первых объектов. Потом он произнес горькую фразу, что все это уже в прошлом, что зона бедствия с огромным комплексом восстановительных работ, увы, осталась незавершенным фрагментом действий союзного правительства.

И это верно. Трудно сейчас найти в центральной прессе хоть пару строк о положении дел в зоне землетрясения. А тем более упоминание о том, что страна, ее руководство обещало миру возродить все порушенное за два года, дать тысячам обездоленных кров над головой.

Этого не произошло. И из беды не вышли, и крепче не стали. Широко распропагандированный двухлетний срок оказался на деле пустым звуком.

Почему же так случилось? Кто несет ответственность за обманутые надежды сотен тысяч людей, все еще влачащих жалкое существование?

— На мой взгляд, все четыре постановления по зоне бедствия, принятые союзным правительством совместно с ЦК КПСС, были подготовлены очень непрофессионально, если не сказать неграмотно.

Прежде всего требовалось, чтоб наука четко ответила: как нам дальше вести себя на этой территории? Предстояло уточнить сейсмичность региона, составить карты сейсморайонирования, провести тщательные геологические изыскания...

Потом предстояло разработать техническую политику: решить вопросы зе-

мельных отводов, переселения людей, создания новых генеральных планов городов и сел, сейсмостойких зданий разных категорий и типов, конструкций, оснастки, подготовки стройиндустрии. Все это было сделано, причем с неимоверным напряжением сил, за полтора года. А на все восстановление центр определил всего два года. Конечно же, нетрамотный подход.

Это очень сильно подействовало на психику людей. Они не могут понять, что это за страна такая, где ее лидеры ставят свои подписи на документах, определяющих конкретный срок восстановления, а на деле за эти 2 года выполнено немногим более 15 процентов намеченных работ. Люди перестали верить правительству, государству, всем нам. У них появилось чувство незащищенности, отчаяние...

— Но ведь эти документы готовили профессионалы, а уж затем политики скрепили их своими подписями? Я хочу понять, что было определяющим при этом: желание коротким, пусть и практически невыполнимым сроком восстановления зоны бедствия поднять людей, вывести их из шокового состояния или же ставка на родной сердцу командный стиль управления — если определен срок, значит, будут и дела?

— Скорее всего второе. Ведь в командно-административной структуре так делалось всегда: мы возьмем, мы организуем, мы победим. Тоталитаризм был не только образом действия, но и стилем мышления.

Но не надо думать, что только на третьем году землетрясения все неожиданно прозрели. Еще в 1989-м, когда я был координатором восстановительных работ разрушенных сел, мне не раз приходилось слышать от союзных министров, организаторов, крупных строителей сомнения в реальности этого срока. Но вот беда, через день-другой, на очередном заседании комиссии Политбюро ЦК КПСС, эти же ответственные товарищи, несмотря на явные провалы, вставали и говорили: у нас, мол, сегодня не получилось, но завтра, обещаем, мы сделаем все.

— Я помню, эти заседания транслировались по местному телевидению, их смотрела вся республика. Люди верили, что идет большая и очень сложная работа.

— Да, так оно и было. Несмотря на все трудности, мы уже настроились на этот срок, были готовы сделать нереальное реальным, но тут произошло нечто странное. В 1990 году союзное правительство, Центральный Комитет КПСС неожиданно отказались от этой сочиненной идеи.

Что же произошло? Неужели союзное руководство хотело сказать: видите, мы собирались помочь вам, поднять разрушенные города и села, но не будем.

А ведь все эти четыре постановления считаются действующими и поныне, их никто не отменял. Но, повторяю, со стороны центра к ним — ноль внимания. Непонятная инертность центра в этом вопросе просто безнравственна.

— Так ли уж непонятная? Может, вы недоговариваете, Рубен Мкртычевич, и от сугубо профессиональных тем нам надо перейти к политическим?

— Конечно, не обошлось и без политики. За 70 лет советской власти мы все привыкли работать из-под палки, и дела худо-бедно, но шли. Сегодня мы отказались от командно-административной системы, но новых структур еще не построили. В итоге — анархия: не хочу работать — не буду. С начала 1990 года ни центр, ни Армения уже не владели ситуацией в зоне бедствия.

Белоруссия, сославшись на свои проблемы с Чернобылем, свернула восстановительные работы. Украинские строители тоже недолго пробыли в Армении. И Узбекистан нашел причины для поспешного отъезда... Будет, наверное, проще назвать тех, кто еще не уехал и продолжает выполнять свой человеческий долг. Это в основном строители Российской Федерации.

И что же? Никто из руководителей страны, подписавших документы, не сказал республикам: как же так, товарищи, ведь вы не завершили свою работу?

Да что там незавершенные объекты, когда центр молчит при более серьезных, я бы сказал, уголовно наказуемых деяниях.

Мыслимо ли: когда весь мир следит за Арменией, помогает Армении, в это время соседний Азербайджан блокирует железнодорожные магистрали, перекрывает кислород в зоне бедствия! И не на день, не на два — целых шесть месяцев блокады в течение двух лет!

Центр делает вид, что ничего особого не происходит. Но мир не перестает дивиться: в одной стране одна союзная республика пытается экономически задушить другую!

И мне непонятно и как человеку, и как руководителю: почему Москва спокойно терпела это? Почему не смогла открыть эти дороги? Мог же Горбачев в конце концов сказать азербайджанцам, что если блокада не будет снята, центр прекратит им поставки? Ни решительных шагов, ни жестких санкций.

— Не кажется ли вам, что центр к обеим республикам применяет политику кнута и пряника? Вы сделаете то-то, а мы пойдем в этом случае на уступки. Или согласитесь с этими условиями, а мы будем построже с вашим соседом и т. д. Даже взрывоопасная ситуация в Шаумяновском районе Азербайджана, где местный ОМОН при поддержке войск МВД СССР и Советской Армии под предлогом проверки паспортного режима безнаказанно депортирует армянское население, удивительно напоминает политику центра в блокадные дни. Эта политика вряд ли принесет центру какие-нибудь дивиденды.

* * *

Для меня, как практически для большинства моих соотечественников, зона бедствия стала конкретным участком работы. Наша газета взяла на себя нелегкое бремя издания ежедневного восьми-, а порой и двенадцатиполосного информационного приложения «Надежда». Оно приходило не только к читателям республики, но распространялось по многим регионам страны. Домой я приходил лишь сменить сорочку и побриться. Порой спали в типографии. Нередко именно здесь дописывались последние материалы и с листа отдавались в набор...

Зато какая радость охватывала нас, когда мы узнавали, что благодаря нашим публикациям родители нашли без вести пропавшего ребенка или ребенок нашел родителей!

Ездил и в зону бедствия. Чаще — в Ленинакан. И дело не только в том, что этот город во многом родной для меня: мой дед — из Ленинакана, его приземистый туфовый дом, почерневший от времени, достойно выдержал удары стихии. И поныне так же, как и другие дореволюционные постройки, твердо стоит на земле. Я служил в Ленинакане, свое первое редакционное задание в жизни выполнял здесь.

Ездил сюда я и потому, что в Ленинакане, как нигде в зоне бедствия, были налицо все радости и все просчеты эпопеи восстановления.

Помню, с каким ликованием встретили ленинаканцы первый жилой дом, построенный после землетрясения. Его подняли военные строители — мощное, сейсмостойкое здание, чем-то напоминающее бастион.

Но чаще становилось грустно от мысли, что бараки и, да простят меня ленинаканцы, жалкие самодельные лачуги еще долго будут стоять на месте некогда прекрасного города. Сменялись времена года, и в глазах людей таяла уверенность, меньше оставалось надежды, что центр сдержит слово и они наконец будут жить как люди. Впрочем, я не прав, они всегда жили как люди, делились куском хлеба с соседом, согревали бездомных и несчастных и не роптали на судьбу.

Если б выборы Президента России проводились и в зоне бедствия, то Н. Рыжков набрал бы здесь немного голосов. Может, даже меньше генерала Макашова, печально известного в Армении арестом комитета «Карабах». А ведь совсем еще недавно не было в республике популярнее и почитаемее человека, чем бывший союзный премьер. Телехроника сохранила волнующий сюжет. Разрушенное село. Завалы. Благодарные люди обступили Н. Рыжкова. Какая-то старуха обнимает и крепко, по-матерински целует его...

Поистине неисповедимы пути Господни!

* * *

— Если центр хочет иметь в лице Армении сильную, уверенно стоящую на ногах республику, то, очевидно, ему необходимо всерьез взяться за зону бедствия. Это стабилизировало бы экономическую ситуацию в республике, положительно сказалось и на ее политическом климате. Союзное правительство в этом случае могло рассчитывать на доверие народа Армении, ее руководства, всей нашей республики. Тогда бы мы, безусловно, укрепили наши отношения с Союзом. Но многие из организаций при молчаливом согласии центра стали относиться к восстановительным работам как к обычному строительству, полностью исключив их из разряда чрезвычайных.

— Вы связываете вопрос подписания Арменией Союзного договора с положением дел в зоне бедствия?

— В какой-то степени да. Ну, скажите, пожалуйста, как сегодня агитировать, просить, требовать у народа поддержки нового договора, если центр предал забвению все свои обещания?

— И все же, на ваш взгляд, нужно подписывать сегодня договор?

— Как человек, проработавший в народном хозяйстве 34 года, я считаю, что Союзный договор нам надо подписать. Но какой Союзный договор Армения должна подписать? Только тот, который даст ей не на словах и не на бумаге, а в реальной жизни возможность получить независимость, укрепить экономический потенциал, стать самостоятельным государством, тесно взаимодействующим со всеми суверенными республиками. Я за такой договор.

— Наверное, такой подход диктует вам и сегодняшнее положение дел в зоне бедствия?

— Знаете, я никогда не считал, что зону мы можем поднять собственными силами. Ни в первые дни землетрясения, ни сейчас. Можно восстановить все, разрушенное стихией, до 1995 года, но при условии, что центр будет оказывать нам поддержку. А можно растянуть эту работу на 25—30 лет, если этой помощи не будет.

* * *

Землетрясение оставило глубокий след в сердцах людей. Во многом изменились их психология, привычки, отношения к вечному и простому. Память о том трижды проклятом дне жива.

Помню, на встрече ахурянцев с народными депутатами СССР в небольшом зале райцентра земля вдруг задрожала. Буквально с первым толчком к окнам бросились люди. Этот автоматизм уже не вытравишь никогда.

Изменилась и политическая ситуация в республике. Великое бедствие как бы оттеснило на второй план борьбу демократических сил с тоталитарным режимом. Слишком много было сирот и слишком много забот. А прессе стало легче дышать: землетрясение словно прошлось и по идеологическим бастионам... Однако затишье длилось недолго, и очень скоро людские толпы вновь стали выходить на митинги.

Оппозиция использовала не только экономические проблемы, конфликт вокруг НКАО, но и массу вопросов, связанных с зоной бедствия. Куда идет иностранная помощь? Почему привлеченные строители получают более высокую зарплату, нежели армянские? Возвратят ли домой детей-сирот, увезенных за пределы республики?

Порой за второстепенными и даже надуманными проблемами скрывались серьезные, действительно волнующие всех вопросы. Почему, спрашивали митингующие, центр должен командовать парадом в зоне бедствия? Нельзя ведь уповать только на помощь, необходимо самим координировать политику восстановления. Сегодня центр помогает, а завтра он может отказать в помощи.

Время показало, что в этих словах было немало правды.

Я бы не хотел, чтоб у читателя сложилось мнение, будто Армения опустила руки, отчаялась, покорилась судьбе. Да, центр подвел, да, была блокада, да, за два года выполнено всего 15 процентов восстановительных работ.

Но, может, именно в этот период Армения почувствовала, что зона будет отстроена, пусть не за два года, но обязательно отстроена.

* * *

— Мы сегодня не просим у центра, чтобы нам посылали строительные бригады, отряды, чтобы представители правительств других республик месяцами сидели в Армении. Армении сегодня нужно не покровительство центра и союзных республик, а реальная финансовая и материальная помощь. И мы восстановим зону собственными силами.

С начала 1991 года правительство республики взяло наконец инициативу в свои руки. С большим трудом, но нам удалось добиться, чтоб финансовые и материальные ресурсы были отданы нам. Правда, не в больших объемах, то, что центр предусмотрел, примерно 2 миллиарда с лишним рублей. Неоценимую помощь Армении оказала Российская Федерация. Она не только выделила материально-финансовые ресурсы, но и сохранила в зоне бедствия свои строительные подразделения. Результаты уже налицо. Мы за это время самостоятельно сделали значительно больше, чем за целых два года всеми союзными организациями и под руководством центра. В Армении побывала депутатская группа Верховного Совета СССР, ход работ был проанализирован на заседании Комитета по строительству ВС. Мнение единогласное: лед тронулся.

— Но есть, наверное, внутренние проблемы? К примеру, люди говорят, что часть стройматериалов, предназначенных для зоны бедствия, уплывает налево.

— Правильно говорят. И с этими людьми, обворовывающими зону бедствия, я бы боролся как с мародерами.

Есть и другие негативные примеры. Возьмем тот же многострадальный Ленинакан. Здесь 220 тысяч населения. В строительном комплексе города занято около 25 тысяч рабочих, большая часть которых приехала из других городов. Не хватает еще около 5 тысяч пар рабочих рук. А в это же время в городе немало праздношатающихся молодых людей, ищущих свое место в жизни. А ведь им самое место на стройках. Негоже, чтоб твой дом строили другие. Кстати, ленинаканцы, да и жители других городов и сел зоны бедствия, участвующие в восстановительных работах, получают квартиры раньше других.

* * *

Вчера я вновь ездил в зону бедствия. Конечно, и в Спитаке, и в Ленинакане налицо изменения. Растут дома, школы, больницы... Как на картинке в иллюстрированном журнале, стоят объекты, построенные итальянцами, норвежцами, немцами, англичанами.

...В Ленинакане, у строящейся школы кружили хоровод детишки. Они слишком малы, чтоб осознать все проблемы, связанные с зоной бедствия. Детишки пели и плясали. Это Армения, ее будущее. И она возродится из пепла. Обязательно возродится.

Спитак — Ленинакан — Ереван

теле-маркет

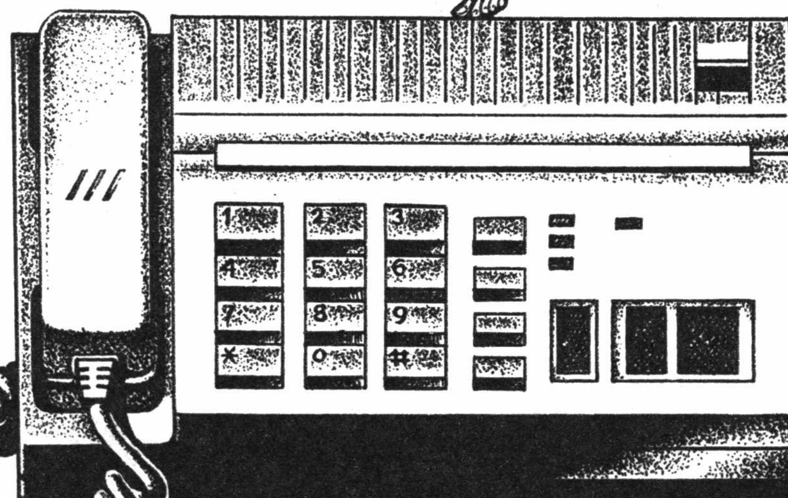
ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА НАЧИНАЕТСЯ С ТЕЛЕФОНА

972-59-18, 972-59-28, 972-59-38

Заявки на сделки КУПЛИ-ПРОДАЖИ из любой точки страны по ТЕЛЕФОНУ.

ТЕЛЕ-МАРКЕТ ПРИНИМАЕТ ИНФОРМАЦИЮ ТОЛЬКО ОТ ОРГАНИЗАЦИЙ!

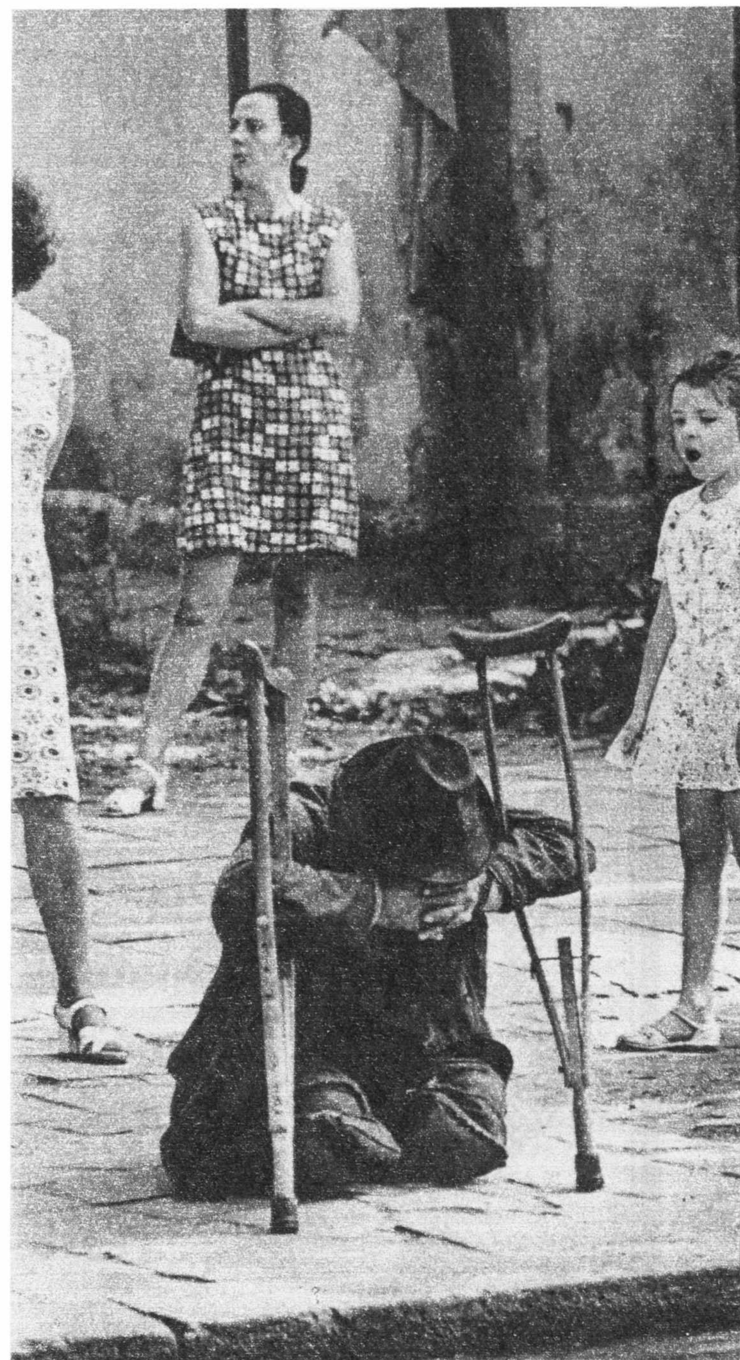

Предложения о создании региональных представительств отправляйте по факсу (095) 117-26-30.

теле-маркет

Е.К.

«КАЛИФОРНИЯ — СИБИРЬ»

Цель проекта — объединить американских и советских фотографов и предоставить возможность поработать в совместных поездках.

В Красноярске одиннадцать фотомастеров из США оценили снимки наших участников конкурса, спонсором которого стал журнал «Огонек».

Первое место занял Игорь Гаврилов (Москва). Его приз — это год обучения в Фотографическом институте Брукса г. Санта-Барбара, Калифорния.

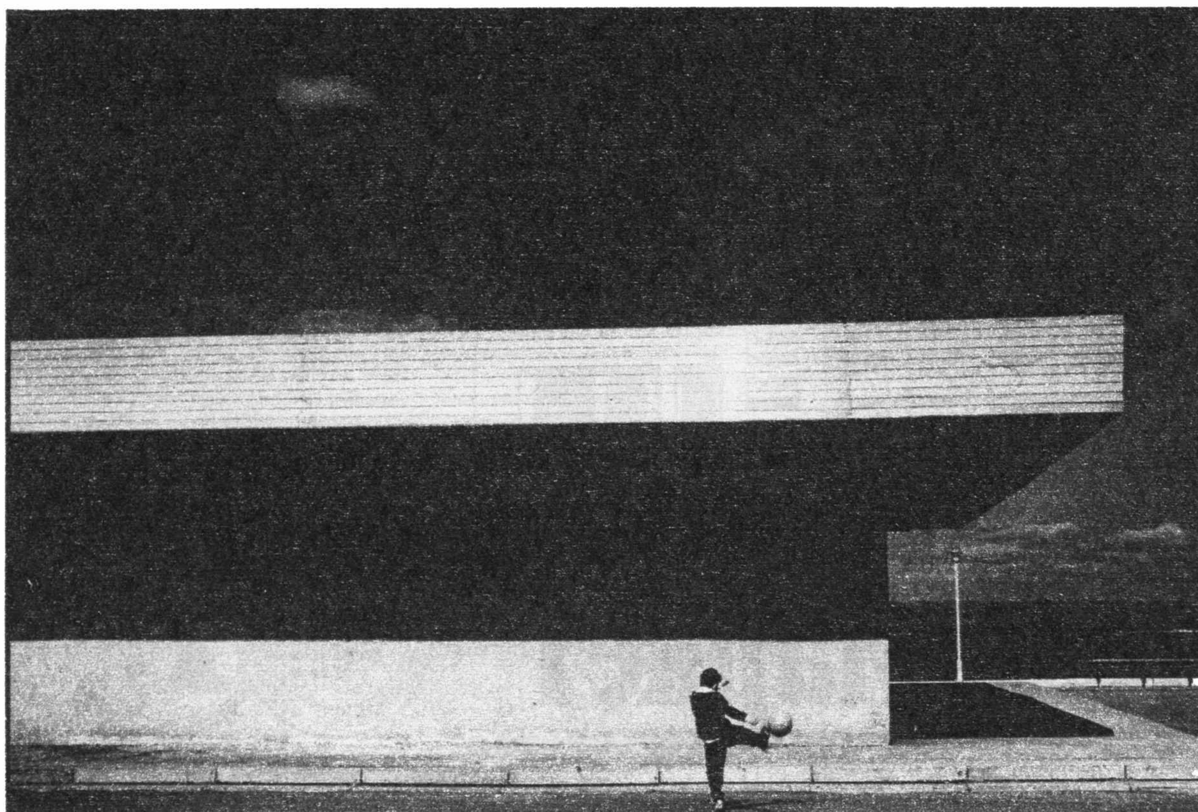
Второй приз — фотокамеру «Минолта-Максум-700» получил Сергей Осьмачкин (Куйбышев).

Третий приз — кофр «Темпак» присужден Александру Копачеву (Москва).

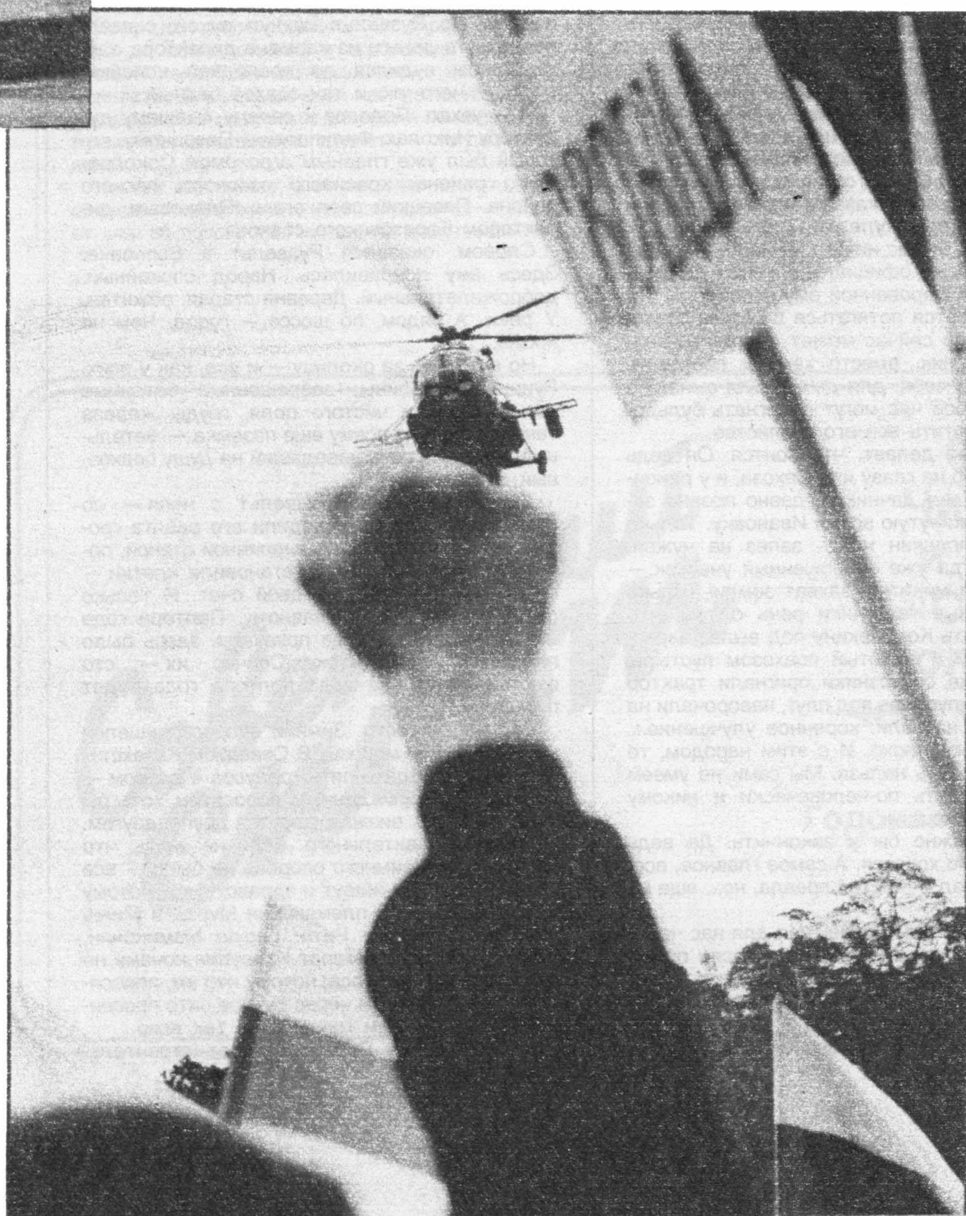
В глазах наших судей фотографии, попавшие в финал, были самого высокого качества. Наши наилучшие пожелания победителям конкурса!

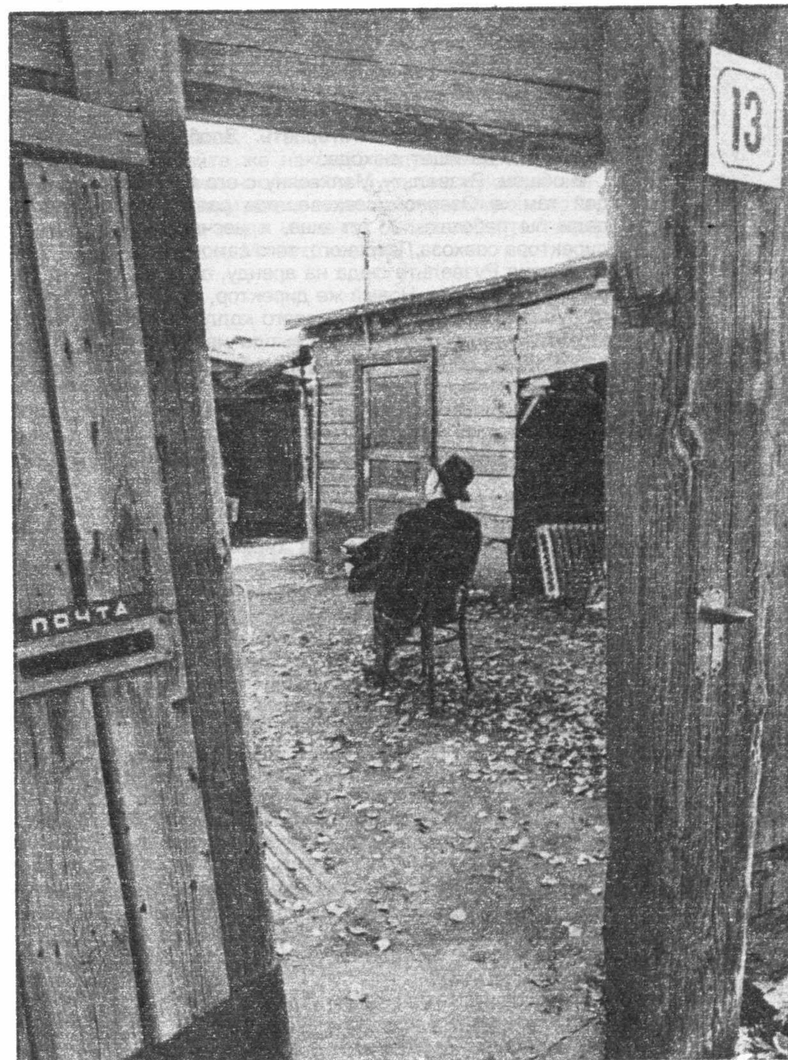
Дэвид ЛИТЧЕЛ, профессор, директор проекта «Калифорния — Сибирь»

ФОТО Игоря ГАВРИЛОВА (Москва), Сергея ОСЬМАЧКИНА (Куйбышев), Александра КОПАЧЕВА (Москва).

13
ПОЧТА

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

СУД

оптимистические драмы наших дней

Рузвельта поджигали два раза. Подпирали двери вагончика, где он жил с бригадой, и — поджигали. Хорошо, что окна вагончиков без решеток. Разбивали окна и выпрыгивали. Спасались.

А дальше что? Податься ведь некуда. На жалкую кучку людей, жмущихся к полыхающему вагончику, все село смотрело враждебными черными окнами. И участкового не дозовешься: он в восемь часов вечера запирается дома на все засовы: мол, делайте с «этими» что хотите.

И «делают»: караулят, устраивают драки, поджигают... Охота!

Бог их простит. А заодно и меня за то, что скажу: можно понять истоки их злобности. Это ведь не село — само слово «село» предполагает какую-то обжитость, уют,— а совхозный поселок. На советском языке — «Центральная усадьба». А те поселки, что вокруг, тоже не имеют человеческих имен, а на том же советском языке именуются «отделениями» и различаются по номерам. Со дня основания здесь не знали достатка, вся жизнь — и совхозная, и личная — сплошной убыток, всяк, кто мог, уехал, остались те, кому податься некуда, кругом степь, пыль, запустение, обшарпанные дома — обшарпанная жизнь... А тут «эти» понаехали: работают не от зари до зари, а круглосуточно, с каждого поросенка глаз не спускают, мясо сдают десятками тонн, «деньгу зашибают»!

Конечно, как такое стерпеть. Злоба на жизнь всегда ищет выхода.

В общем, Рузвельту Малхасяну с его бригадой там, в Озерном совхозе, все равно не дали бы работать. А тут еще, к несчастью, директора совхоза Песоцкого, того самого, что пригласил Рузвельта сюда на аренду, перевели в другой район. Новый же директор, недолго думая, собрал совет трудового коллектива и расторг договор, отказался выплачивать заработанные деньги. Мол, кукиш вам, хапуги! И то жирно будет.

Еще прошлым летом, когда я узнал от Рузвельта об этой истории, запала мне в голову мысль. Поехать к тому директору и сказать: дорогой товарищ, объясни мне просто, по-человечески, логику своих поступков. Я понимаю, ты привык: что хочу, то и ворочу, но ведь не во вред же себе! Ведь в твоем совхозе пало двести поросят из пятисот, а у Рузвельта — девять. Твой совхоз насквозь убыточен, а Рузвельт приносит тебе какую-никакую прибыль. Ты же будешь сдавать мясо, выращенное бригадой Рузвельта, и засчитывать его в план своего совхоза! Объясни, почему ты рубишь сук, на котором сидишь?

Вот что я хотел ему сказать. Но потом, по размышлении, пришел к простой мысли: а почему тот директор обязан быть лучше нас? Он что, не народ? Не мы с вами? Он что, не выражает, не несет в себе нашу психологию и нашу мораль: отнять, поделить, не пущать, не дать разбогатеть?

Я вспомнил совхозную экономистку, которая подсчитала, какие убытки, сотни тысяч, приносит государству совхоз и какую прибыль дает арендная бригада, и сказала... Знаете, что она сказала?

Она сказала: «Разгонять надо этих арендаторов, а то они нас совсем разорят!»

Я вспомнил другого петропавловского знакомого, шофера-аса Толю Рассказова, который жил на заимке и взял на откорм бычков и свиней. И до заимки добрались: подперли, забаррикадировали двери сараев и подожгли. Толя отстроился, снова взял скотину на откорм — и снова подожгли. Так он и перебрался в город. В прошлом году говорил мне: «Директор зовет... Но я пойду, если только дадут ссуду тысяч пятьдесят или сто, чтобы отгородиться, отстроить усадьбу не ближе двадцати километров от села».

Понимаете: человек хочет отгородиться от людей, то есть от нас с вами.

А Колгушкин?! Скандально и печально известный на всю область Андрей Юрьевич Колгушкин?! Он ведь ушел на пенсию по инвалидности, переехал в родительский дом, в халупу в заброшенной деревне Ивановке, и развел там «кулацкое подворье». Да так старался, что выздоровел, инвалидность с себя снял. У него восемь лошадей, двадцать дойных коров, тридцать свиней, а поросятам, подсвинкам, овцам, козам и курам и счета нет. Он трактор купил списанный и грузовичок такой же. Не удивляйтесь, что «частнику» гостехнику продали; сами знаете, нынче за мясо можно все добыть. Колгушкин так и говорит, оглядывая свое стадо: «Моя валюта никогда не обесценится!» Он списанные пиломатериалы купил и коровник построил. На зиму обкладывает его тюками соломы. Летом ту солому пускает на подстилку, коровник проветривается, просушивается, прокаляется на солнце. Не то что совхозные бетонные многомиллионные громады, где всегда холод и сырость и все — абсолютно все! — северо-казахстанское молочное стадо больно туберкулезом.

Колгушкину от нас ничего не надо, он одного только просит: официального статуса фермера и земли, дарованной ему навечно. И тогда он собирается потягаться с целым совхозом. Он ведь и сейчас может построить добротный коровник, вместо халупы поставить три дома: для себя, для дочки, для сына. Но боится: в любой час могут подогнать бульдозер и разворотить все его хозяйство.

И правильно делает, что боится. Он ведь словно бельмо на глазу и у совхоза, и у районных властей, и у дачников, давно прочно захвативших покинутую всеми Ивановку. Только заступил Колгушкин межу, залез на чужой, неведомо когда уже заброшенный участок,— его сразу под микитки: захват земли! Только завели местные газетчики речь о том, что надо бы отдать Колгушкину под выпас заросший бурьяном и забытый совхозом пустырь, как тотчас же совхозники пригнали трактор и пустили тот пустырь под плуг, наворочали на нем глыбы и назвали: коренное улучшение...

В общем, все плохо. И с этим народом, то есть с нами, жить нельзя. Мы сами не умеем и не хотим жить по-человечески и никому другому не позволим.

На этом можно бы и закончить. Да ведь жить все равно хочется. А самое главное, все, что я рассказал,— чистая правда, но... еще не вся правда!

Другая же, новая, важнейшая для нас часть правды в том, что Рузвельт Малхасян подал на совхоз в суд — и выиграл процесс!

Подневольный арендатор восстал против всесильного ведомства. А по сути: частное лицо — против государства!

Понимаю, что прозвучит высокопарно, но все-таки скажу: это не Малхасян выиграл процесс у совхоза — это новое время победило старое. Это уже в новые времена приехала в Благовещенку и стала там судьей выпускница юрфака Любовь Владимировна Трегуб. Судя по всему, человек решительный, она к тому же не была обременена тяжким опытом прошлого, и потому ее заботило лишь одно: докопаться до сути. А разобравшись, вынесла решение. Это новые времена поумерили напор всемогущих чиновников от государства и от партии, и хотя они затянули процесс на полгода, но прежнего нахрапа уже не чувствовалось: опасались... А вслед за тем первым процессом в соседней Пресновке еще один арендатор подал иск на колхоз — и пресновский судья Кайрат Каскеевич Шакимов вынес решение в пользу арендатора. Но там, как рассказывает Шакимов, в суд даже и не пытались звонить и на кассацию не подавали: понимали, что изменилась общественная атмосфера.

Бригаде Рузвельта Малхасяна выплатили заработанные ею тридцать девять тысяч рублей. Адвокат советовал подать еще один иск: на двадцать семь тысяч, на среднюю зарплату за семь месяцев без работы, и гарантировал победу. Но Рузвельт махнул рукой, сказал: если бы те деньги из кармана директора взяли, я бы судился до последней копейки, а так — чего уж, и так совхоз бедный...

И — уехал. Подался к своему бывшему директору Николаю Филипповичу Песоцкому, который был уже главным агрономом Соколовского района: красивого озерного, лесного района. Песоцкий свел его с Юдаковым, директором Березовского совхоза.

Словом, оказался Рузвельт в Борневке. Здесь ему понравилось. Народ спокойный, доброжелательный. Деревня старая, обжитая. У реки. А рядом, по шоссе,— город. Чем не жизнь.

Но выйдешь за околицу — и все, как у всех. Руины, развалины, заброшенные бетонные стены посреди чистого поля, груды железа там и сям, да ко всему еще поземка — метельный, тоску и стынь наводящий на душу совхозный пейзаж.

Так что начинал Рузвельт с нуля — со строительства. Перегородили его ребята громадный бетонный ангар кирпичной стеной, побелили, провели тепло, установили клетки — все своими руками, за свой счет. И только потом приступили к главному. Полтора года назад, когда они сюда приехали, здесь было пятьдесят свиноматок. Сейчас их — сто шестьдесят. Еще через полтора года будет пятьсот.

Все ведь просто. Зимний опорос пришелся на крещенские морозы. В Северном Казахстане минус двадцать пять градусов с ветром — норма. А новорожденным поросятам хоть бы хны — бегают, визжат, дерутся друг с другом. И ничего удивительного. Если не знать, что раньше здесь зимнего опороса не было — все вымирали. А эти живут и здравствуют, потому что Рузвельт, его племянники Мурад и Миян, их жены Света и Рита, Гаруш Мамиконян, Василий Никиша и Марат Кайрулин ночами не спят во время опороса; потому что им, поросятам, они комбикорм через ручное сито просеивают... Да что там говорить, и так ясно.

Одновременно Рузвельт ведет строитель-

ство, восстанавливает заброшенные бетонные коробки. Отдельно будет маточное поголовье, отдельно — откормочник. Землю хочет взять, чтобы самому корма выращивать. Ездил в город, начал переговоры об открытии своего мясного магазина. А поскольку пустующих бетонных коробок много, то почему бы в одной из них не устроить звероферму, не развести песцов, норку?

И Колгушкин не пропал. Однажды пришел к нему городской человек по фамилии Ситников Иван Григорьевич, дачник из той же Ивановки, начальник станции техобслуживания автомобилей, и сказал: давай мы с тобой заключим договор... Ты нам — мясо, а мы тебе — деньги и вообще — посильную помощь. Если договор — значит, Колгушкин как бы на службе. И в случае чего за тунеядство не притянут ни его, ни его сына.

И взял Колгушкин на свое кормление сто двадцать городских мужиков со станции техобслуживания. И снабжает их мясом по два пятьдесят за кило, в среднем в год на каждого по семьдесят — восемьдесят килограммов приходится. Как в высокоразвитых странах...

А еще прошел слух, что один громадный завод в Петропавловске хочет специально для Колгушкина построить большое фермерское хозяйство, чуть ли не полмиллиона рублей вложив в дело. Только приходи, Колгушкин, владей, корми.

Но это в другом районе, и Колгушкин колеблется: хочет в своей деревне, на родительской земле получить право жить и работать так, как ему желается.

И дождется. Получит. В этом я уверен еще и потому, что недавно в Петропавловске встретил Иглека Усинова. Иглек — это уже другое поколение. Молод. Современен. За плечами — институт, полеводческий комплекс, которым он руководил в Хмельницком совхозе. А потом, собрав вокруг себя таких же молодых ребят, взял землю в аренду. Получили большой урожай, заработали кучу денег. Сейчас подумывают о расширении дела, о том, чтобы все самим делать: от выращенного зерна до выпечки хлеба, от откорма скота до производства и продажи колбасы.

Конечно, кругом рогатины. От дирекции совхоза до облисполкома и агропрома. Больше всего Иглека бесит обтекаемость и неопределенность. Ему ведь во всех кабинетах говорят: ты вроде бы и наш и в то же время не наш... Уж лучше бы откровенно душили — тогда хоть ясно.

Но так или иначе, а Иглек уже не тот, что раньше. Уже не кипит, не возмущается — знает, что за просто так ничего не дадут: или ты берешь свободу и делом доказываешь свою правоту — или сиди и не рыпайся и никого ни о чем не проси.

Но это — к слову. А приехал он в Петропавловск, проделав триста с лишним верст сквозь метель и пургу, потому что прослышал о Колгушкине, узнал, что его брату-арендатору, одиночке Колгушкину не открывают счет в банке. Мол, необходимо чье-то солидное поручительство. И приехал поручиться за Колгушкина. Своими кровными, что называется, деньгами.

Вот поди и попробуй после этого быть пессимистом. К тому же Иглек собирает сейчас всех арендаторов и фермеров в союз, в одну организацию с районными, областными структурами. Так что теперь Малхасяна, Колгушкина, Усинова и всех других голыми руками не возьмешь.

И, наконец, о самом главном. На мой взгляд, сейчас на суд времени, на чашу весов положены война и мир.

Война идет давно, с тех пор, как объявились на нашей земле арендаторы, а затем и фермеры. Но давайте задумаемся: кого мы морально убиваем в этой войне? Ведь арендатором и фермером может стать далеко не каждый. На такое идут самые энергичные, предприимчивые, самые сильные и трудолюбивые. Вы думаете, Малхасяну, Колгушкину или Усинову не хватит заработанных денег, чтобы остаток дней бездельничать и греть пузо на солнце? Думаю, хватит. Так чего же они рвут жилы? Да просто потому, что иначе не могут, природа у них такая.

Вот и получается, что мы в этой войне убиваем тех, кто составляет золотой генофонд крестьянства.

На защиту крестьян поднялось общественное мнение. Оно обрушилось на гонителей, на совхозно-колхозную систему и, по логике, персонифицировало ее в лице директоров. Вроде бы все верно, не счесть директоров-гонителей. Но логика войны есть логика войны, и наше общественное мнение в упор не видит директоров-защитников. Не видит Ситникова, Песоцкого, Юдакова, тысячи других. А это, как правило, редкие люди. Редкие прежде всего по сумме знаний, по опыту. Они коммерсанты и дипломаты, и агрономы, и зоотехники, и экономисты. От физической и химической структуры почвы до того, как надо пощелкать ногтем по соску коровы, чтобы она отдала оставшееся молоко,— все они знают.

Вот и получается, что в этой войне с другой стороны мы морально уничтожаем мозг крестьянства.

Логика войны не признает полутонов и сложностей. Например, таких. Сколько лет дружим мы с Виталием Михайловичем Юдаковым — столько и спорим. Я — за вольное фермерство, он — за совхозы. Но вот что странно: доярок перевел на аренду он, Юдаков, убежденный совхозник. Рузвельта Малхасяна приветил, отдал ему в аренду практически все свиноводство — он же, Юдаков. Неужели он не понимает, что там, где аренда, там рукой подать до вольного фермерства? Понимает. Так в чем же дело?

Наверно, в том, что он понимает и другое. Польза дела, объективный результат — выше личных мнений и пристрастий. Был бы хлеб, молоко, мясо, а как там называется их производитель: совхоз, арендатор или фермер — в конечном счете не суть важно.

Так, может, хватит нам воевать и делать врагов? Может, задумаемся над невнятными еще сигналами времени?

Мне представляется, что ход жизни подталкивает нас к осознанию нового, неожиданного для оппонентов, для нашего общественного мнения союза — союза директоров с арендаторами и фермерами!

С одной стороны — энергия, предприимчивость, трудолюбие, порыв к свободе. С другой — знания, опыт, масштабность мышления, наконец — мощная материальная база.

Это будет могучий союз, которому по силам вытащить страну из голода, холода и нищеты. Ведь мало того, что есть нечего, так на это «нечего» цены растут день ото дня. А председатель Госкомцен фарисейски заявлял на всю страну, что траты, мол, большие, что дотации сельскому хозяйству составляют десятки миллиардов рублей. Нет, дорогой товарищ, вещи надо называть своими именами. Это не дотации. Это убытки, которые приносит нам колхозно-совхозная система и которые государство опять же покрывает из наших карманов.

И кажется, что все просто. Дай только мужику землю — и... В идеале — да, конечно. Но мы же видим, что происходит в действительности. С одной стороны — препятствуют изо всех сил, а с другой стороны — мужик и сам побаивается, видя такое. Тракторы, сеялки, удобрения, комбайны, ремонтная база — у кого? В том и дело. Но если он, мужик, будет знать, что директор за него,— тогда и смелости прибавится. Важно ведь начать.

А мы, не разбираясь, мажем подчас одним миром весь директорский корпус, делаем из них врагов.

Давайте же наконец задумаемся. Еще раз вспомним, что в войне лучших с лучшими всегда победителем оказывается люмпен, которому не надо ни-че-го! Вспомним, что такое уже было. Может, хватит?

МАСТЕРСКАЯ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ОН ЕЩЕ И РИСУЕТ...

«Интересно, этот художник — однофамилец известного писателя или Юрий Коваль не только пишет книги, но еще и рисует?»

Так, наверное, подумают многие, раскрыв «Огонек» на этой странице. Скажу сразу: писатель и художник — одно и то же лицо.

Творческий путь Юрий начинал именно как художник, но так уж случилось, что известность принесли ему детские книги. Для Коваля-писателя судьба оказалась милостивее, она послала ему тот лучик удачи, в котором несправедливо отказала как художнику.

Шел 1960 год, когда в журнале «Смена» появилась статья А. Свободина «Двое пришли в искусство». Критик напутствовал теплым словом молодых художников, заканчивавших тогда педагогический институт, Юру Коваля и Галю Эдельман.

«Юрий Коваль — художник с чрезвычайно развитым чувством цвета,— писал Свободин.— Можно сказать, что он мыслит цветом. Это — редкое дарование. Это значит, что художник, отталкиваясь от реального цветового звучания, идет дальше, усиливая звонкость красок, доводя их до ослепительного сияния...

Галя и Юра — очень молодые художники, они лишь начали, ищут, но они уже в искусстве и пришли к нему путем своеобразным».

Невозможно теперь понять, почему первая публикация работ выпускников пединститута и теплое напутствие в молодежном журнале вызвали такой гнев где-то «наверху». Главного редактора «Смены» и главного художника наказали, а в газете «Комсомольская правда» появилась статья под многозначительным заголовком «Чувство цвета и чувство правды».

«Чувство цвета у Коваля есть, но где же чувство правды?» — сурово вопрошал комсомольский критик, пожелавший остаться неизвестным (статья шла без подписи).

Молодого учителя литературы, мечтающего стать художником, пригвоздили к позорному столбу как «бездарного подражателя Рериха».

Нет, от этого злопыхательского окрика Юрий Коваль не перестал быть художником, не прекратил работать. Но с официальным признанием было покончено на целые десятилетия. Тучи сгустились окончательно после разгрома Хрущевым в 1962 году известной выставки художников в Манеже. Правда, больше, чем Юрию, досталось тогда его старшим друзьям, которых он считает своими наставниками в искусстве,— талантливым скульпторам Владимиру Лемпорту, Вадиму Сидуру и Николаю Силису. В их мастерской мы и познакомились с Юрием Ковалем больше тридцати лет назад...

Вряд ли что может сильнее повлиять на становление молодого творческого человека, чем атмосфера художественной мастерской. В темноватом, сыром подвале на бывшей Чудовке, напротив церкви Николы Чудотворца умели взахлеб работать и легко, весело отдыхать. Здесь спорили об искусстве, читали стихи, пели под гитару собственные и чужие песни. Здесь бывали начинающие и уже маститые поэты, писатели, архитекторы, режиссеры, ученые, художники. Официально непризнанные, разруганные почти во всех органах печати, хозяева мастерской Лемпорт, Сидур и Силис пользовались среди самых широких кругов «интеллигентной» Москвы огромной славой. Их талант и неизбывное трудолюбие, позволявшие работать над скульптурами из гранита, гигантскими многофигурными композициями для театров, библиотек, научных институтов, заниматься резьбой по дереву, эмалями и маленькими керамическими статуэтками,— уже это само по себе было предметом восхищения и подражания, школой искусства и школой мужества.

В этом подвале Юрию Ковалю выделили маленькую комнатушку, где он экспериментировал, сам делал для себя краски.

Впервые Юрий попал сюда в 1956 году, будучи еще студентом историко-филологического факультета. Он попросил разрешения у Лемпорта, Сидура и Силиса написать в их мастерской натюрморт — полка с готовыми скульптурами. Начав работать, увлекся и не заметил, как хозяева, бросив дела, стали за его спиной и молча наблюдали. Они узнавали и не узнавали собственные скульптуры. Юрий вносил в работы что-то свое. Скульпторов это и раздражало, и... притягивало. Первым не выдержал Вадим Сидур: «Что за поросячий фон?!» Он схватил кисть и стал подправлять. В общем, натюрморт они закончили писать вчетвером. И подружились.

Так под крылом друзей начинающий тогда художник Юрий Коваль обрел свой первый приют. Правда, ненадолго. Мастерская была под неусыпным наблюдением определенных органов: слишком свободные разговоры велись тут. Хозяевам строго заметили, что Коваль «не прописан». Юрий вынужден был искать новую пристань...

...Мы смотрим работы Коваля. И старые. И те, что он делает сегодня. Пейзажи, портреты, эмали. Мне жаль, что он сейчас почти оставил портретную живопись, которая мне всегда нравилась, особенно портрет поэта Арсения Тарковского.

— Из старых картин люблю больше темные пейзажи,— говорит Юрий. А меня сильнее привлекает буйство красок в его «Ялтинской сосне». Здесь как бы переход к его современным работам, к эмалям.

В мастерской много эмалей. Еще сырых, полуготовых. Полностью обожженных. Евангельские сюжеты: «Вход в Иерусалим», «Преображение», «Успение», «Покров Богородицы», «Троица».

— Икону я любил всегда,— рассказывает Юрий.— Сначала подсознательно, как человек верующий, страдал, видя разрушенные храмы. Потом стал вникать как художник. Может, и не очень глубоко, по силам. Любимый сюжет у меня — «Вход в Иерусалим». Както мне подарили такую икону, и я стал собирать эту тему. А потом попробовал писать сам. Пытался работать маслом, затем — в иконописной технике. Не очень получалось. И вот прошлой осенью захотелось возобновить это в эмалях. Ты знаешь, был период, когда я работал на Гжельском заводе у Володи Лемпорта и Коли Силиса подмастерьем, осваивал керамику. Свой любимый сюжет «Вход в Иерусалим» я и выполнил в эмали. Получилось сразу, с первого обжига. Даже не верилось. Позвонил Володе с Колей. Те сразу приехали смотреть. «Получилось,— говорят,— делай дальше». Я сейчас эту доску считаю своей лучшей.

Говоря о Ковале-художнике, нельзя не вспомнить человека, оказавшего на его творчество огромное влияние, которое, я бы сказала, проявляется с каждым годом все сильнее,— Бориса Петровича Чернышова. Это был удивительный человек! Талантливый скульптор, художник, философ, эрудит, профессор, автор монографий о древнерусском искусстве. Он устроил себе мастерскую... на крыше Библиотеки имени Ленина. Туда проникали тайно, по шаткой пожарной лестнице, чуть ли не с опасностью для жизни. Но зато это отчасти гарантировало от прихода нежданных гостей.

На крыше Ленинки, имея в своей мастерской самый прекрасный обзор, Борис Петрович работал, вечерами варил в котелке картошку, попивая неизменный чифир с теми, кто добирался сюда. И, конечно, вспоминались булгаковские герои, что смотрели на Москву с этой же крыши бывшего Румянцевского музея...

— Ты помнишь Бориса Петровича Чернышова? — Словно угадав мои мысли, спрашивает меня Юрий.— Так вот, когда мой учитель творчески копировал Дионисия в Ферапонтовом монастыре, он не называл свои работы копиями. Он называл их «Разговор с Дионисием». Я, конечно, не берусь создать образ, служащий предметом молитвы. Мои работы — некая вариация на темы древнерусского искусства. Я тоже веду свой разговор... Что такое икона? Как я понимаю, это посредник приобщения человека, так сказать, к «горнему миру». Человек смотрит на икону и как бы настраивается, чтобы отдаться разговору души своей с Богом. Икона отвечает запросу души. Когда я пишу собственные вещи, я тоже отвечаю естественному запросу души...

Работы свои он обжигает на баковском заводе «Эмальпосуда». Там его полюбили. Сначала рабочие удивлялись, почему известный писатель торчит у печи. Делает такие красивые эмали, но не продает их. Для них он чудак, но появление его в цеху — всегда праздник.

Праздник это и для Юрия. Вот его доска вместе с кружками, ведрами и кастрюлями выезжает из печи после обжига. Она раскалена, краски сияют, она прекрасна! Юрий хватает ее горячую, обжигается. А когда эмаль остывает, находит в ней тысячу недостатков и готов все переделывать заново.

— Ты знаешь, как приятно, что рядом с твоей работой выходят из печи эти кружки, ведра, кастрюли, такие необходимые всем вещи. Может, мои эмали тоже нужны людям? Может, наведут их на мысли о вечном?..

Коваль снова ставит передо мной «Вход в Иерусалим».

— Иногда на русских иконах,— говорит он,— вместо пальмовых ветвей художники изображали встречающих Иисуса с вербою в руках. Я на такое пока не решился, но думаю в будущем сделать «Вход в Иерусалим» с вербами, «Вербное воскресенье» — наш праздник.

На некоторое время мы замолкаем.

— Юра, я давно хотела тебя спросить, почему ты никогда сам не делаешь иллюстрации к своим повестям и рассказам? По-моему, только одна книжка вышла с твоими собственными рисунками — «Самая легкая лодка в мире»?

— Я думал над тем, почему мне неинтересно иллюстрировать свою прозу. Потом понял: я уже высказался, мне нечего добавить к написанному. Другой же художник посмотрит по-своему. А потом тебе ведь известна моя точка зрения: не путать в себе писателя и художника. Это разные стороны медали.

Пусть простит меня Юрий Коваль, но я остаюсь при своем мнении. Стороны медали, может, и разные. Но сущность — одна. Друзей не обманешь.

Художник и писатель Юрий Коваль.

ОГОНЁК

МАСТЕРСКАЯ

Вместе с фотохудожником «Огонька» Геннадием Копосовым мы устанавливаем работы Коваля для съемки. Юрий вытаскивает свои старые картины маслом. Работы писались в шестидесятые, он их сам давно не видел и удивленно произносит: «Смотри, ведь неплохо, а?» Сейчас он работает в другой манере. Его привлекает техника эмали. Он уходит все дальше от своих первых картин, и поэтому они ему с каждым годом дороже.

ВЕСНА В ТАТАРИИ. Холст. Масло. 1961 г.

Ю. Коваль.
ПОКРОВ.
Горячая эмаль.
1989 г.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ.
Горячая эмаль.
1990 г.

Ю. Коваль.
ВХОД
В ИЕРУСАЛИМ.
Горячая эмаль.
1989 г.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.
Горячая эмаль.
1989 г.

ПРОЧНАЯ, КАК СКАЛА

Вполне возможно, что вы захотите отправиться на новой машине «Ниссан Патрол 4×4» в самые отдаленные уголки планеты. Через крутые горы. По продуваемой насквозь тундре. По дорогам, которых нет на карте.

Технические возможности «Ниссан Патрол 4×4» позволят вам это. Начиная с мощного двигателя: 2,8-литровый шестицилиндровый дизель с надежной системой воспламенения, растаивающей даже в самый суровый мороз. На других модификациях устанавливается 3-литровый шестицилиндровый бензиновый двигатель.

Это машина повышенной проходимости прочная, как скала. Коррозийностойкие конструкции надежно укрывают пассажиров. Гидроусилители тормозов обеспечивают достаточно мощное торможение. Усовершенствованная, рассчитанная на повышенную нагрузку подвеска поглощает неровности пересеченной местности. «Ниссан Патрол 4×4». Готовая к чему угодно и где угодно, она выполнит любое задание.

Автомобили для страны под названием Европа.

На фотографии показана модификация «Ниссан Патрол» с высокой крышей. Наличие и характеристики моделей могут изменяться. За более подробной информацией обращайтесь: **In Nis** Ул. Петровка, 15/13, 103031, МОСКВА. Тел. 927-11-87. **Auto-Sun,** Грохольский пер., 129010, МОСКВА. Тел. 280-34-00.

Начало см. стр. 7

ТАМ ХОРОШО, ГДЕ ВАС НЕТ

лось народу? Даже вечером, особенно поздним, иногда образуется совсем утренняя давка. Это проявление рыночной экономики, как ее представляют себе руководители московского метро: боками пассажиров они немножко экономят на расписании поездов — увеличили интервалы до нью-йоркского уровня. Хозяевам метро очень выгодно, когда мы, чужие мужчины и женщины, приникаем телами друг к другу. Иным становится дурно от этого группенсекса, особенно старушкам, они начинают задыхаться.

А вагонные кондиционеры? Хотя москвичи и живут в прекрасном климате (1:0), летом в жару они все же мечтают о них. Особенно когда едут переполненным наземным транспортом. Проезжая мимо любого общественного здания, они глядят на фасады и, чтобы занять себя, отвлечься от давки, считают выступающие в окнах решетки-радиаторы. Каждый из москвичей в состоянии решить такую детективную задачку: дан дом, определите, за каким окном сидит начальство? Нет ничего проще! За тем, из которого торчит кондиционер. Иногда торчат два. Следовательно, это очень высокое начальство или, что то же самое, очень хлипкое: понимаете, оно не выносит жары... Бывает, что в комнате такой же площади за стиснутыми столами сидит десяток служащих. Это простые советские люди с отменным здоровьем. Им жара нипочем, в жару они очень любят вызовы к начальнику в прохладный кабинет, даже за выговором,— неприятность компенсируется недолгой возможностью подышать свежим воздухом.

Так мы незаметно перешли к нашим деловым центрам. В Нью-Йорке в них ужасно — сплошной автомобильный поток, превышающий московский в десять раз. Но в этом климате, свидетельствует наш бывший соотечественник, дышится легче, чем в Москве, на Садовом кольце без садов, вовсе не потому, что на Бродвее или Таймс-сквере стоит колоссальный кондиционер,— просто в каждой машине есть катализатор, он поглощает весь дым и чад.

По мне так: пусть себе будет на Садовом кольце машин хоть в сто раз больше, только бы они не отравляли воздух. Тогда в переполненных столами и людьми душных комнатах делового центра станет легче работать. Может быть, служащие станут тогда работать чуть больше? Впрочем, одного этого мало. Никакой иностранец, даже свежеиспеченный, не поймет, зачем служащий, крадучись, вдруг выбегает с сумкой на улицу или смело спускается на первый этаж, где «дают» «заказы», которые никто не дает, а продает с наценкой, и никакие это не заказы, потому что никто ничего заказать не вправе и потому берет подряд все, что «дают». А потом люди за столами в деловом центре города вместо того, чтобы работать, меняются пакетами, шуруют в холодильнике.

Интересно, стоят ли в нью-йоркском деловом центре на каждом этаже или даже в каждом зале холодильники, где служащие держат «заказы» до вечера? У нас презирают учреждения без холодильника. В учреждениях стоит холодильников чуть ли не столько, сколько в квартирах; учреждения не жалеют денег на них и не считают расходов на электричество, хотя и случается, что пустой к вечеру в пятницу обманутый холодильник трудится, то включаясь, то останавливаясь, до понедельника. Мы очень богатая страна, и мы чужого ничуть не жалеем.

То, что сообщается нам о вернувшемся в свою Асторию американце, заставляет пожалеть его. Мы идем домой бульварами, по широчайшим аллеям, а несчастный ньюйоркец — выглядящим по-провинциальному улицам с маленькими лавочками по сторонам. Наши лавочки, конечно, больше. В последнее время они стали выглядеть еще просторнее и столичнее — благодаря оголившимся полкам. Известно, что даже маленькая комнатка раздается вширь и ввысь, когда из нее вывозят мебель. В наших лавочках вывезли не мебель — продукты и товары.

Удивительно только, что вокруг пустых магазинов стоят полные мусорные баки! Их почему-то стали выкатывать на улицу и перестали регулярно вывозить. Идешь мимо такого контейнера и удивляешься везучести незнакомых людей — по смятым упаковкам догадываешься, что молоко в пакетах все еще продается и кому-то удалось его купить. Кто-то даже импортную электронику покупает — вот японские, американские коробки с заграничными письменами.

Надо, однако, сказать, что есть какое-то сходство гарлемских трущоб и Верхнего Бронкса с некоторыми нашими районами. У нас невиданное множество полуразрушенных закопченных пустых каменных домов, но в центре города. Никто не знает их числа! Заместитель председателя исполкома Моссовета однажды обратился к москвичам в любимой передаче «Добрый вечер, Москва!» с просьбой прислать адреса пропавших домов. Чтобы сосчитать! Все же хорошо, что у нас имеется телевидение, иначе как бы Моссовет сосчитал дома?

Хорошо и киношникам. В трех километрах от Кремля — на Сретенке, в Уланском переулке вечно идут съемки фильмов о разрушительной войне. Там так много забытых, покинутых домов, что они вполне сойдут за разбомбленные, хотя их «бомбила» не менее разрушительная преступная бесхозяйственность.

Не удивил нас В. Сербин и сообщением о богатых пригородах, где в покое и благоденствии живут тамошние богачи,— каждый москвич может показать благородные столичные поселки, которые народ нежно называет «Дворянское гнездо», «Заветы Ильича». Однако обитающие там слуги народа сейчас явно встревожены, боятся потерять присвоенные ими привилегии и отчаянно, бесстыдно отстаивают их, не краснея от разоблачений, таких, например, как покупка трех холодильников за 215 рублей — по три доллара за штуку.

В Верхнем Бронксе запущены 15—16-этажные дома — из-за того, что «они перестали приносить доход». Наши «Дворянские гнезда» и «Заветы Ильича» тоже не приносят дохода, но выглядят прекрасно. А не приносят они дохода потому, что наши архитекторы, зная разборчивость заказчика, схитрили: нарисовали комнаты обычных размеров, которые окружают холлы, коридорчики, темные комнатки, кладовки — то есть то, за что деньги платить не надо. Поэтому за тесную квартирку с совмещенными удобствами, с кухонным закутком берут столько же денег, как и за хоромы, в которых течет жизнь благородных, удачливых людей.

Автор рассказа о Нью-Йорке немножко запутался в сравнении телевидения — у нас и у них. Разве у нас нет рекламы? Правда, нас не призывают «покупайте, покупайте, покупайте», например, мясо и носки, рыбу и мыло, консервы и сорочки. Нас призывать не надобно! Мы купим без уговоров. Но ни за что не раскошелимся на современные компьютеры с лазерными принтерами, продающиеся за СКВ — то есть за свободно конвертируемую валюту. Ни за что не уговорите нас, как бы талантливо ни уговаривали. По очень простой причине — нет у нас в кошельке СКВ. Если бы была, мы тоже пошли бы в гостиницу «Россия», постояли бы с иностранцами в одной очереди и обменяли бы каждый доллар на 27 рублей и отправились бы на Центральный рынок. Там потрясающая дешевизна: за один доллар без уговоров продают два килограмма клубники.

Мне кажется, что автор запутался в арифметике. Знаете, я не заплакал, даже не вздохнул сочувственно, читая про финансовые трудности американской семьи, получающей (о, бедная!) около 30 тысяч долларов. Как дороги квартиры! 800 долларов в месяц. Такого расхода я бы не вынес. Как дорого питание! 350. Автобус для детей — это вообще разорение: 100 долларов. Хоть не учись.

Говорят, что в Америке не принято спрашивать, сколько ты зарабатываешь. У нас нравы попроще — об этом говорят. И я признаюсь вслух — чтобы автор понял меня. В переводе на СКВ, я, живя неплохо, зарабатываю 13 долларов 33 цента в месяц. А если с компенсацией — после павловского повышения цен — 15 долларов 55 центов в месяц. Но у нас очень дешевая квартира. И в магазине пустовато. Свою неконвертируемую валюту полностью истратить невозможно. Поэтому у меня водятся денежки.

Не стану спорить с В. Сербиным, с его оценкой школы. Скажу лишь, у нас школы прекрасные, дети очень любят ходить туда, и они обожают учителей, а учителя влюблены в учеников. И с преступностью у нас так славно, так хорошо. Наше телевидение «не смакует подробности всех преступлений», и мы нисколько не боимся ходить по вечерам. Мы смело идем по тускло или вовсе не освещенным улицам и переулкам и не ведаем страха. Если я не прав, если я соврал — пусть меня поправят.

Очень тяжело говорить о своем городе плохое. Потому я не перебивал моих шведских коллег, когда они восторженно отзывались о Москве. Но правильно ли я поступил? Мы уже поплатились за то, что скрывали болезни. Телевидение и газеты взахлеб сообщали нам о наших достижениях, о наших невиданных успехах. Помните, как благостно звучали голоса комментаторов программы «Время», когда они сообщали о наших победах на заводах и в космосе? Какие дивные картинки изобилия показывали нам в разделе «На полях страны»?

Последствия Большого Вранья мы сейчас видим и в магазине — обнаженные полки. И на улице — будто бы разбомбленные дома.

Это убийство: говорить больному, что он здоров,— не станет лечиться. Только правду, одну только правду — и больному человеку, и больному обществу.

Конечно, В. Сербин прав, когда он критикует Нью-Йорк. Ему виднее — он жил там. Но он не прав, когда идеализирует Москву. Он просто забыл нашу жизнь, перестал ее видеть, сказывается ностальгия. Его можно понять. Но мы знаем Москву лучше. Помните, гоголевскую Агафью Тихоновну: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...» Так вот, если бы московское метро приставить к нью-йоркским магазинам; взять единственный «Макдональдс» на Пушкинской площади да присоединить к нему тысячи закусочных, забегаловок, кафе в Манхэттене; наши площади и широкие улицы и бездымные американские машины — вот это будет город.

К этому следует стремиться, хотя понятна вся романтичность этого стремления. Да и вообще хорошо там, где нас нет...

СССР

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

В отличие от социальных событий, солнечные затмения относятся к числу точно предсказуемых явлений. Уже в древности люди научились их предсказывать, а в наше время на несколько столетий вперед хорошо известно, когда точно и где может наблюдаться на Земле каждое солнечное затмение. Для науки наибольшее значение имеют полные затмения Солнца.

На несколько минут, пока Луна полностью закрывает Солнце, вокруг черного ее диска вспыхивает лучистое жемчужное сияние — солнечная корона. Явление столь необычно и красиво, что для его наблюдения собирается множество людей во главе с учеными, журналистами, астрономами-любителями, мастерами телевидения и кино.

Несмотря на организационные и финансовые трудности, АН СССР организовала большую экспедицию в Мексику и Бразилию под руководством члена-корреспондента АН СССР В. В. Мигулина для наблюдения затмения 11 июля 1991 г. «Бразильский отряд» выполнял важную международную программу, и о результатах его работы скоро появятся публикации.

«Мексиканский отряд» проводил наблюдения в Южной Нижней Калифорнии, близ столицы этого штата Мексиканских Соединенных Штатов — города Ла-Пас.

Благодаря безоблачному небу гостеприимной Мексики в день затмения удалось выполнить множество оригинальных экспериментов и получить новые данные о физической природе солнечной короны, применив при этом новейшие современные приборы — от больших антенн радиотелескопов до миниатюрных видеокамер. Теперь предстоит кропотливая обработка результатов. Однако по фотографиям уже видно, насколько уникальной, красивой и изящной была солнечная корона-91!

После затмения на вечернем небе Ла-Паса мы любовались поразительным сочетанием, настоящим парадом планет, почему-то в этом году мало замеченным астрологами (видимо, их предсказания стали хуже оправдываться). Рядом с узким серпом молодой Луны (затмения Солнца происходят в новолуние) сияла вечерней звездой Венера, чуть западнее — слабый красноватый Марс, а дальше, ближе к горизонту, происходило редкое соединение Юпитера с Меркурием. Какое благодатное поле для предсказаний всего множества исторических событий этого года! Мы же можем только сказать, что солнечные затмения, которые раньше считались предвестниками несчастий, могут предварять также победу демократических сил в некоторых регионах на Земле. Важно еще и то, что мир, как и гостеприимный Ла-Пас, не без добрых людей, помогавших нам в организации этой успешной экспедиции. Помогали и целые коллективы, например, известный меценат — коммерческий Кредобанк, без помощи которого автор этих строк и его коллеги не увидали бы затмения в Мексике. Всем им мы приносим глубокую благодарность.

Э. КОНОНОВИЧ

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Не сомневаюсь, что перестройка изжила себя: нам нечего сегодня перестраивать. Рожденная Горбачевым (сверху), из-за Горбачева и его команды она и погибла — долго не мог выбрать путь наш Президент, шатаясь то вправо, то влево. Но теперь, надеюсь, определился, хунта «помогла».

И. МИТРОХИН
Киев

Тысячу раз прав Ю. Ф. Карякин, с которым я случайно (а вернее, не случайно) встретился 20 августа у «Белого дома». После того, когда все кончилось, он сказал в своем телеинтервью: надо разобраться со всеми — от Янаева до Куняева. Он призывал НЕ КАЗНИТЬ, но РАЗОБРАТЬСЯ, прежде всего в нравственном плане. Чтобы русская национальная идея (я имею в виду народы всей России) очистилась от скверны.

Н. Н. ЗУЕВ
Москва

Из миллиардов КПСС, варварски уничтожившей храм Христа Спасителя, нужно взять львиную долю на расходы по его восстановлению. Это будет справедливо в глазах униженного ею же народа.

М. А. ЛАПШИНА
Ярославль

Советский социализм доказал полную неспособность создать нормальные условия для высокопроизводительного труда в промышленности и сельском хозяйстве. Почему же так много руководителей стоит за него горой?

С. ПЕТРОВ
Каунас

Милосердие и благотворительность только тогда имеют смысл, если их адресат — конкретный нуждающийся человек. А если возникает махина бюрократической структуры, помощь обязательно уменьшается. Иной раз и не доходит до адресата. Не случайно многие бывшие партийные и комсомольские «шишки», сохранив свои привилегии, сделали их якобы «общественными», пересев в начальственные кресла благотворительных организаций.

Н. ДЬЯЧЕНКО
Санкт-Петербург

Дверь в «свободу» уже приоткрыли, многие ли ринулись к «серпу и молоту»? Единицы. Зато к «кистеню и обуху», к кооперации спекулятивного характера, к теневой экономике, к древнейшей профессии — толпами. Так кто же накормит страну? Разбойники, шашлычники, проститутки? Будь проклята ваша «демократия» — свобода для мафии, когда без крупной взятки правды не найдешь.

Т. И. ГУБАРЕВА
Дагестан

■

Вы нашли в себе мужество первыми в стране убрать с обложки журнала изображение человека (на ордене), который разрушил нашу национальную государственность и принес неисчислимые страдания народу. И этим самым сказали «А». Ну, так чего ж «забуксовали», спрятав орден Ленина на тыльной стороне обложки?! Это полушаг, полудействие.

Я не смею призывать редакцию «Огонька» к вложению средств в «бульдозерную атаку» на прикремлевский могильник. Не смею потому, что еще сыщутся желающие в вас стрелять. Но к последовательности, логичности — призываю. Скажите же и «Б»!

В. ПАВЛОВ
Мельбурн

P. S. *В 1979 году по совету известной «конторы» вынуждены были покинуть Родину. Альтернативой было только сидение в тюрьме. Выехали по вызову из... Вы угадали правильно. Хоть и жена, как и сам я, к еврейскому народу имеем точно такое же отношение, какое Брежнев (волею этого самодура мы и были лишены гражданства своего Отечества) имел к народу Зимбабве.*

■

В тревожные дни фашистского путча (иначе и не назовешь), 19—21 августа, не только властвующая верхушка, ныне арестованная, показала свое звериное рыло. Так, командир нашего гвардейского полка, расположенного в городе Белая Церковь, полковник Ф. Кривощапов утром 19 августа построил полк и объявил, что демократия низвергнута, в стране объявлено чрезвычайное положение и т. д. и т. п. Чрезвычайное положение он стал расшифровывать по-своему, довольно-таки оригинально. Одно его заявление гласило, что он теперь, как в военное время в Афганистане, любого может расстрелять...

И никто его не остановил. Я видел, что политработники приветствуют переворот. Коммунисты молчали. «Овечки в мундирах» уже были готовы безропотно идти под нож диктатуры.

Но это еще не все. Беспредел Кривощапова на этом не закончился. Выстроив у стены командиров, со словами: «Была бы моя воля, я бы вас тут же расстрелял»,— офицер в полковничьих погонах согнул руки, словно в них автомат, и застрочил языком, как мальчишка: «Та-та-та-та-та». А потом добавил: «Вместо вас назначу новых, а они не будут подчиняться — и их расстреляю».

Теперь можно догадаться, что было бы с ними, со всей страной, приди кривощаповы к власти.

Меня тревожит вот что. Зачинщиков переворота арестовали. А вот с таких, как Кривощапов, как с гуся вода. Ничего ему не будет и в этот раз.

Чуть больше года назад в части был такой случай. Будучи еще подполковником, Кривощапов остановил троих солдат из соседнего подразделения за расстегнутый воротничок. Вместо того чтобы отчитать их, узнать фамилии, сообщить их командиру, чтобы тот наказал недисциплинированных солдат, вызвал дежурного по части, взял у него пистолет, приставил солдату к виску и приказал: «Ложитесь все, или я вас постреляю!» Эти солдаты под пистолетом около часа ползали по-пластунски по плацу под улюлюканье сослуживцев, которые наблюдали всю эту картину из окон казармы.

Ну и что было за эти воспитательные приемы Кривощапову? Да ничего. Писали в «Красную звезду» солдаты, еще куда-то. Приехали, «разобрались» и уехали. А через некоторое время присвоили передовому офицеру-воспитателю очередное воинское звание «полковник». Самодурство же в части как было, так и осталось. Примеров его бесчинств можно найти массу.

И вот сейчас этот «передовой» командир полка собирается идти на повышение. Дошли слухи, что на него готовят документы на вышестоящую должность. Видно, такие «крутые» ребята еще кому-то очень нужны.

Того и гляди через год-другой станет Кривощапов генералом. И тогда случись что — у него рука не дрогнет.

Старший лейтенант А. М. КАМЕНЮК, беспартийный, командир взвода с 15-летним стажем, участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 году, отец троих детей
Белая Церковь

■

Мне 82 года, получаю пенсию 75 рублей и компенсацию 65. Как и у многих старых людей, у меня катаракта, лечу глаза витаминными каплями, выдаваемыми аптекой в двух флаконах. Срок их действия — одна неделя, то есть в месяц их приходится покупать 4 раза. Еще недавно стоимость капель в первом флаконе была 3 копейки, во втором — 2 копейки. Итого 5 копеек.

Сейчас капли подорожали: 3 рубля 46 копеек плюс 2 рубля 33 копейки, итого 5 рублей 79 копеек. В месяц 23 рубля 16 копеек. Это только на капельки. А что говорить о ценах на другие лекарства, которых к тому же и не достать в аптеках, только с переплатой? Собес льгот на приобретение лекарств не дает, так как пенсию получаю за потерю кормильца.

Работники аптеки ссылаются на приказ Минздрава РСФСР, по которому повышены тарифы на изготовление лекарств. Витамины и дистиллированная вода для приготовления капелек не подорожали, стоят по-прежнему 5 копеек. Но за то, чтобы слить их вместе и разлить в две бутылочки, надо заплатить 5 рублей 74 копейки.

Где она, защищенность стариков, если за глазные капельки почти слепым людям приходится платить в 114 раз дороже— шестую часть своего бюджета?

А. Б. ЛИПКИНА
Смоленск

■

Прочитал в «Огоньке» № 32 заметки воина-интернационалиста С. Бобкова «Как мы уходили из Анголы». Я сам прослужил в Монголии пять лет во времена правления «верного ленинца» Ю. Цеденбала. Как и в Анголе, в МНР наши специалисты были озабочены в основном приобретением ширпотреба и поглощением монгольской «архи» с истинно русским умением. А замполиты частей и секретари парткомов считали своим долгом всякими путями заполучить как можно больше монгольских орденов и медалей, чтобы к отъезду в Союз выглядеть как «ходячий иконостас», которому мог бы позавидовать даже сам золотозвездный Леонид Ильич.

Авантюра в Анголе стоила нам 10 миллиардов долларов. А кто скажет, какие расходы мы понесли от подобных авантюр в Корее, Сомали, Эфиопии, Афганистане? И ради чего? Наверное, для того, чтобы «туземцы» достигли такого небывалого «благополучия», как в нашей стране? Не поэтому ли в виде «благодарности» ангольцы превратили двор нашего посольства в Луанде в общественный туалет при одобрительном хохоте местных полицейских?

Неужели пришло время, когда мы не будем мечом насаждать наше коммунистическое мировоззрение в различных регионах планеты? Ведь осталась, наверное, только одна точка на земном шаре, где лучшие представители марксистской платформы КПСС не успели сделать последнюю попытку установить самый «гуманный» строй в мире. Это остров Муруроа в Тихом океане.

В. СИРЕНКО
Киев

■

Считаю своим долгом откликнуться на известные августовские события, как говорится, с точки зрения псковского мужика. Жить сельскому труженику стало невмоготу. В магазинах полки пустые. В то же время всевозможные махинаторы, посредники, узаконенные спекулянты бессовестно богатеют. Фактически они ничего не производят, даже воздушные шарики не надувают. Зато в надувательстве преуспели, вздув цены на не ими выработанную продукцию.

И все это бесчинство делается под флагом демократических преобразований. Какой бы ни была изощренной демагогия нашего Президента, всему сельскому населению становится ясной антинародная, пробуржуйская сущность его перестройки. Может быть, для кооператоров, выкармливающих одно-единственное животное — золотого тельца, теперешний покровитель — отец родной. Но сельчанам его реформы что петля на шею.

Более того, в прошлом году наши гдовские леса собирались сдать в аренду... баварским охотникам, тем самым, из коих вышел рейхсмаршал Геринг. В этом году уже к Чудскому озеру присватывались датские рыбозаготовители. Завтра не удивимся, узнав, что вся пресная вода из нашего озера продана куда-нибудь в Штаты.

И вот эта широкая, как полевая Россия, волна народного гнева вынесла на свой гребень смелых, благородных людей, настоящих декабристов — Янаева, Павлова, Язова, Пуго, Крючкова и других. Как видно из их обращения к народу, цель была одна: спасти страну от экономического и политического краха, оттеснить от их порога жуликов и аферистов — эту черную армию, осененную штандартами демократизации и даже царскими флажками с упитанными орлами. Ельцин все спровоцировал...

Возможно, для других стран рыночная свобода, частное предпринимательство — это нормальный экономический механизм. Но только не для нашей полуазиатской страны,

где такие бизнесмены, что рубашку снимут с ближнего. Нет, Октябрьская революция не была ошибкой, и если не восстановится справедливость, отмененная перестройкой, то новые революции неизбежны.

О. В. ДЕНИСОВ
Псковская область

■

Родился я в 1968 году, то есть мне неполных 23 года, в семье офицера-подводника, прослужившего на атомных подводных лодках 18 лет. С детства мечтал о море и осуществил свои мечты в 1983 году, поступив в Ленинградское нахимовское военно-морское училище. Как бы ни называли этот период мои нынешние сослуживцы и бывшие одноклассники («детство, стянутое флотским ремнем», «военизированный детский сад» и т. п.), я о нем не жалею. Мое становление проходило совсем не в тепличных условиях.

Закончил ЛНВМУ в 1985 году с золотой медалью и был направлен для продолжения учебы в Высшее военно-морское училище подводного плавания имени Ленинского комсомола на штурманский факультет. Выбирал сам, так как заработал право выбирать. Избранную специальность изучал с удовольствием и в 1990 году окончил училище с золотой медалью. Понимаю, что сейчас не принято гордиться своими наградами, но почему бы и нет, если я их не купил и не выпросил, я их заработал, отказывая себе во многом.

Я вообще был очень «правильным», как теперь многие это называют, даже слишком. И я очень искренне верил в перестройку, в 1988 году был принят в члены КПСС. И вот я, молодой лейтенант-выпускник, прибыл на флот. Не буду описывать своих мытарств, отсутствие элементарной крыши над головой тоже вряд ли удивит. Но я наивно полагал, что при назначении сыграет «цвет» моего диплома, но увы... В результате я попал на старый корабль и вот уже полгода, сидя на судоремонтном предприятии, задаю себе вопрос: зачем? Зачем я затратил столько сил на получение диплома по избранной специальности?

Я написал заявление о выходе из КПСС. Убедился, что все, о чем говорится с больших и малых трибун, не более чем болтовня. В результате мне задержано очередное воинское звание. Все мои знакомые сверстники по выпуску уже старшие лейтенанты, а на меня не послали даже представления. Причины мне не объясняют, и я склонен думать, что связано это с моим решением расстаться с КПСС.

Вот в общем-то и все. Пишите больше правды о нас, может быть, это остановит некоторых решившихся идти по тому же пути, что и я, и сохранит Родине художников, врачей, учителей... А мы (ибо я не одинок в этих мыслях) все равно не будем служить коммунистам. Мы дали присягу Родине, своему народу. Пишу 28 июля, в День ВМФ СССР.

Д. ЯКИМЕНКО
Северодвинск

■

Максимилиан Волошин писал: «Из всех насилий, Творимых человеком над людьми, Убийство — наименьшее, Тягчайшее же — воспитанье» («Путями Каина»).

Конечно, в 1922 году, когда писались эти строки, Волошин не мог знать об ужасах ГУЛАГа, но он прав, что одно из тягчайших преступлений большевиков — воспитание людей в духе классовой ненависти. Классовая ненависть — это когда группа (класс) людей, объединенных каким-либо признаком (социальным происхождением, национальностью, религией или чем-либо еще), объявляется вне закона, то есть врагом.

Все тоталитарные режимы строятся на ненависти. И нас так воспитали. Отсюда деление на «белых» и «красных», «наших» и «ненаших». Отсюда постоянный поиск врагов, чем страдает даже кое-кто из тех «демократов», которые кинулись в такого рода деятельность, когда «стало можно».

Недавно были приведены результаты одного опроса общественного мнения. Оказалось, что 30 процентов опрошенных высказались за смертную казнь для гомосексуалистов. Да, у человека с нормальной сексуальной ориентацией гомосексуализм может вызвать отвращение, но требование смертной казни можно объяснить только классовой ненавистью.

Ненависть разжигает национальные конфликты. Очаги ненависти кипят по всей стране. Мы должны понять, что самый главный наш враг — внутри нас. Это наше тоталитарное воспитание, наша ненависть. Пока мы не исцелимся от ненависти, мы будем создавать лишь разные, в зависимости от предмета ненависти, модели тоталитарного общества.

Евгений ФЕДОРОВ,
член Совета Крымского отделения общества «Мемориал»
Симферополь

■

Часто читаю в «Огоньке» письма о том, как нищенствуют ветераны войны, пенсионеры. Кто в ответе за их жизнь?

Я вот уже много лет председатель совета ветеранов войны в совхозе «Юрминский». Условия у нас трудные, Сибирь, а не теплая Ростовская область. Благодаря директору совхоза Г. И. Гинкелю наши пенсионеры бесплатно обеспечиваются кормами для личного скота, топливо и корма механизаторы совхоза подвозят тоже бесплатно. Тем, кто не держит коров, пожалуйста, молоко. Талоны на мясо, колбасу нам отоваривают через магазин. В праздники собираемся в сельском клубе, в столовой организуем застолье.

Есть среди стариков беспомощные, есть и бездетные. Для них совхоз специально построил дом, там и отопление, и вода, телевизор, радио, телефон, их одевают и кормят.

Зачем я об этом рассказываю? Да затем, чтобы узнали, что можно делать добрые дела при желании. И делают это не по долгу службы, просто у людей совесть есть. А нам, старикам, отрадно, что мы защитили в войну и воспитали таких замечательных людей.

И. Е. ЗАПЛЕТИН
с. Юрминка Тюменской области

ВЕРХИ НЕ МОГУТ, НО ХОТЯТ

Еще не успел закончиться августовский путч «спасителей Отечества», а политологи, юристы и социологи с жаром приступили к анализу его причин и последствий. Однако пока все написанное и сказанное (в том числе и в стенах союзного парламента) вызывает ощущение недоговоренности, неясности и некоторой двусмысленности. Можно ли назвать случившееся мятежом, коли его возглавили лица, облеченные высшей исполнительной властью? Скорее, как заметил Г. Попов, это была агонизирующая попытка насильственным путем удержать ускользающую власть. А такая постановка вопроса коренным образом меняет политическую и правовую оценку событий 19—21 августа.

Самое уязвимое с правовой точки зрения в действиях заговорщиков — это принудительная изоляция Президента страны. Здесь, как говорится, крыть нечем: заговор с целью захвата власти налицо. Шесть лет перестройки и правые, и левые боролись между собой за влияние на Горбачева. Одни пытались изолировать его в своем окружении, другие — прорвать изоляцию. Все кончилось физической изоляцией, прорвав которую левые, кажется, окончательно склонили Президента на свою сторону.

С юридической точки зрения только позиция Президента страны лишила заговорщиков правовой опоры и только насильственное отстранение Президента от власти позволяет расценивать их действия как государственный переворот.

Но не будем торопиться с выводами и, апеллируя к Конституции и советским законам, загонять себя в юридический тупик. Клеймя антиконституционный переворот и радуясь восстановлению конституционного порядка, мы забываем, в какой стране и по какой Конституции жили. «Гэкачеписты» тоже ратовали за Конституцию и, надо признать, имели на то не меньше оснований, чем их противники. Нельзя закрывать глаза на то, что действующая Конституция страны несет на себе множество печатей имперской, тоталитарной идеологии. В эту Конституцию «не вписываются» декларации о независимости республик. С позиции такой Конституции даже неудавшуюся попытку штурма «Белого дома» и «интернирования» российского руководства с большими или меньшими натяжками можно уместить в понятие «восстановление конституционного порядка».

Пишу это совсем не для того, чтобы прямо или косвенно обелить путчистов, а для того, чтобы мы смогли ясно представить себе политико-правовую ситуацию, в которой страна оказалась накануне путча. Нелогичность действий заговорщиков объясняется тем, что они изначально связали себе руки, попытавшись придать перевороту видимость законности. Все должно было происходить по традиционной советской схеме: вверху решат, внизу одобрят или, по крайней мере, не возразят. Однако схема не сработала. Действуй они более откровенно и цинично, выдвини в руководство новых, не скомпрометировавших себя людей, тоньше сыграй на имперских и люмпенских настроениях, объяви Горбачева преступником, а перестройку преступлением против народа, провозгласив, что для спасения Отечества все средства хороши, шансов на победу у них было бы больше. Неплохие шансы они имели и в том случае, если бы избрали для борьбы чисто парламентские методы, заблокировав подписание нового Союзного договора на сессии Верховного Совета и Съезде народных депутатов СССР. Но заговорщики попытались соединить несоединимое.

Не собираюсь предвосхищать юридические коллизии, которые возникнут при расследовании обстоятельств заговора, но уверен, что обвинению придется запнуться о такую, например, деталь.

Мы говорим «советская власть», «социалистический правопорядок»... Это эвфемизмы, обеспечивающие идеологическое прикрытие власти партийно-государственной номенклатуры. Но разве не это отстаивали заговорщики? Так какие Янаев, Крючков, Бакланов и иже с ними государственные изменники? Нет, государству, которое они возглавляли, названные лица служили верой и правдой, до конца борясь за его сохранение. При этом не так уж важно, что ими двигало: «социалистические идеалы» или шкурные интересы. Идеалы их государства в полной мере соответствовали их интересам.

Победителей не судят — это торжество силы и произвола. Победителей не судят — это торжество исторической правоты и подлинного права. Мне кажется, было бы правильным после тщательного расследования всех обстоятельств путча амнистировать заговорщиков. Это не те люди, которые уйдут в подполье для дальнейшей борьбы. Лишенные рычагов власти, они не представляют никакой опасности. К тому же необходимость стоять в одних очередях с людьми, против которых они двинули танки, будет не самым мягким для них наказанием.

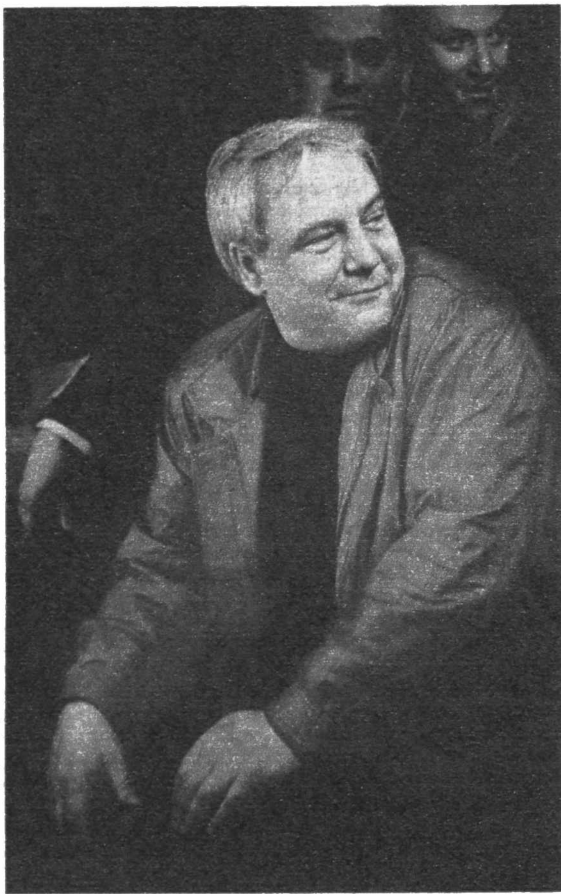
Сегодня есть политические и правовые вопросы, на которые нужно ясно и четко ответить уже сейчас. Мы говорим «государственный переворот», как будто они что-то хотели перевернуть. Как раз наоборот: они все хотели сохранить! Верхушечный переворот действительно был. Но главным образом была попытка спасти обанкротившийся общественный строй. И, что особенно важно подчеркнуть, эта попытка опиралась на определенную юридическую базу, сохранившиеся правовые основы тоталитарного режима. Поэтому первостепенной задачей сегодня является в кратчайший срок демонтировать эти основы, лишив возможные подобные попытки в будущем (не дай Бог!) даже малейшего намека на легитимность.

Путч показал также, что зародившаяся в стране демократия не имеет практически никакой уголовно-правовой защиты. Необходимо коренным образом изменить систему норм ответственности за особо опасные государственные преступления. Новое уголовное законодательство должно быть направлено на охрану демократии как политической основы нашего преобразованного общества.

Необходим четкий и недвусмысленный уголовно-правовой запрет на использование Вооруженных Сил во внутриполитической борьбе. Он должен распространяться и на тех, кто прибегает к помощи армии для достижения своих политических целей, и на тех, кто отдает приказ о применении военнослужащими насилия в отношении мирного населения, и на тех, кто участвует в исполнении заведомо незаконного приказа.

Более двух лет назад, сразу же после тбилисской трагедии, группой юристов была разработана система правовых мер, направленных на предупреждение использования армии против народа. Соответствующие проекты направлены в Верховный Совет СССР. В каких коридорах парламента они затерялись — сейчас уже не важно. Но как никогда важно вернуться к их рассмотрению. Пора, наконец, ликвидировать царящий в стране юридический кавардак, позволяющий использовать Конституцию в качестве разменной монеты в политической игре, которая сегодня может стать питательной средой для произвола и новых заговоров.

А. ПОХМЕЛКИН,
кандидат юридических наук

Владимир БУКОВСКИЙ: «КОМАНДА ПОДБИРАЛАСЬ ДЛЯ ПОГРОМА»

Владимир Буковский впервые вернулся в Москву в апреле 1991-го. Пробыл здесь несколько дней. Провозгласил неизбежность военно-партийного переворота, призвал соотечественников к всеобщей стачке, обругал Горбачева, напугал нас и уехал.
Категоричность тона, резкость и даже грубость иных высказываний бывшего политзека вызывали протест. Буковского слегка покритиковали в либеральной печати, обвинили в безответственности и забыли легко.
Страна готовилась к Союзному договору. Буковский в Кембридже готовился к военному перевороту в СССР. Связался с Польшей, где во времена чрезвычайного положения весьма эффективно действовала подпольная фабрика радиопередатчиков для радио «Солидарность». Некоторое их количество, по просьбе Владимира, было передано в Советский Союз. Установили аварийную связь между Варшавой и городами СССР. Была также издана брошюра, где простым русским языком излагались непростые способы размножения листовок методом шелкографии.
19 августа Владимир Буковский позвонил в Варшаву. Радиосвязь работала. Однако варшавские передатчики не понадобились. В дни путча он следил за событиями по английскому телевидению и каждые два часа соединялся с российским «Белым домом» по обычному международному телефону. «А вот идут танки,— сообщала ему знакомая.— А вот нам объявили, что готовится к штурму спецназ КГБ...» На третий день стало ясно, что путч проваливается. Трагедия обернулась фарсом.
Через несколько дней Владимир Буковский приехал в Москву. Мы встретились в гостинице «Россия». Собеседник восхищался видом на Кремль из окна. Деятельность КПСС была приостановлена. Светило солнце.

— Вы и теперь уверены, что в апреле нужно было бастовать?

— Да. Я ошибся в другом. Думал, что военное положение введут зимой, и это сделает Горбачев. А зимой бастовать тяжело. Промышленность останавливается... нет тепла, нет света. У всех семьи, дети. Каждый начинает спасать сам себя. Плохая психологическая атмосфера для общих действий. Известно из истории: зима — для правительства, весна — для народа.

— Известно из истории: вчера бывает рано, завтра — поздно... Если бы акции гражданского неповиновения начались в апреле, власть во главе с Президентом могла бы объявить военное положение законным путем. Верховный Совет страны охотно принял бы эту меру.

— Горбачев тогда еще не мог решиться... Он был не готов.

— Когда случился переворот, москвичи окружили танки и успешно убеждали солдат не подчиняться приказам Язова. «У вас есть Верховный Главнокомандующий,— кричали люди,— его незаконно арестовали!» Плакаты типа «Свободу Горбачеву» производили сильное впечатление. У Сопротивления была мощная правовая основа.

— Я уверен в том, что армия в любом случае не стала бы воевать с народом. Ни по приказу Горбачева, ни по приказу ГКЧП. Армия разложена уже давно. Это известно даже по чешским событиям 1968 года. Тогда весь первый эшелон, занявший Чехословакию, был сменен брежневским командованием в течение двух-трех дней. Солдаты были полностью деморализованы. Кто-то покончил с собой, другие бежали, чехи их прятали по подвалам и чердакам. У нас в лагере сидел такой парнишка — эстонец Вальдман. Он в Праге отказался стрелять, пытался прятаться... был пойман и получил срок.

Нынче, конечно, еще дальше дело зашло. Все-таки 5—6 лет относительной свободы печати. Ребята в танках успели кое-что почитать, тот же «Огонек» ваш с «клеветой на армию»... Да и сами не слепые. Как разваливалась система у всех на глазах — они видели. Для меня загадка, отчего элитарные войска КГБ отказались стрелять. Вот это странно. «Белый дом» они бы взяли. Ведь дуроломная машина. Если бы она начала крутиться, то все бы переломала на своем пути. Мне рассказывали, что в «Альфе» назревал взрыв против начальства после событий в Литве, где они хорошо поработали... Не знаю... не могу до конца поверить этим рассказам. Эту загадку еще долго нам разгадывать.

— Вместе с другими загадками, которые загадала власть в дни переворота. Какие-то странные заговорщики...

— Странные. Таких в истории еще не было. Путч весь мир смотрел по телевидению, которое работало как часы. Мы видели танки в Москве. Пресс-конференцию «заговорщиков». Две кошмарные ночи у «Белого дома». И — всё! Когда Янаев с товарищами так бездарно разыграли дебют... проморгали первые сутки, которые в любом перевороте решающие... я понял, что это ненадолго. Когда они в черных лимузинах поспешили во Внуково мимо танковой колонны (телевидение нам и это показало), я понял, что это не заговор. Более того, эти люди не считают себя заговорщиками. Они убеждены, что действуют на основании законов по распоряжению своего начальства.

— Какое уж начальство у вице-президента страны, трех министров...

— Михаил Сергеевич. Вот они к нему и поспешили. Эти люди по типу не заговорщики. Они исполнители. Тупые. Создалась нестандартная ситуация, надо импровизировать — они растерялись. Бросились к хозяину: «Что делать дальше?» А тот их арестовал...

Получилось в точности, как у Высоцкого: «Мы не сделали скандала — нам вождя недоставало». Понимаете, не бывает заговора без главы. Среди них вождя не было, по определению. А вот если мы Горбачева девятым или десятым прибавим к ним, тогда понятно. Он — может. Тактик высокого класса. Ученик Ленина.

— Точка зрения довольно распространенная. В этом месте еще добавляют, что при любом исходе путча Горбачев оставался в выигрыше. При победе Янаев приглашает своего выздоровевшего «друга» снова возглавить страну. В случае провала Горбачев якобы мученик и герой... У меня другое мнение. Путч был для Президента катастрофой, личной и политической... Если бы они победили, то вскоре мы бы, вероятно, читали в газетах некролог Михаилу Сергеевичу. Вы сами об этом говорили в апреле: «В стране, где к власти, пусть ненадолго, придут военные, ему нет места». Переворот не состоялся — Президент вынужден играть жалкую и унизительную роль спасенного. Спаситель и герой — храбрый рыцарь Ельцин.

— Ельцин меня восхищает. Он использовал свой шанс до конца, жестко и профессионально. Я от него не ожидал. Он выжал из ситуации все, что было возможно. Произвел системную смену: заменил всю прежнюю мафию своими людьми. Сделал это быстро и эффективно.

— Горбачев желал лишь одного: подписания Союзного договора. Только в этом случае он оставался главой существующего государства. Заговорщики опередили его на один день. Говорят, при встрече он назвал их «мудаками». Было за что...

— Я не утверждаю, что он был сознательным организатором переворота. Хотя могло быть и это. Вся его политика строилась на внешнем займе; коренных реформ проводить не желал. За шесть лет выцедил из Запада 45 миллиардов. А в Лондоне ему сказали: хватит, будем помогать советами... Угроза переворота в стране, образ этих страшных «russian conservatives» на сей раз не подействовали. Тупик. Выход из тупика — «ночь длинных ножей». Двойная выгода: Горбачев доказывает западным политикам, как те были не правы, не давая кредитов, а заодно избавляется от своей команды. Команда подбиралась для погрома. На погром он не решился. Значит, надо их же руками совершить путч, а потом их убрать.

— А зачем? После заключения Союзного договора власть и так сосредоточивалась в руках Президента и лидеров республик.

— Союзный договор трещал по швам. Ельцин «попался» в Ново-Огарево. Горбачев его переиграл. По-моему, в последние два месяца ельцинская команда только то и делала, что изобретала, как бы не подписать этот договор. Да и республики уже пошли вкривь и вкось. Украина откладывала подписание. Горбачев даже вынужден был график составить, кто первым договор подпишет, кто вторым, кто третьим... Что за Союз такой? Теперь, после переворота, договор становится как бы ценностью, поскольку реакционеры против него восстали!

— Вы говорили, что не настаиваете на этой версии.

— Возможен и другой сценарий, в котором Горбачев является невольным организатором путча. Понимаете, он уже столько раз твердил о необходимости чрезвычайных мер и столько раз не решался к ним прибегнуть, что довел своих министров до нервного истощения. Они, наконец, не выдержали: да ладно... мы его сейчас подержим в Крыму, введем военное положение... для его же блага. Он ведь знает, что это надо. Этим можно объяснить их совершенно необъяснимое поведение на пресс-конференции, где они твердили как заведенные: да он болен, да он приедет. Ну, какой заговорщик так делает?! Они просто были уверены, что потом его уговорят. Итак, или он сам все просчитал, или невольно ввел их во блуд. И то, и другое в его характере. Все эти заговоры хитрые — это же его почерк! Вот такую придумать штуку *(показывает руками, какую),* просто невероятно хитрую... а потом все лопается. «Too clever for the own good»,— как говорят англичане. Слишком хитро для собственного блага.

— Ну, не знаю... Вы обвиняете его в нерешительности. По мне, склон-

ность человека к колебаниям и сомнениям — весьма привлекательная черта, свойство интеллигента. Скажите, вы, бывший политзаключенный, не испытываете к нему ни малейшей благодарности за...

— Ни малейшей. Я невзлюбил его сразу, едва он пришел к власти. Увидел его по телевидению... и понял про Горбачева гораздо больше, чем тогда можно было понять. Это полуинтуитивная наша привычка лагерная — уметь оценить человека быстро, в течение нескольких секунд. На зоне от этого умения иногда зависит твоя жизнь. Да и на воле тоже. Ну, скажите, за что мне благодарить его? За гласность? Так мы шли в лагеря четверть века назад за эту гласность... чтобы теперь благодарить? Конечно, я субъективен, но... я ему не верю. И не поверю никогда.

— Вопрос к правозащитнику Буковскому: будете ли вы защищать членов бывшей КПСС от возможных преследований?

— Может, и придется. Пока я не вижу, от кого их надо спасать. Все происходит на редкость мирно, цивилизованно. Народ добродушен. Никто их не трогает. Ну, сняли памятники ночью, немножко поплясали вокруг них... ничего страшного. Народный театр такой, на площади. Не было ни мстительности, ни ненависти.

— Мстят побежденные. Мы победили.

— До победы еще далеко. Хотя главное за три дня революции уже произошло — люди, наконец, объединились, вступили в открытую борьбу с режимом, одержали победу и почувствовали себя свободными. Кончилась эта проклятая «перестройка». Ушла эта проклятая атмосфера тройных компромиссов, и очень непрофессиональные игры в политику сменились нормальными, нравственными отношениями между людьми. Общество зауважало себя — признак выздоровления от тяжкой болезни холопства. Пусть это было картинно и недолго, но баррикады и кровь, да простят меня матери погибших, были той ценой, которую следовало заплатить за свободу. Мой приятель встретил ночью у «Белого дома» беременную женщину. «Ты что здесь делаешь?! — закричал он.— Иди домой...» Она тихо ответила: «Знаешь, если э т и победят, то моему ребенку жить не надо».

— Вообще удивительная была революция: палатки, гитары, бэтээры... Такой слет КСП с танками и стрельбой.

— Замечательно, что ваше поколение участвовало в этих событиях. В апреле я был поражен и раздосадован равнодушием российской молодежи к политике. Студенческого движения почти никакого не было. Оно слегка оживилось лишь после угрозы Язова призвать студентов в армию. Воевали с властью, как и прежде, одни старики «шестидесятники». Только сегодня, когда молодежь вступила в борьбу и узнала вкус победы, можно говорить о возрождении страны.

— Опыт революций показывает, что после победы в столицах новая власть быстро завоевывает провинцию.

— Россия велика. Провинция еще дремлет. В Москве и Питере коммунисты уже не поднимутся. А вот где-нибудь на Дону или на Кубани... какой-нибудь атаман Краснов или Белов вполне может появиться. Еще возможна Вандея на Руси. Не забывайте и о национальных проблемах. Дай Бог России кончить с Союзом, что уменьшит вероятность кровавых стычек.

— Демократы начинают делить власть между собой; эти стычки тоже опасны...

— Как ни странно, чем сильнее напряженность в стране, тем слабее тенденции к расколу. Для того чтобы возникла демократическая оппозиция Ельцину, должна наступить спокойная жизнь в спокойной стране. Объективно у «радикалов» нет ни лидеров, ни структур, способных противостоять команде Ельцина.

— А конфликт республик с Россией? Как вы оцениваете недавние территориальные притязания России к республикам, покидающим Союз?

— Это серьезная тактическая ошибка Ельцина, которую необходимо быстро исправить. По-моему, следствие политической незрелости и сильного утомления после путча. Проблема границ — одна из немногих, о которых вообще надо надолго забыть. Пусть этим занимается какой-нибудь межреспубликанский орган... в следующем столетии. Раньше не нужно.

— Существует мнение, что «вопрос о границах» — вынужденная уступка Ельцина в игре с центром: вы закрываете КПСС, мы помогаем удержать Союз от раскола.

— Нет. Ельцин с Горбачевым играть не будет. Он совершенно другой человек. Заметьте, мы с вами просчитали два варианта заговора, постоянно имея в виду, насколько каждый из них выгоден Горбачеву. Выиграл в итоге Ельцин. Нам ни разу не пришло в голову включить его в схему заговора. Потому что он — н е з а г о в о р щ и к по натуре. Такие люди прут на танки, могут наломать дров... но тайной дипломатией заниматься не станут.

— Как и прежде, политические победы у нас сопровождаются экономическим развалом. Дурная закономерность: чем свободнее жизнь, тем она беднее.

— Боюсь, что Россию зимой ждет вариант Панамы — страны без собственной валюты, где выживают лишь те, у кого есть доллары. Это может привести к немедленному взрыву и хаосу. Поскольку комплекс раба как бы преодолен... вперед, ребята! Нужно проводить реформы. Причем обвально. К декабрю надо попытаться конвертировать рубль, для чего необходима стремительная приватизация земли, жилья, торговли. Приватизацию жилищного фонда можно провести в течение недели. Просто через жэки прислать каждому ответственному съемщику квитанцию: квартира ваша. Хочешь пропей, хочешь продай.

— А будет иначе: начнут метры считать, у кого больше, у кого меньше.

— Вот этого не надо. Был знаменитый принцип латинского права: «Uti posidatis». «Поскольку вы владеете». Допустим, кончилась война, жестокая, кровопролитная. Можно заключать мир — на разных условиях. Можно оспаривать территории, приближать и удалять войска... но это приведет к новой войне. Лучше остановитесь там, где вы стоите. С этого сегодня надо начать. Поскольку у Украины такие границы, пусть такие и остаются. Поскольку вы живете в однокомнатной квартире, так она ваша. И не зарьтесь на соседскую, пятикомнатную. Сосед ее продаст. Туда въедет ва-сточный чэловек с чемоданом денег. И павэсит ковры. Не завидуйте. Перераспределение уже идет полным ходом, без всяких законов или в обход существующих.

— «Пока у вас нет мужества, колбасы не будет»,— так вы говорили в апреле. Мужество мы проявили. Колбасы по-прежнему нет...

— Логически одно из другого не следует. Я говорил, что если не будете драться с режимом, то и надеяться не на что. Теперь появился шанс. Структура старой власти смертельно ранена, надломлена, но не убита. От вас зависит, в какой стране вы завтра будете жить.

— Последний вопрос: как вам живется в Москве?

— Очень сложно. Все в расстройстве чувств. Никого нигде не поймаешь. Ни с кем ни о чем договориться нельзя. Москва есть центр мировой энтропии. Я всерьез считаю, что у меня в Англии не ходят поезда, потому что в Москве происходят такие энтропические вихри.

Каждый Чичиков свои мертвые души скупает. Я приехал, чтобы уговорить нынешнее начальство создать международную комиссию по рассмотрению архивов КГБ и ЦК КПСС. Я чувствую, что если этого не сделать сейчас, то начнется страшный бардак. Начнут исчезать узлы с документами. По стране и миру пойдет вакханалия шантажа, самоубийств и покушений. Внешняя разведка КГБ... это же страшная вещь: тут и международный терроризм, и наркомафия, и подставные фирмы, и система дезинформации. Славный подарок человечеству, правда? Так пусть архивами занимаются историки с незапятнанной репутацией, и никто кроме. Предупредить о чудовищной угрозе расползания этих архивов — мой долг старого диссидента.

* * *

9 сентября Центральное телевидение показало репортаж о встрече председателя КГБ Вадима Бакатина с Владимиром Буковским. Оба заметно нервничали. Взаимная доброжелательность была искренней, как и взаимная настороженность. Оба явно нравились друг другу, два российских мужика с мальчишескими лицами «шестидесятников», низкими голосами с хрипотцой, упрямым взглядом. Им было бы о чем поговорить без телекамер. А так — пытка. В официальной беседе они были главой КГБ и старым лагерником, более никем. «Вы затронули интересную тему»,— говорил Бакатин. «Мне понравилось, как вы сказали»,— откликался Буковский.

Заговорили об архивах внешней разведки советских спецслужб. Тон беседы резко изменился, стал спокойным и деловым. Буковский «докладывал». Бакатин внимательно слушал. Казалось, о некоторых делах своего нового ведомства он узнавал впервые. Нет, он не выглядел дилетантом. Просто мне на минуту почудилось, будто Владимир Буковский сидит в его кресле...

«Ну, что ж, Вадим Викторович,— молвил гость,— хочу пожелать вам успеха, посочувствовать и пожать руку...»

Стоп-кадр запечатлел твердое рукопожатие. Начались новые времена.

Илья МИЛЬШТЕЙН

Фото Дмитрия БОРКО

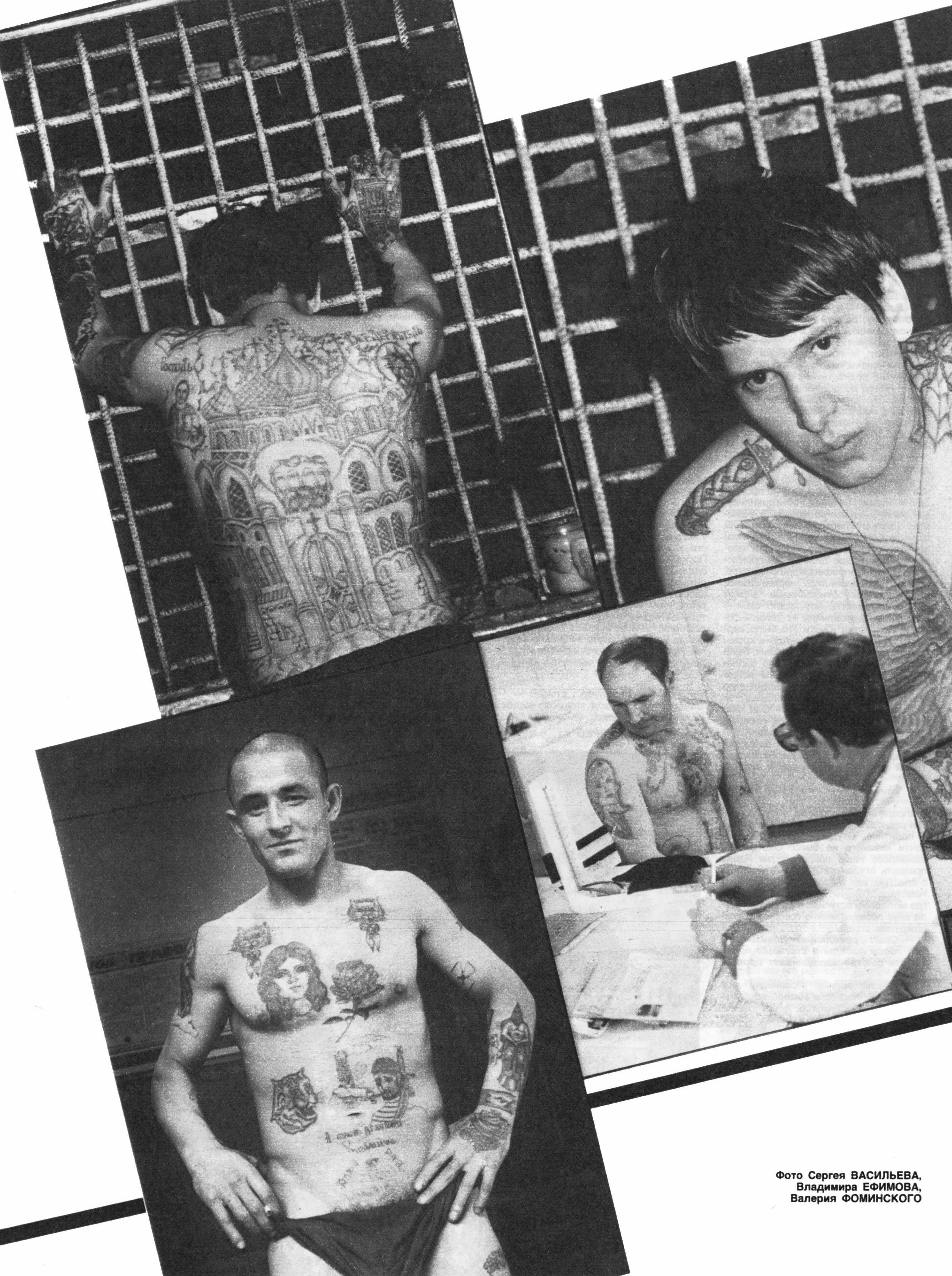
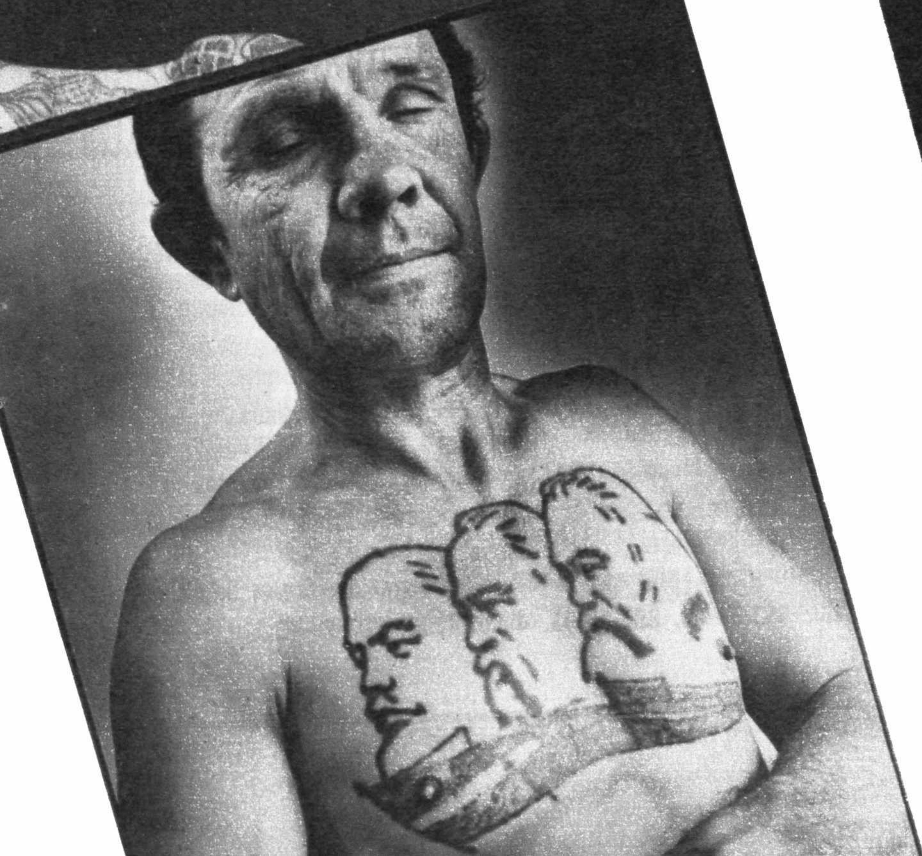

Фото Сергея ВАСИЛЬЕВА,
Владимира ЕФИМОВА,
Валерия ФОМИНСКОГО

Владимир ЧЕРНОВ

НАКОЛОЛИ...

У зека своего нету вовсе ничего. Его одежда отвратительна. Зайцев одевает ментов. Почему он не одевает зеков? Они тоже ходят в казенном. Зек понимает: Зайцев не любит зеков, Зайцев любит ментов.

Приходится зеку думать о внешности самому. А в казенном доме лично ему принадлежит лишь тело свое.

Ну и ладно. Тело — его мастерская. С телом можно много чего сотворить. Над ним можно надругаться. Им можно торговать. Можно превратить в картинную галерею. Правда, экспозиция выйдет на всю жизнь одна. Но тут уж выбирай: гулять голым или расписанным. Зек выбирает наколку.

Нет, он не любитель изобразительного искусства. Фрайера! Это же не картинки покрывают вора с головы до пят. И это не одежда кожи. Это тайные знаки, это письмена. Это вколотая навечно вся его прошедшая жизнь.

Язык зека темен. В нем все — в паузах, между словами, где и виляет смысл. Словарь хил, скособочен, да и не говорит зек словами — он ботает. Потому и спрашивает чуть что кента-корефана: «Понял, нет?»

Наколка — письмо зека.

Вот храм во всю спину, сооруженный лагерным искусником. Не веру ли свою проносит зек на спине через тюремные тернии? Упаси Бог! Изображение церкви — штука заурядная, и читать ее надлежит, как

афоризм: «Тюрьма для вора — дом родной». Потому на храм этот, исполненный с тщанием великим и через великую же муку заказчика, лишь бегло взглянет зазубренный лагерник. Количество куполов он, пожалуй, еще сочтет, тут информация о сидящем: каждый купол — один срок.

Зек — дикое дитя цивилизации. Потому он любит флору и фауну. Символ удачи — зверь-кот. Но и аббревиатура: Коренной Обитатель Тюрьмы. Если зверь — тигр, читай: злой на власть. Растение-тюльпан на плече — тюремный паспорт. Получает его девчоночка на шестнадцатилетие от подруг. Растением-розой отмечается восемнадцать лет. Но деталь: эта роза без шипов. Если с шипами, место ее на бедре, и метит ею себя пассивная лесбиянка. Активная накалывает зверя-кабана.

Зека прельщают образы романтические: фрегаты, летящие на всех парусах, оскалившиеся пираты, мрачные палачи, огромные кинжалы, раздувшиеся от крови пауки. За всем этим изобилием вполне деловые сообщения. Парусник — опознавательный знак вора-гастролера. Паука в паутине колет на себе наркоман. Пират — предупреждение: владелец склонен к садизму.

Размеры и искусство исполнения наколки вовсе не равны количеству и качеству зашифрованной в ней информации. Лагерный «шестерка» может разукрасить себя хоть Васнецовым, а почитать будет нечего. И даже такие ювелирные дела, как буковки на веках: «Раб КПСС»,— мелкое хулиганство, хмыканье, веселящее читающего Книгу Жизни Вора.

Ну, что ты смотришь на ладонь? Что ты там увидел? Ты хиромант? Переверни ее, посмотри, что у той ладони на спинке. Тут всякая черточка — глава. Три четуховых крестика у оснований пальцев. Каждый — ходка в зону, каждый — отсидка. Вот просто две какие-то точки. Нет, они не просто. Два побега.

На перстни смотрит сосед по нарам: с кем свела тюрьма? Черно-белый ромбик — перстень «отрицала», это злой зек. Опасный сосед. Доминошину в шесть точек носит «шестерка». Этого можешь сам давить. А тот, по перстню, вафлёр, пед пассивный, не интересуетесь, господа удавы? А кто его спрашивал: хочет он или нет носить перстенек? Поймали и накололи. Как сказал Президент: надо знать, кто есть ху. Выйдешь на волю — трави, вырезай, впрочем, знающий все равно по следу допрет: позорное резал.

Наколка — твой крест, место на нарах, под солнцем, ранг. Увидел восьмиконечную звезду — опусти глаза. Хозяин звезды — вор в законе. Впрочем, для сук — воров, бросивших закон, спутавшихся с легавыми, это сигнал: перед тобой враг.

Конечно, что там осталось в тюрьме от воровского закона! Нынешний зек колет уже иностранные надписи, рисунок импортный, тонкий, трафаретки сделаны «там». Он с ухмылкой смотрит на потертого скокаря, украсившего впалую грудь самодельным портретом Вождя (самоделкам и имя — портачки). Придурки. Вождей кололи!

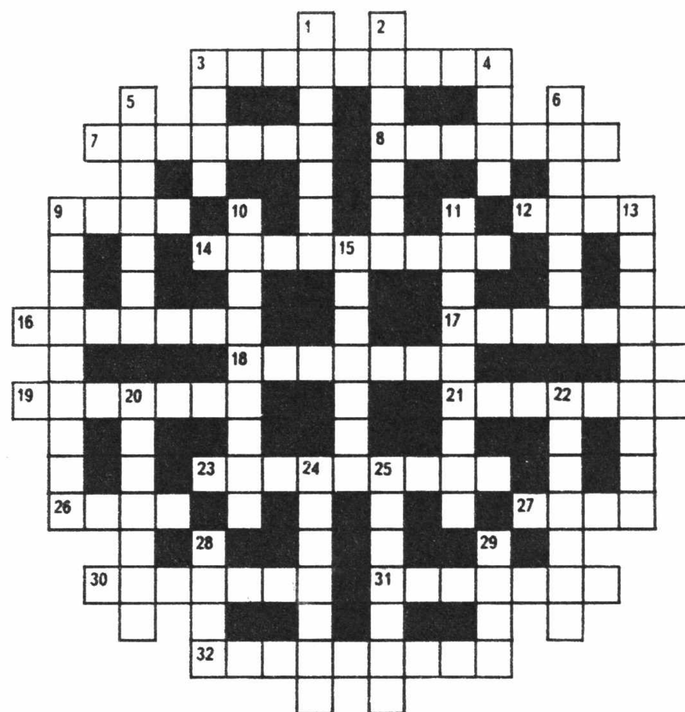
А вот не надо ухмыляться. Кололи их в те еще годы, и не зря. В молитву не верил зек. В наколку верил. Верил, что, если уйдет в побег и достанет его конвой, и вскинет уже винтовки... тут и рванет он на себе рубаху. И откроет конвою страшный лик Великого Пахана. И опустятся, задрожав, стволы. А поставят зека спиною, он рубаху рванет через голову, а там, на спине, профили всех четырех паханов. И спасен! Под салютом всех вождей! Урки!

Это сейчас никто вождей не боится. Забыли. А зря. Когда-то выше фраеров-интеллигентов, выше чертей-работяг ставил Пахан воров. И сам был первым из первых. Сявка ты, сявка, пришел в зону, думаешь, прежде тебя вообще не было ничего? Слушай взрослого зека, понта поубавится. Знаешь ты, чего не хватает сегодня ворам для полного счастья? Знаешь, что было время, когда почти сбылось оно? Слышал ты о великой войне законных воров-чесноков с суками и о том, как всех их накололи вожди? Не знаешь ты ничего. Зырь сюда, хобот. И слушай, что скажет тебе авторитетный вор:

— Когда Пахан начал сшибать фраерам рога и пускать свою отрицаловку налево, многие ссучились. По всей стране пошел страшный шухер. Шмоны и сплошной стук. Кичи ломились от 58-й хевры. Фраера натягивали деревянные бушлаты, все черти дрожали на ховирах и припухали. Тут шеруди рогами или шестери. Канать же некуда. Понял, нет?

Штымпы из московского шалмана раскидывали чернуху про всеобщий балдеж, шили бороду и такую заправляли туфту! А Пахан всю дорогу давил ливер и щерился во все хавало.

А чеснокам от сук настала хана. И тут пустили парашу, что, как социально-близкие, все воры должны пахать на Пахана и делать из 58-й дубарей. Чтоб одна осталась классовая борьба — между суками и ворами. Выживут одни мокрушники. Но получится страна воров. Или сук. Как повезет. Единственная в мире страна. Наша. Большая малина. А дальше — весь мир насилья мы раскурочим. До основанья, а затем... Но тут Пахан загнулся, и все воры остались в большой замазке. До сих пор так и сидим в непонятном. Скажи, что там сейчас, на воле, наша берет или чья?

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Вечнозеленое цитрусовое дерево. 7. Химический элемент, металл. 8. Озеро на Кольском полуострове. 9. Среда, в которой распространяются радиоволны. 12. Народный поэт-певец на Кавказе. 14. Плотная ткань с рубчиками. 16. Слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом. 17. Генератор переменного тока в двигателе внутреннего сгорания. 18. Приток Индигирки. 19. Рулевое колесо на судне, самолете. 21. Любое из тонов музыкального звукоряда, гаммы, лада. 23. Неоконченная повесть А. С. Пушкина. 26. Вокальное произведение для одного голоса. 27. Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». 30. Река в США. 31. Геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда. 32. Лекарственное растение, ноготки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шарнирное звено для соединения двух частей механизма. 2. Ударный самозвучащий музыкальный инструмент. 3. Площадь для военных парадов и строевых занятий. 4. Денежное выражение стоимости товара. 5. Ожерелье. 6. Русский советский писатель. 9. Большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое годичное движение Солнца. 10. Пьеса Б. Шоу. 11. Инструмент для письма и рисования красками. 13. Дом для кратковременного проживания. 15. Грызун с ценным темным мехом. 20. Математический знак. 22. Живописец, автор картины «Неравный брак». 24. Русский мореплаватель, адмирал. 25. Областной центр в РСФСР. 28. Парусное судно. 29. Большая дикая американская кошка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Реферат. 4. «Камаринская». 7. «Пороша». 9. Нокаут. 12. Кенаф. 14. Пассатижи. 15. Авантитул. 16. Яблонская. 18. Капутикян. 21. Верфь. 22. Ариозо. 24. Конкур. 25. Перекладина. 26. Челеста.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Медицина. 2. Румба. 3. Тукан. 5. Транспортир. 6. Дарвинистка. 7. Преамбула. 8. Штат. 10. Озон. 11. Табулятор. 12. Кажлаев. 13. Февраль. 17. Сказ. 19. «Утро». 20. Ермолаев. 23. Овруч. 24. «Книга».

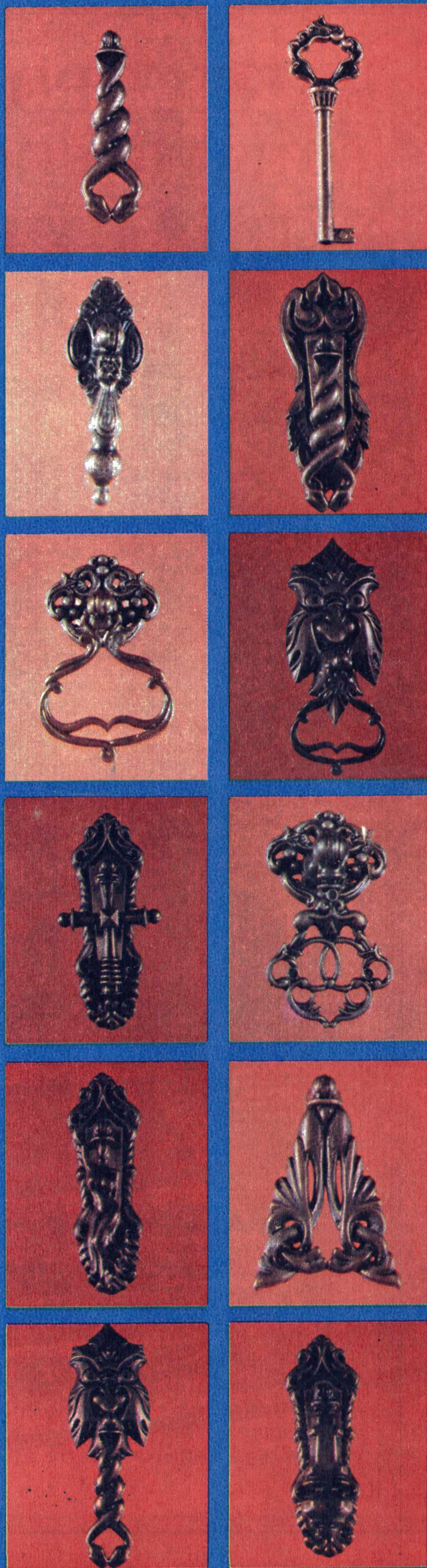
ИЩЕМ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СОВМЕСТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ !

Основной вид нашей деятельности - лицевая мебельная фурнитура.
По производству этой продукции в СССР "Грундулис" - признанный лидер.
Годовой оборот - 70 млн. рублей, широкий рынок сбыта, готовность к сотрудничеству.
"Грундулис" располагает правом на экспорт леса, мрамора, мебели, спортивно - туристических катеров.

НАШЕ КРЕДО В БИЗНЕСЕ -

ДЕЛОВАЯ ЭТИКА,
ПОИСК НОВОГО,
ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ!

226007
Латвийская Республика,
Рига, ул. Даугавгривас, 60
тел. (013-2) 456188
телефакс 766230

1 руб. Индекс 70663